
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2876)

28 АВГУСТА 1982

Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз Т-7» на старте.

Телефото В. Кузьмина, О. Кузьмина (ТАСС)

СЕСТРА

В. Лебедев, Л. Попов, С. Савицкая, А. Серебров и А. Березовой на борту научно-исследовательского комплекса «Салют-7» — «Союз Т-5» — «Союз Т-7».

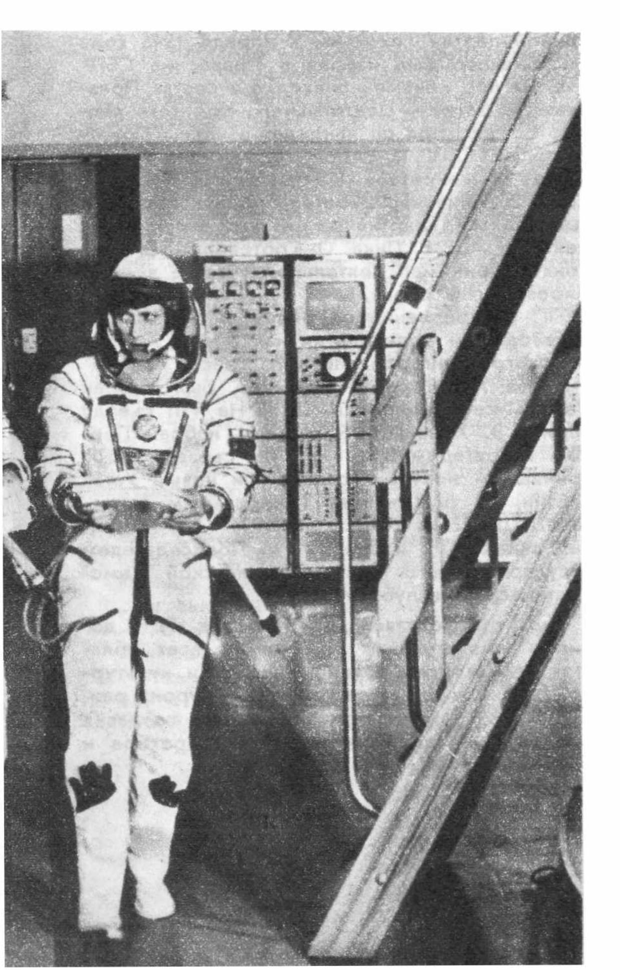
Снимок получен по телекосмической связи. (ТАСС)

КОСМИЧЕСКИХ БРАТЬЕВ

Экипаж космического корабля «Союз Т-7» идет на очередную предполетную тренировку.

Командир экипажа дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Л. И. Попов (в центре), космонавт-исследователь С. Е. Савицкая и бортинженер А. А. Серебров в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Во время встречи.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ЭРИХУ ХОНЕККЕРУ—СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

25 августа 1982 года исполнилось 70 лет Генеральному секретарю ЦК СЕПГ, Председателю Государственного совета ГДР Эриху Хонеккеру.

Сын рабочего-горняка, Э. Хонеккер рано познал нужду и лишения, суровую капиталистическую действительность. Окончив школу, Э. Хонеккер стал сельскохозяйственным рабочим, затем работал кровельщиком. Вскоре главным в его жизни становится политическая работа и революционная борьба. Формирование его политического сознания происходило в рядах революционного молодежного движения Саара. Четырнадцати лет он вступил в Коммунистический союз молодежи Германии (КСМГ), а в 1929 году, 17-летним юношей, стал членом Коммунистической партии Германии. Вот уже более полувека жизнь и деятельность товарища Хонеккера связаны с борьбой за счастье трудового народа, за торжество социализма на немецкой земле.

В 1930 году ЦК КСМГ направил его на учебу в Международную ленинскую школу в Москве. Вместе с другими молодыми коммунистами он был членом международных бригад, участвовавших в строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Вспоминая полвека спустя об этом времени, Э. Хонеккер в своей автобиографической книге «Из моей жизни» писал: «Это пребывание в Москве и участие затем, летом 1931 г., в строительстве металлургического комбината им. В. И. Ленина в Магнитогорске произвели на меня незабываемое впечатление и решающим образом повлияли на всю мою дальнейшую жизнь. Я еще больше полюбил страну Ленина и ее людей, еще большее восхищение вызвал у меня героизм их труда и борьбы за новый мир».

С 1931 года товарищ Хонеккер находится на ответственной политической работе. Он был руководителем Саарского окружного правления КСМГ и одновременно принимал участие в деятельности коммунистической партии. После установления в Германии фашистской диктатуры Э. Хонеккер переходит на нелегальное положение, активно участвует в организации антифашистской борьбы в Рурской области, а затем руководит подпольной борьбой молодежи в Гессене, Бадене, Вюртемберге и Пфальце. Летом 1935 года ЦК КСМГ поручил ему руководство нелегальной работой молодежи в Берлине.

В 1935 году Э. Хонеккер был выслежен гестаповскими ищейками и арестован. После полутора лет предварительного заключения он был приговорен к десяти годам каторжной тюрьмы. 27 апреля 1945 года он был освобожден воинами Советской Армии.

После разгрома германского фашизма Э. Хонеккер сразу же включается в политическую и организационную работу компартии на одном из важнейших участков ее деятельности — перевоспитания в демократическом духе поколения молодых немцев. Он был избран секретарем ЦК КПГ по вопросам молодежи, вел большую работу по вовлечению молодежи в осуществление антифашистско-демократических преобразований, в строительство новой жизни. В 1946 году товарищ Хонеккер был в числе инициаторов создания единой демократической молодежной организации — Союза свободной немецкой молодежи — и вплоть до 1955 года в качестве председателя ее Центрального совета возглавлял работу по развитию молодежного движения и укреплению ССНМ как боевого резерва партии рабочего класса.

На учредительном съезде Социалистической единой партии Германии в апреле 1946 года Э. Хонеккер был избран в Правление СЕПГ и с тех пор неизменно входил в состав Правления, а затем — Центрального Комитета партии. С 1950 года он кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, а с 1958 года — член Политбюро и секретарь Центрального Комитета СЕПГ. Э. Хонеккер работал под руководством выдающихся партийных и государственных деятелей ГДР В. Пика, О. Гротеволя и В. Ульбрихта, принимал деятельное участие в формировании и проведении генеральной линии СЕПГ, в укреплении ее рядов и повышении руководящей роли партии как боевого марксистского авангарда рабочего класса.

В мае 1971 года Э. Хонеккер был избран Первым секретарем ЦК СЕПГ. На VIII съезде партии Э. Хонеккер был вновь избран Первым секретарем ЦК, а на IX съезде СЕПГ, принявшем новую Программу и новый Устав партии, он был избран Генеральным секретарем ЦК СЕПГ. 29 октября 1976 года Народная палата ГДР избрала его Председателем Государственного совета Германской Демократической Республики.

Под руководством СЕПГ народ ГДР добился замечательных успехов во всех областях политической, экономической и культурной жизни и в настоящее время строит развитое социалистическое общество, создавая предпосылки для постепенного перехода к коммунизму.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

20 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

Товарищи Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал обменялись информацией о социально-политическом и экономическом развитии Советского Союза и Монголии, обсудили наиболее важные вопросы двусторонних отношений.

Большое внимание Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал уделили обстановке в Азии и на Ближнем Востоке. Эти районы не обошла стороной возросшая международная напряженность. Там сохраняется немало конфликтных ситуаций, от которых страдают народы.

Десятилетиями Ближний Восток не знает мира, а лишь короткие передышки между войнами. Нынешняя трагедия арабского народа Палестины, трагедия Ливана — логическое следствие сделок типа Кэмп-Дэвида. К прочному миру на Ближнем Востоке невозможно прийти ни через сепаратные сделки, ни дорогой разбоя, насилия и геноцида, как это избрал для себя Израиль. Только справедливое всеобъемлющее политическое урегулирование может надежно обеспечить жизненные права всех народов, для которых Ближний Восток является отчим домом.

Советский Союз и Монголия с удовлетворением отмечают недавние акции доброй воли трех стран Индокитая: вывод части вьетнамских войск из Народной Республики Кампучии, конструктивные практические меры по развитию диалога со странами АСЕАН, Китаем и другими соседними государствами.

СССР и МНР выражают готовность обсудить со всеми заинтересованными государствами этого региона пути, ведущие к кардинальному улучшению обстановки.

Ю. Цеденбал подчеркнул, что МНР полностью согласна с положениями о Китае, выдвинутыми в известной речи Л. И. Брежнева в Ташкенте.

Встреча Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала прошла в сердечной, дружеской атмосфере и была отмечена полным единством взглядов.

Во встрече принял участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Э. Хонеккер уделяет большое внимание развитию и углублению всестороннего сотрудничества СЕПГ и ГДР с КПСС и СССР, с другими партиями и странами социалистического содружества, укреплению международного коммунистического движения.

В ходе состоявшегося в октябре 1975 года визита в Советский Союз партийно-государственной делегации ГДР, ставшего важной вехой на пути укрепления отношений братской дружбы и единства наших стран и народов, Л. И. Брежневым и Э. Хонеккером был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР, поднявший отношения обоих государств на новую, более высокую ступень. «За три десятилетия существования Германской Демократической Республики,— писал Э. Хонеккер, обращаясь к советским читателям в книге своих воспоминаний,—полностью подтвердилось, что дружба с Советским Союзом является основой всех успехов, достигнутых нашим народом на пути строительства социализма. Этот тесный союз является нашим величайшим завоеванием. Он глубоко укоренился в сознании людей, определяет их мысли и поступки. Он нерушим».

В августе этого года на традиционной дружественной встрече в Крыму, характеризовавшейся единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам, Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер констатировали, что тесная дружба Советского Союза и Германской Демократической Республики является надежным залогом дальнейших успехов в решении задач социалистического и коммунистического строительства. Она представляет собой влиятельный фактор политической стабильности на европейском континенте.

Советские люди приветствуют и поздравляют стойкого борца-антифашиста и интернационалиста, верного друга нашей страны товарища Эриха Хонеккера с 70-летием со дня рождения и желают ему новых больших успехов в его партийной и государственной деятельности на благо Германской Демократической Республики, дальнейшего укрепления братского союза наших партий, стран и народов, на благо социализма и мира.

В. ГРЕНКОВ

ЗА МИР БОРЮТСЯ

Викентий МАТВЕЕВ,
заместитель председателя Советского комитета защиты мира

Есть даты в истории, которые нельзя забывать. Их не вытравить из памяти народов. Они предостерегают и учат. Таков день 1 сентября. 43 года назад в этот день надвигавшаяся на человечество с начала тридцатых годов вторая мировая война стала свершившимся фактом — гитлеровская Германия напала на Польшу. Затем последовал фашистский блицкриг в Западной Европе.

Народы заплатили тяжелейшую цену за преступную антисоветскую игру правительств Запада с фашистскими хищниками. Несмотря на настойчивые усилия советской дипломатии выковать фронт коллективного отпора захватчикам, правящие круги Англии, Франции, США до последнего момента вынашивали планы направить нацистскую экспансию в восточном направлении. Авторы такой коварной политики сами попались в расставленные ими сети. В Великой Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками советский народ, руководимый Коммунистической партией, сломил хребет агрессору, спас человечество от коричневой чумы, расползшейся не только по европейской земле, но и по Азии и Африке.

1 сентября широкие слои общественности в разных странах отмечают Международный день мира. История учит, как важно вовремя увидеть военную опасность, подняться на действенную борьбу с ней. Ядерная война означала бы разрушение человеческой цивилизации, а быть может, и гибель самой жизни на Земле. Имеющихся военных арсеналов достаточно для многократного убийства. Но и силы, противостоящие безумию войны, сегодня значительно более внушительны, чем это было в 30-х годах. Уже не одно Советское государство, находившееся тогда во враждебном окружении, а могучее содружество социалистических стран выступает ныне в авангарде непрекращающейся на просторах нашей планеты битвы за мир, за разоружение.

Значительно возросла активность широких слоев мировой общественности, сознающей всю важность проблемы войны и мира для всех народов.

Поэтому, несмотря на то, что нынешний Международный день мира общественность встречает в условиях осложнения обстановки на международной арене, не пессимизм, а оптимизм, вера в возможность предотвращения военной катастрофы вдохновляют миллионы людей на всех континентах.

Этот оптимизм лежит в основе исторической инициативы Советского Союза, заключенной в послании Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Советский Союз принял на себя обязательство не применять первым ядерное оружие.

В послании указывается, что Советский Союз принимает на себя такое обязательство, будучи уверенным в силе здравого смысла, с верой в возможности человечества избежать самоуничтожения, обеспечить мир и прогресс для нынешнего и грядущих поколений.

Мы не питаем иллюзий насчет того, что в штабах НАТО, в Пентагоне быстро последуют этому нашему примеру. Но, помимо Америки атомщиков, есть Америка миллионов людей доброй воли. В США множатся ряды движения сторонников мира.

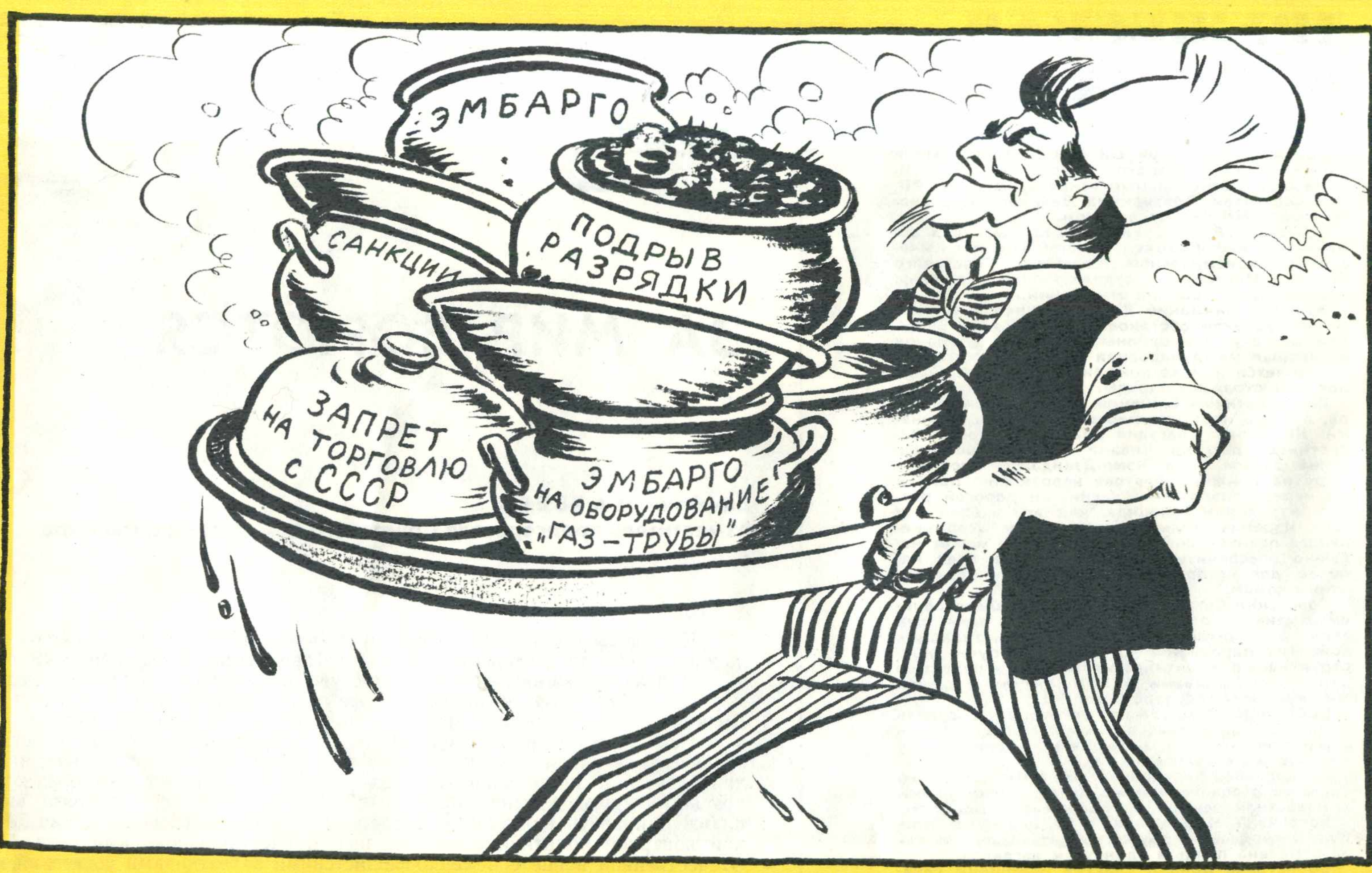
Сегодня грандиозные манифестации в защиту мира проходят по всем странам и континентам. 29 июля в Минске финишировал вышедший из Стокгольма «Марш мира-82». В нем вместе со сторонниками мира из стран Скандинавии участвовали и представители советской общественности. В одном Ленинграде к маршу присоединилось около сотни тысяч жителей города.

Количество, переходящее в новое качество! Движение за мир уже не могут игнорировать и самые твердолобые политики на Западе. Сперва они утверждали, будто такое выражение чувств миллионов рядовых людей «организовано» Москвой. Затем стали бубнить о том, что, дескать, западной общественности нечего рассчитывать на отклик советских людей, ибо у нас, мол, нет возможности для изъявления воли к миру. Чего только не городят эти апологеты гонки вооружений, стремящиеся во имя новых барышей затормозить прогресс человечества.

Вот что заявила одна из участниц «Марша мира-82», норвежка Л. Петерсен, в Минске: «Нам хотелось взглянуть советским людям в глаза и понять, что они думают. Сейчас мне с трудом верится, но перед началом марша меня убеждали, что нас будут встречать угрюмые люди в солдатской форме. А взгляните, какая сердечная атмосфера царит повсюду. Знаете, у меня теперь в Советском Союзе больше друзей, чем на родине. Ведь здесь каждый искренне хочет мира».

Чувство солидарности людей разных стран и людей разных убеждений перед лицом общей грозной опасности для нашей планеты — великое чувство, рождающее созидательную энергию в усилиях за обеспечение мирного будущего. Мы оглядываемся назад, на суровую пору военных испытаний, чтобы еще настойчивее действовать ради торжества жизни над злом уничтожения.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВАШИНГТОНСКАЯ СТРЯПНЯ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Стара, замызганна посуда,
Над ней клубится едкий пар:
В Европу тащит
«чудо»-блюда
Заокеанский кулинар.

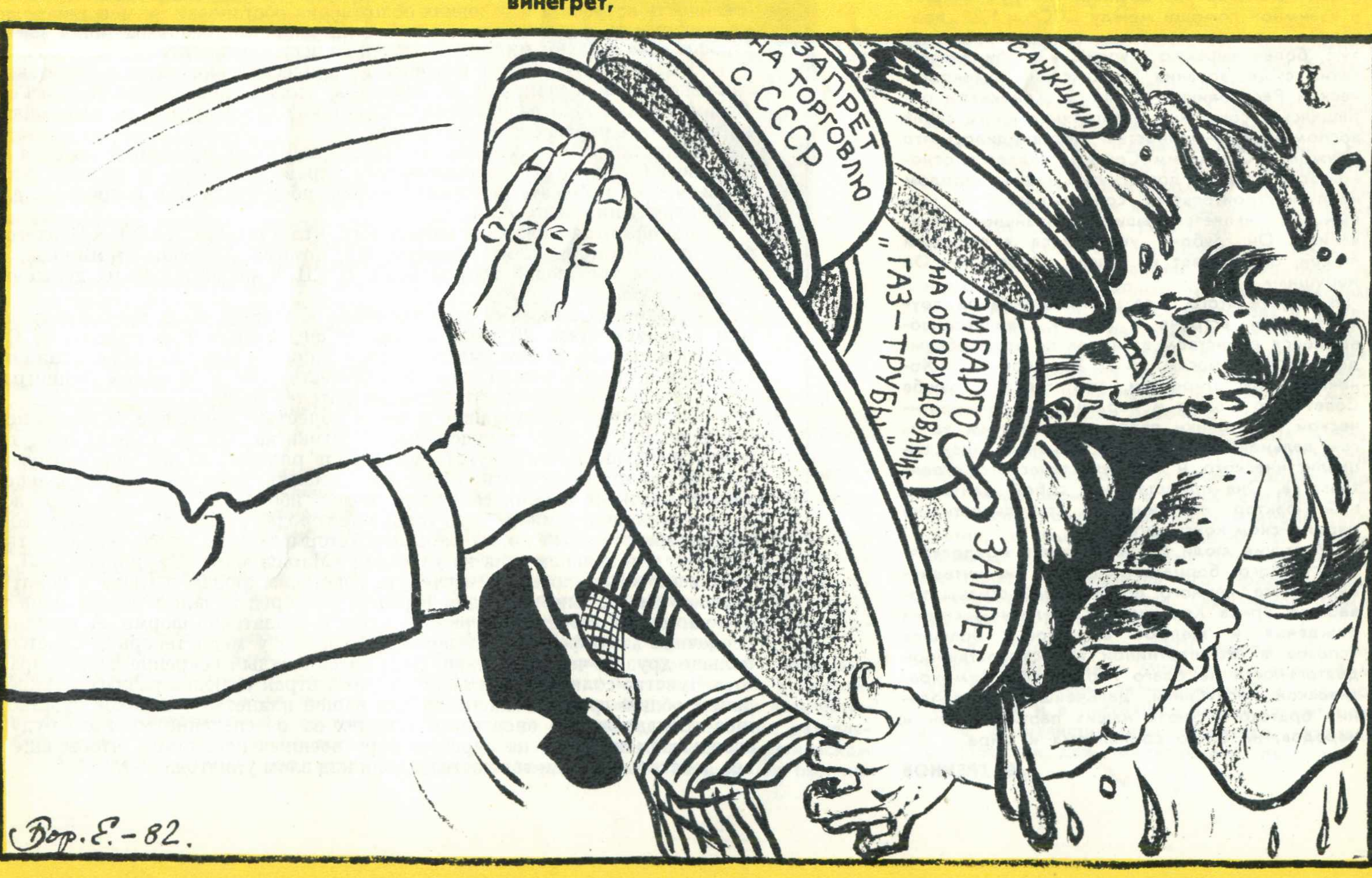
Стремился мистер
подогреть
«ЭМБАРГО» —
пакостную снедь.

Несвеж, невкусен
винегрет,
Его название —
«ЗАПРЕТ».
Окрошка «САНКЦИИ» —
с приправой:
Несет от варева отравой.

В прокисшем соусе
гуляш.
Он именуется
«ШАНТАЖ».

Из тухлой дичи яства
гадки,
На них ярлык: «ПОДРЫВ
РАЗРЯДКИ».

Но тщетно повар предлагает
Свое стандартное меню:
Европа явно отвергает
Неаппетитную стряпню!

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Если жители героического, окруженного со всех сторон израильскими войсками, полуразрушенного, голодного, изможденного, но несдавшегося Западного Бейрута провожали палестинских бойцов как победителей, цветами и салютом, то население Израиля, по словам тель-авивского корреспондента американской телевизионной компании Эн-би-си, не праздновало эту «победу Бегина и Шарона», каковой ее пытается представить израильская пропаганда.

Да, цель, которую преследовали сионисты: раз и навсегда, одним ударом разгромить и уничтожить Организацию освобождения Палестины — боевой руководящий орган палестинцев,— так и не была достигнута.

Мужественные защитники Западного Бейрута сдержали натиск вдесятеро превосходящих сил израильтян. Два месяца жесточайшей бомбардировки и непрестанного артобстрела не сломили стойкости защитников города. И только из понимания того факта, что от варварской жестокости израильских агрессоров гибнут ни в чем не повинные дети, старики, женщины, палестинские бойцы, по соглашению, покинули растерзанный город. «Палестинцы убеждены,— подчеркивает в своем репортаже об эвакуации из Бейрута палестинских бойцов корреспондент Эн-би-си,— что они, несомненно, одержали над Израилем политическую и в какой-то степени военную победу». Английская газета «Дейли телеграф» пишет: «Израиль не разгромил ООП. Напротив, эта организация вышла из войны как никогда более сильной, несмотря на безжалостные попытки Тель-Авива «ликвидировать ее руководство».

Да разве можно уничтожить стремление целого народа вернуть свою родину, желание миллионов обрести наконец свой домашний очаг? Нет, понятие родины, любовь к своей отчизне не вытравить из сознания палестинцев ни напалмом, ни тюремными камерами, ни голодом, ни изгнанием.

В оккупированных интервентами южных районах Ливана не прекращаются издевательства, произвол и насилие по отношению к палестинским беженцам и местному населению. Разрушив основные лагеря беженцев и оставив без крова десятки тысяч обездоленных семей, израильтяне стараются полностью стереть эти населенные пункты с лица земли. Даже если бы Тель-Авиву удалось уничтожить палестинские отряды полностью, разве не ясно, что из полумиллиона палестинцев, проживающих в Ливане, выйдут новые бойцы, которые продолжат правое дело своих братьев?

В тылу у израильтян разгорается партизанская борьба палестинцев. Их удары становятся все более чувствительными для агрессора. «Несмотря на интенсивное «прочесывание»,— пишет сирийская газета «Аль-Баас»,— агрессору не удается обнаружить патриотов и расправиться с ними. Деятельность партизан будет все более активной, пока оккупанты не уйдут с ливанской земли».

Нет, не разгромили захватчики Организацию освобождения Палестины. 117 государств — подавляющее большинство членов ООН — признали палестинскую организацию. Некоторые европейские государства, формально не признавшие ООП, позволили ей открыть свои полуофициальные миссии. ООП имеет место наблюдателя в ООН.

Палестинские отряды мужественно дали бой агрессору, нанесли ему тяжелые потери. Они покидают Западный Бейрут, но покидают непобежденными, с полной уверенностью в правоте своей борьбы.

В. ДУНАЕВ

АГРЕССИЯ РАСИСТОВ

●

В отделение ТАСС в Луанде продолжают поступать сообщения об агрессии расистов ЮАР против суверенной Анголы. Южноафриканские интервенционистские войска вторглись в глубь территории республики более чем на 200 километров от границ с Намибией и находятся сейчас севернее населенного пункта Кувелай (провинция Кунене). Авиация ЮАР совершает налеты на населенные пункты и подразделения Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА). Имеются человеческие жертвы, нанесен значительный материальный ущерб.

В эти дни тревожно и напряженно бьется пульс столицы страны — Луанды. Лица людей серьезны и сосредоточенны. Юные разносчики газет едва успевают выйти из редакции, как у них тут же разбирают газеты с новыми сообщениями о положении на юге страны.

Военщина Претории совершила агрессию накануне встречи в Нью-Йорке представителей заинтересованных государств по разрешению намибийской проблемы. Это запланированное вторжение имеет цель дестабилизировать положение на Юге Африки и в Анголе, а также оказать давление на СВАПО с тем, чтобы решить проблему Намибии в интересах Претории и стран Запада.

«Мир является свидетелем преступного геноцида расистов ЮАР на Юге Африки и, в частности, в южной провинции Анголы — Кунене,— заявил на днях член Политбюро, секретарь ЦК МПЛА — Партии труда Лусиу Лара.— Такая преступная политика агрессии и насилия получает полную поддержку и одобрение со стороны нынешней администрации США. Сегодня Ангола находится в состоянии необъявленной войны со стороны расистской ЮАР, наносящей нам огромный материальный ущерб и тормозящей наше движение по избранному пути».

Недавно мне довелось побывать в провинции Уамбо, где я встретился с представителями местных органов власти, а также с бойцами и командирами ФАПЛА.

«Главная цель расистов Претории,— сказал мне командующий южным военным округом Аиньо Мартинш,— силой оружия попытаться заставить ангольский народ отказаться от избранного пути социалистического строительства. Расисты продолжают топтать нашу землю. Вооруженные силы республики делают все, чтобы защитить завоевания революции, которых народ Анголы добился ценой огромных жертв и лишений».

«Изгнать оккупантов с ангольской земли — наш священный долг,— говорит сержант Силву Мораиш,— для этого мы должны в совершенстве владеть оружием и боевой техникой, которые доверил нам народ».

Нынешняя агрессия расистов не является для НРА какой-то неожиданностью. Перед ее началом министр обороны НРА Педру Мария Тонья на пресс-конференции заявил о том, что военщина Претории готовит новое вторжение в Анголу.

Расисты осуществили бомбардировку электростанции, аэропорта и железной дороги в провинции Уила. Военщина ЮАР стремится вызвать панику среди населения Анголы, подорвать боевой дух ФАПЛА. В вооруженных провокациях против НРА она использует и иностранных наемников, которых вербует в ряде стран Европы.

Я беседовал с беженцами в провинции Уамбо. «Проклятие на голову тех, кто убил моего мужа и семилетнего ребенка!» — восклицает Мария Сантош. «Я добровольно пойду в ФАПЛА,— говорит Жоао Жоао Донду,— буду мстить оккупантам за убитого ими отца».

Вспоминая все эти встречи и беседы, я невольно возвращаюсь к более ранним событиям и преступлениям Претории против НРА. В мае 1978 года я в составе группы иностранных журналистов побывал в Касинге, о трагедии которой теперь знает весь мир. Увиденное в Касинге не могло не потрясти. Все, что могло гореть, было сожжено напалмом, деревня была превращена в груду пепла. Но самое страшное — это огромный ров, куда было брошено более 600 женщин, стариков и детей. Юаровские головорезы не успели их закопать и скрыть следы своих кровавых преступлений.

Те же методы, тот же почерк... Расисты ЮАР и сегодня не щадят женщин, стариков и детей, совершая чудовищные акты вандализма и насилия на суверенной ангольской земле.

Однако любителям военных авантюр и тем, кто совершил новую агрессию против суверенной Анголы, следовало бы помнить, что ангольский народ полон решимости твердо защищать революционные завоевания, он знает, что в этой справедливой борьбе он не одинок. На его стороне — помощь и поддержка всей прогрессивной Африки, всех миролюбивых людей мира.

Николай СЕМЕНОВ,
корреспондент ТАСС

Специально для «Огонька»

2 СЕНТЯБРЯ 1945 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ, С 1976 ГОДА — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Юные жители Ханоя.

М. ДОМОГАЦКИХ

Тридцать семь лет назад, в жаркие августовские дни 1945 года, во Вьетнаме началось всеобщее вооруженное восстание, долго и кропотливо готовившееся партией коммунистов. Бои шли в Ханое, Хайфоне, Намдине, в других городах и провинциях страны. Вооруженное восстание, поддержанное всем народом, переросло в революцию, освободившую страну от колониального господства.

Один из коммунистов-ветеранов, прошедший через тюрьмы и концлагеря, а ныне видный хозяйственный руководитель Ву Куи, с которым я недавно встретился в Ханое, рассказывал:

— В пятидесятом году в провинции Хадонг, где я был секретарем, было двадцать тысяч коммунистов. А когда кончилась первая война Сопротивления и французы убрались из Вьетнама, нас оставалось чуть больше тысячи.

Я смотрю на старую, пожелтевшую от времени фотографию тех лет и вижу президента Хо Ши Мина и секретаря провинциального комитета партии Ву Куи, работающих на поливке рисового поля. Взявшись за веревочные ручки сплетенного из бамбука черпака, они перебрасывают воду из небольшого озерка в желоб канала. Каждый человек — от президента до крестьянина — сражался с засухой, обрушившейся на северные районы Вьетнама.

— Мы не знали тогда,— говорит товарищ Ву Куи,— что силы реакции готовят нашему народу еще более суровые испытания. Американцы уже разрабатывали план новой войны против Вьетнама.

Трудные годы борьбы с более чем полумиллионной армией Соединенных Штатов и их союзников по разбою, с миллионной марионеточной армией сайгонского режима вошли в историю как образец беспримерного героизма народа Вьетнама. Он выстоял, выдержав бесчисленные налеты авиации, напалмовые смерчи и ядовитые дожди, шариковые и кассетные бомбы.

В Москве у меня в гостях был один из выдающихся героев войны против американской агрессии, военный летчик Фам Туан, сбивший на советском МИГе «летающую крепость» В-52. Пилот рассказывал, как в темном небе над Ханоем, прорвавшись сквозь заградительный огонь бортовых пулеметов и пушек В-52, он всадил в него серию ракет. Пройдут годы, и слушатель Военно-воздушной академии имени Гагарина Фам Туан станет первым вьетнамским космонавтом. Две звезды Героя Вьетнама и Золотая Звезда Героя Советского Союза украшают ныне грудь одного из тех, кто нес на крыльях боевых машин победу над агрессором.

...В солнечный полдень последнего дня апреля 1975 года капитан Буй на танке Т-34 первым прорвался к дворцу южновьетнамских «президентов» в Сайгоне, взломал массивные железные ворота и остановил пышущую жаром машину у подъезда дворца. Он сорвал флаг павшего режима и поднял ввысь знамя победившего народа. Оно затрепетало в голубом небе над городом, которому было возвращено имя Хо Ши Мина, присвоенное ему сразу после победы Августовской революции 1945 года. Объединение родины завершилось.

Меньше четырех лет продолжалась мирная передышка. Весной 1979 года в северные провинции Вьетнама вторглись дивизии китайских экспансионистов. Это было не первое нападение с севера. История Вьетнама — это летопись сражений за свободу от посягательств китайских богдыханов.

— С методичной жестокостью китайские агрессоры взрывали предприятия и школы, институты и электростанции, мосты и ирригационные сооружения, убивали мирных жителей и увозили к себе запасы продовольствия,— рассказывает секретарь партийного комитета провинции Каобанг, член ЦК КПВ товарищ Зыонг Тыонг.— Но коммунисты сумели поднять народ на преодоление трудностей. С помощью братских стран социализма в Каобанге восстанавливаются и строятся ирригационные системы, промышленные предприятия, мосты и школы, жилье и детские учреждения. И мы искренне благодарны советским друзьям и братьям за постоянную помощь и поддержку.

Сегодня над Вьетнамом мирное небо, но на северной границе неспокойно: китайские экспансионисты ведут постоянный артиллерийский обстрел, вторгаются на территорию СРВ, проводят подрывные акции, плетут сети заговора против нее в международном плане. Вьетнамский народ, занятый созидательным трудом, бдительно следит за происками врагов, давая им достойный отпор. Он выступает как последовательный борец за мир, разоружение, создание климата доверия и безопасности. Его инициативы, направленные на установление добрососедских отношений в Юго-Восточной Азии и во всем мире, находят широкую поддержку международной общественности.

Чаяния и надежды народа на успешное развитие экономического строительства были выражены со всей полнотой на состоявшемся в марте нынешнего года V съезде вьетнамских коммунистов. Делегаты партийного форума обсуждали планы пятилетки, говорили о совершенствовании методов хозяйственного управления, вносили конкретные предложения, чтобы социалистическое строительство шло быстрее, успешнее. Съезд наметил реальные рубежи третьей пятилетки Вьетнама.

В минувшем году страна получила рекордный урожай продовольственных культур. В этом году весенний урожай был выше прошлогоднего. Наращивает темпы угольная промышленность. Строится с помощью Советского Союза на реке Черной крупнейший в Юго-Восточной Азии гидроузел Хоабинь мощностью почти два миллиона киловатт. В конце года предстоит первый этап перекрытия этой самой полноводной реки Вьетнама. Успешно сооружается мощная теплоэлектростанция Фалай недалеко от Ханоя, расширяются и реконструируются морские ворота Вьетнама — порт Хайфон. В стране продолжаются, как было определено еще на предыдущем съезде партии, одновременно три революции — экономическая, социальная и научно-техническая.

«Каждая дорога начинается с первого шага» — гласит древняя вьетнамская пословица. Героический народ Вьетнама уверенно идет по намеченному партией пути. С верой и оптимизмом смотрит он в завтрашний день.

Ханой.

ЕДИНСТВО, ТВОРЧЕСТВО, КРАСОТА

15 августа в Софии открылась вторая международная ассамблея детей «Знамя мира».

На первой такой встрече, организованной по инициативе члена Политбюро ЦК БКП, председателя Комитета по культуре НРБ Людмилы Живковой в 1979 году, собрались молодые художники, писатели и музыканты из 77 стран. На встрече «София-80» делегаты представляли 90 государств. Сейчас болгарская столица встречает юных посланников из более чем ста стран. Их объединяет девиз «ЕДИНСТВО, ТВОРЧЕСТВО, КРАСОТА».

На десять августовских дней Болгария стала республикой детей всего мира, а София — ее столицей. Отсюда созданные ребятами песни, стихи, рисунки разлетятся, словно листовки, по всему миру. Странички из ученических тетрадок станут одним большим солнцем, чтобы растопить льды вражды и недоверия.

Молодые граждане — треть всего населения Земли. Им предстоит совершенствовать человеческие отношения в мире, умножать его духовные и материальные богатства.

Сегодня на нашей планете немало еще мест, где грохочут выстрелы, льется кровь, разрушается созданное человеческими руками, где умирают от голода и болезней, где люди не имеют доступа к знаниям и культуре. На вооружение одного солдата расходуется сумма, которой хватило бы, чтобы дать образование 80 человекам. Одна межконтинентальная баллистическая ракета поглощает средства, которых достаточно, чтобы накормить миллионы голодающих.

В софийском небе звучат серебряные голоса колоколов мира, дружбы и радости. Колокола привезли участники первой ассамблеи, и их установили на монументе «Знамя мира». Язык софийских колоколов, как и язык детей, не нуждается в переводе, он понятен всем. Он говорит о мире и созидании, о тревогах и надежде. Верьте в будущее и приближайте его — вдохновенно и талантливо! — говорят колокола мира.

Георги СТРУМСКИ, болгарский писатель, заслуженный деятель культуры НРБ

Михаил **КОЛОСОВ**

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Сколько помню себя, столько помню хлеб, помню, что он всегда был труден, его всегда не хватало. И даже сейчас, когда полки булочных ломятся от него — от разного, когда в домах и в столовых его горы, когда им полнятся ведра для пищевых отходов,—его все равно не хватает. Не хватает для скота, не хватает для промышленности. Нет хлеба лишнего — он нам достается очень трудно...

У всех народов есть какие-то свои святые понятия, вещи, традиции. Святые не в смысле религиозном, а в общебытовом, житейском, что ли, плане — самые дорогие, самые ценные, самые необходимые. Но при всей разнице языков, истории, культуры, общего развития у всех на первом месте стоят три таких святых понятия: Родина, Мать, Хлеб.

Забвение хотя бы одного из них делает жизнь человека бессмысленной, неполноценной либо даже совершенно невозможной.

У нас сегодня разговор идет только об одном из этих понятий — о хлебе.

И хотя о нем почти все уже сказано — и как он нужен всем, и какова его цена, и как его необходимо беречь; и хотя о нем сложены стихи и песни и высказаны все, какие только можно, превосходные эпитеты; и хотя нет, кажется, человека, который пренебрегал бы хлебом, не знал его вкуса, не дорожил им, тем не менее разговор о нем время от времени возникает. И не просто возникает, а вспыхивает, как факел, и всегда бывает горячим, острым, страстным.

И неудивительно: речь-то идет о хлебе! Хлебе насущном, хлебе — первейшем и основном продукте питания человека. Да и не только человека. Трудно назвать животное — зверя ли, птицу ли, которое отказалось бы от хлеба, будь то плотоядное, травоядное или еще какое. На хлебные крошки и зерна с азартом слетаются птицы, на хлеб клюет рыба, хлеб едят насекомые. Но для большинства наших братьев меньших хлеб все-таки не основной продукт, а скорее деликатес. Для человека же хлеб — продукт первейший, и как хлеб в узком смысле этого слова — печеный хлеб, и как хлеб в широком смысле — зерно. Зерно пшеницы, ржи, ячменя, риса и т. д. Из хлеба-зерна производятся разные крупы и всевозможные мучные изделия — макароны, засыпки и прочее, из хлеба делаются и многочисленные напитки — все это необходимые человеку продукты питания. Хлеб идет и на корм животным, которые дают нам мясо, молоко, масло, идет и на технические нужды.

Вот и получается: несмотря на то, что мы ушли далеко по пути прогресса, хлеб не только не утратил своего значения, а еще больше возросла потребность в нем для жизнедеятельности человека.

Хлеб по-прежнему — всему голова. Хлеб по-прежнему — самое драгоценное, самое необходимое, ни с чем не сравнимое приобретение человечества. Настолько драгоценное, что его и сравнить-то не с чем. Если и можно с чем сравнить хлеб, так это, пожалуй, только с самой жизнью. Есть Хлеб — есть Жизнь!

И, слава богу, как говорят в народе, хлеб у нас есть. Есть он в достатке, вдоволь и по самой дешевой цене. Вот уже сколько лет, несмотря на различного рода погодные сложности и международные колебания, мы тем не менее не испытываем недостатка в хлебе: идем в магазин и покупаем. Ворчим иногда лишь по поводу ассортимента — пришел, а в тот момент нет «столового», есть только «орловский» да «бородинский», или батоны такие и такие есть, а вот таких-то нет. Но это издержки нашей пищевой индустрии и торговли, а хлеб в общем-то всегда есть и, повторяю, в избытке. Хлеба много!

Хлеба много, и в то же самое время, как это ни покажется парадоксальным, его у нас не хватает, и поэтому хлеб надо беречь, экономить.

Не хватает так же, как не хватает воздуха, которым мы дышим: воздуха много, никто не задыхается от недостатка кислорода, но тем не менее воздуха мало, его надо беречь. Беречь от безмерного сжирания моторами, беречь от загрязнения.

Не хватает так же, как не хватает пресной воды, которую мы пьем; ее много, никто еще не умер от жажды, но тем не менее воду надо беречь, экономить — ее мало. И становится все меньше. Так и хлеб. И даже не так — хлеб нам дорого обходится. Вода, воздух даны человеку природой в готовом виде, а хлеб надо вырастить. Прикиньте, сколько труда человеческого вложено в маленькую булочку — от пахаря до пекаря,— пока она попала на ваш стол!

Хлеб надо беречь. Об этом мы много говорим, пишем, об этом все знают, и тем не менее сплошь и рядом можно встретить нерадивое отношение к хлебу: то батон выброшен на помойку, то употреблен не по назначению...

Казалось бы, почему такое? Сравнить с другими странами — вон какие нивы, нигде больше нет таких полей, такой шири неоглядной, колосятся поля,— с морем несравнимы, а только с океаном!

Чтобы ответить на это «почему», мало сказать, что хлеба нам нужно много, очень много и не только потому, что хлебушек любят все, а мы, русские люди,— особенно. Если на Западе его едят, как говорится, вприглядку, утром да вечером бутербродики, а в обед хлеба и вовсе не подают, то у нас и обед не обед, и еда не еда, если нет хлеба, да не просто хлеба, а и черного, и белого, и еще каких-нибудь ватрушек или калориек. Надо учесть и то, что потребность в нем из года в год неимоверно возрастает: увеличивается население, да к тому же в большей степени население городское — потребитель, а не производитель этого самого хлеба. И самое главное надо учесть: большая часть огромной нашей территории относится к зоне так называемого рискованного земледелия. Что это значит? А это значит, что, бросая зерно в землю, хлебороб рискует: либо будет, либо нет. Человек зависит от природы. А она у нас суровая и капризная. Бывают годы урожайные, а чаще...

Четвертый год подряд природа испытывает нас: то сушь, то дождь, то жара, то холод, четвертый год мы буквально вырываем из ее цепких рук хлеб наш насущный.

Еще живы в памяти картины страды прошлых лет, пшеничное поле в воде, будто рисовые чеки, комбайны, «обутые» в широкие гусеницы, комбайнеры в болотных сапогах и в теплых стеганках. Дожди непрерывные, а потом снег. Хлебные валки под снегом. Это позапрошлая страда. В прошлом году — сушь. В нынешнем...

В нынешнем всего хватает. В июне я был в Казахстане и видел некоторые хлебные поля — низкорослые, поникшие от бездождья. Степь в июне уже пепельно-серая, и хрустит под ногами пересохшая трава, как мелкое стекло. Земля зияет трещинами — просит воды, воды, дождя. И люди, глядя на поникшие колосья, говорят лишь одно: «Если пойдет дождь, может быть, успеет еще поправить...» Кое-где дождь прошел, кое-что подправил...

Сейчас по всей стране идет жатва. От Прибалтики до Приморья, от Кубани до Вологды — и всюду это настоящая битва за хлеб. Битва с природой. Даже на юге страны, в зоне наиболее благополучного земледелия — на Кубани, Ставрополье, на Дону,— везде хлеб нынче дается с боем. В самую страду вдруг зарядили дожди. А это уже известно — и качество зерна не то. Ростовская область еще продолжает уборку — люди прилагают все силы, чтобы вырвать урожай у непогоды. В совхозе «Гигант» свалили хлеб в валки, но их тут же накрыли ливни. Зерно стало прорастать, валки взялись травой: комбайну не осилить такой валок. Да к тому же еще и сырой. Пришлось приспосабливать технику, мобилизовать людей на ручной труд, чтобы перевернуть валки, просушить хоть немного и обмолотить.

Идет уборка в центральной части России. Дожди мало того что мешают жатве сами по себе, они положили хлеба на части полей.

...Я не запомнил фамилии, но надолго останется у меня в памяти лицо старого хлебороба из Луховицкого района Московской области. Оторвав от барабана клок намотавшейся мокрой соломы, он мял ее в руках и сокрушенно говорил:

— Сколько лет работаю на этой земле, а такой уборки не помню... Но уберем, соберем все до зернышка!

Трудный хлеб в этом году идет в закрома Родины. Не легче он был и во все прошлые годы. И надо в пояс поклониться тем людям, которые, не щадя здоровья и сил своих, вырывают у природы так необходимый всем нам хлеб.

А ко всем остальным хочется обратиться с просьбой слезной: берегите хлеб, расходуйте его экономно — он такой трудный, такой дорогой и такой необходимый.

См. II обл. и 1-ю стр.

СЕСТРА КОСМИЧЕСКИХ БРАТЬЕВ

Римма КОРНАУШЕНКО

Как-то в середине июня в тренажерном зале я увидела троих в скафандрах без шлемов. Двоих я узнала. Кто же третий? Прямая челка до глаз, а сзади волосы стянуты в резиночку. В скафандре женщина? Да, подтвердили методисты. Сейчас готовится новый экипаж, где космонавт-исследователь Светлана Савицкая, бортинженер Александр Серебров, а командир Леонид Попов. «Ну уж если суждено быть такому необычному коллективу, то лучшей кандидатуры на командира, чем Попов, не подберешь» — это первое, что пришло в голову.

185 суток проработал Попов на орбите с Валерием Рюминым на «Салюте-6». Самый длительный в истории освоения космоса полет!

Потом Леонид Попов летел по программе «Интеркосмос» с румынским космонавтом Думитру Прунариу.

В Центр подготовки Попов прибыл в 1970 году, а по возвращении из космоса ему исполнится 37 лет, и получается, что более половины сознательной жизни он провел в Звездном.

Это авторитетнейший человек в космонавтике, но авторитетом своим не давит, а опытом щедро делится с новичками.

Серебров — новое имя для широкой публики. А вот в Центре управления полетом его хорошо знают. Когда летали Ляхов и Рюмин, всю эту экспедицию он был на связи с ними.

На орбите, пока летают, в экипаже бывает всякое. Как правило, конечно, все идет ритмично, планово, но вдруг какой-то срыв, прибор откажет или просто настроение плохое — и такая пойдет «аритмия». И тут уж важно, кто именно с ними на связи. Серебров вел сеансы деликатно, с большим сопереживанием орбите. То твердо и четко диктовал, прямо вбивал цифры, то с юмором рассказывал о делах земных. Выполнял различные поручения, обзванивал по просьбе экипажа родных и друзей. Словом, летал вместе с ними. Но раньше его, задолго до этой работы в ЦУПе, в космос «полетела» его дипломная работа, точнее, та часть ее, что была посвящена одному из вопросов теплозащиты космического корабля. Тут, как говорится, комментарии излишни.

Из студентов Физтеха в аспиранты, защитил кандидатскую диссертацию по физике высоких температур, а потом работал на кафедре. По его словам, очень и очень давно хотелось в космос. Только, думаю, он и представить себе не мог, что дебютировать ему придется в таком необычном экипаже.

Вот уже почти двадцать лет, как космос прочно и устойчиво принадлежит мужчинам. «Это была настоящая мужская работа» (Георгий Гречко). «Космос пахнет потом» (Владимир Коваленок). «Вышел из корабля, словно черт на плечах сидит, а на ногах пудовые гири» (Виталий Севастьянов). Я вспомнила эти и другие слова о космосе, когда ехала в Звездный на встречу со Светланой Савицкой. Вспоминала лица космонавтов на тренировках в центрифуге, и в барокамере, и в корабле. Их натруженные рабочие руки. Трудная эта работа, истинно мужская. Мысленно готовила вопросы к Савицкой, а в голове бился один-единственный: зачем женщине космос?

Савицкая — человек именитый. О ней много писала пресса. Я приведу только основные, этапные ее достижения:

— освоила более двадцати типов самолетов;

— выполнила более пятисот парашютных прыжков;

— ее общий налет 1500 часов, из них 400 приходится на испытание новых самолетов;

— участница трех чемпионатов мира, установила 18 авиационных мировых рекордов, парашютных и самолетных;

— абсолютная чемпионка мира по высшему пилотажу, победила не побежденную более 10 лет американку Кокран.

Сейчас Савицкая практически единственная женщина в мире, которая летает на таких скоростях и на такой высоте. Запредельно много успела сделать... А ей всего лишь 34 года. С черно-белых газетных фотографий везде одинаково упрямо и жестко глядели глаза. Только они и запоминались. А какая она в жизни?

По лестнице профилактория Звездного в холл спустилась женщина в майке, цветной ситцевой юбке, ошеломительно будничная. Сразу я даже как-то не могла и сообразить, что вот эта стоящая передо мной женщина и есть Светлана Савицкая. Среднего роста, руки крепкие, с коротко остриженными ногтями. Ни косметики, ни духов.

Скажу сразу, что начало нашей беседы было довольно мучительным для обеих. Савицкая точна и прямолинейна в своих определениях и не хочет никаких интерпретаций, домыслов. Поэтому я стенографически точно передам наиболее важные фрагменты нашей беседы.

— Светлана, вы, наверное, с детства мечтали об авиации?

— Не мечтала и не бредила, как журналисты любят писать. Я твердо знала всегда, еще со школьных лет, чем хочу, чем буду заниматься. В Московский авиационный институт пошла потому, что посчитала: это — единственное место, где я смогу получить те знания, которые необходимы для будущей специальности. А параллельно училась летать в аэроклубе... После института работала летчиком-инструктором Центрального аэроклуба, выступала на соревнованиях. Набирала знания и опыт, чтобы потом обязательно перейти на ракетную технику...

Летчик — профессия как для мужчин, так и для женщин. Не надо делать меня исключительностью. У нас, в Центральном аэроклубе, в иные годы женщин в самолетном отряде было больше, чем мужчин. А перед войной и в войну разве мало женщин служило в авиации!

— Хорошо, пусть женщины летают, а испытания самолетов — это тоже, по-вашему, женская профессия?

— Летчик-испытатель — это просто более высокий профессиональный уровень. Никто никогда сразу испытателем не становился. Для этого нужны определенные качества, и не врожденные, а выработанные. Я скажу так: главное в нашем деле — думать. Надо, предположим, выполнить двадцать — тридцать фигур, скажем, штопорную бочку, шестигранную петлю, колокол, и все это на восходящих и нисходящих линиях. Очень задолго до полета математически точно, на бумаге просчитываешь, как лучше это сделать, ищешь варианты, думаешь. И когда летишь, в памяти записано, внедрено уже все. Почти все... Потому что в полете обязательно возникнут какие-то нюансы, но и они у тебя уже продуманы. И на пассажирских и на транспортных, тем более реактивных самолетах нельзя работать, не думая. И, конечно, много не налетаешь, если не знаешь досконально машины, не сжился с ней.

— Многие космонавты, те, что пришли из летчиков, рассказывали, как удивила их непохожесть космической техники на самолетную даже по внешнему оформлению. Вы впервые вошли в космический корабль... Ваши ощущения?

— Никаких эмоций не было. У меня выработался свой подход к технике, а корабль, космическая станция — это просто очередной этап. Прежде чем войти в тренажер, я слушала лекции, изучала чертежи, схемы и поэтому именно такой себе технику и представляла. Специфичной, но вполне постижимой. Работать приходится много, очень много.

— Значит, женщина в космическом скафандре...

— Это закономерно. Пройдет лет десять, и, извините меня, дико будет вспомнить, что кто-то задавался вопросом, стоит или не стоит женщинам работать в космосе. За рулем машины или штурвалом самолета — ведь это уже не вызывает удивления. И коль мы вышли в космос надолго, навсегда — женщины необходимы. Врач, инженер, геолог, журналист, если хотите. А значит, надо исследовать и решить вопросы, связанные с пребыванием женщин на борту, и в плане медицинском и в плане психологическом. Наш полет — это как задел на будущее. Первой была Валентина Владимировна Терешкова. Она пробыла в космосе семьдесят часов. Но тогда, после первых разведывательных полетов, специалисты решили, что женщинам на орбите работать пока не стоит. А теперь вот уровень надежности, жизнеобеспечения и комфортности станций дает возможность начинать и совместные полеты. Все самое сложное в космосе, как и везде, мужчины взяли на себя. Теперь есть большие, просторные отсеки, для меня планируют выделить один из них для отдыха как отдельное купе.

Работает Светлана хорошо, грамотно. Это отметили и Леонид Попов и Александр Серебров. И командир и бортинженер считают, что женщин пока в длительные полеты не стоит посылать. Это было бы даже негуманно по отношению к ним. А вот на короткий полет, в экспедиции посещения — это можно.

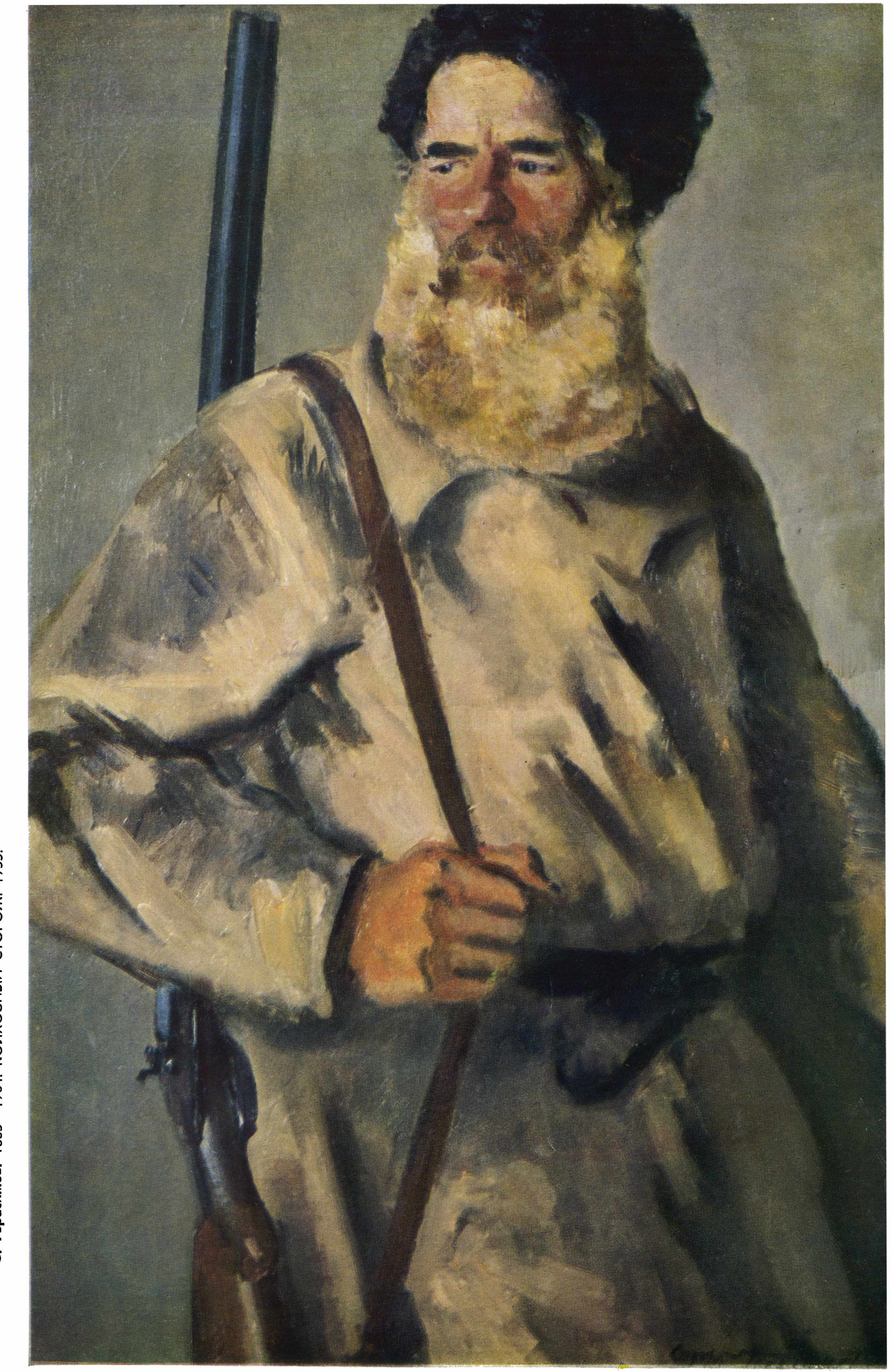
Научная программа их экспедиции разнопланова. Предусмотрены астрофизические и геофизические эксперименты на французской аппаратуре ПИРАМИГ и ПСН. Отдана дань космической технологии и биологии. Но главное место в программе их работы занимают медицинские исследования на советской и французской аппаратуре — «Браслет», «Эхография», «Воротник», «Антенна», «Пневматик», «Координация» и многие другие.

Пройдет время, закончится полет, обработают и проанализируют специалисты информацию, и тогда, очевидно, будет получен ответ на вопрос: открыт ли космос для женщин?

А тогда, после беседы в профилактории, мы вышли к озеру. Вечер был поздний, но теплый и светлый. Мальчишки с визгом кувыркались в воде. Светлана, будто проделав большую работу, вдруг стала мягче, проще. Охотно отвечала на вопросы. Да, она шьет себе, готовит обеды. Муж ими доволен. Глядя на мальчишек, она вдруг улыбнулась. Бог мой, Светлана Евгеньевна, как вам идет улыбка, и смех, и доброта. Милая, усталая, земная женщина. Но из тех, кому тесно только в мире кастрюль, домашнего уюта и земной красоты. Из тех одержимых, что рвутся к небу в высоком смысле этого слова.

На цветной вкладке публикуются картины художников с выставки «50 лет МОСХ».

С. Герасимов. 1885—1964. КОЛХОЗНЫЙ СТОРОЖ. 1933.

Г. Нисский. Род. 1903. ОСЕНЬ. СЕМАФОРЫ. 1932.

ПОВЕСТЬ О НЕСБЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

Анатолий ИВАНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

9

Возвращались с Борисенковых прудов молча, Чернышов был хмур, в машине не проронил ни одного слова, промолчал и на обеспокоенный вопрос Сапожникова: «Что с тобой, заболел, может?» — лишь махнул рукой: ничего, мол, так, хандра напала. Он отказался заехать на чашку чая к Сапожниковым, попросил отвезти его прямо в гостиницу, и там, выйдя из машины, сказал Леониду Гавриловичу:

— Писатель, он всегда болен. Всегда... Извини, я пойду к себе.— И действительно болезненно улыбнулся: — Как выздоровлю — дам о себе знать.

Потом он два дня сидел, запершись, в номере, выходил только в буфет, где, впрочем, кроме жидкого чая, прокисшего овощного салата, консервов да каких-то приторно-сладких лепешек, ничего не было. Руководство района попыталось было соблазнить по телефону отдохновением на лоне природы, но Чернышов сердито отказался: «Давайте как-нибудь потом с отдохновением, поскольку... пришло ко мне вдохновение». «Понятно. Работаете?» «Да, решил поработать». «Понятно, понятно. Не будем мешать...»

И не мешали. Чернышов часами лежал на жесткой и скрипучей гостиничной кровати, смотрел в потолок, в ушах его все звучало и звучало:

> — Боль такую, дочь моя,
> Не заворожить.
> Как сумела полюбить,
> Так сумей забыть.

Все просто, как мрак и свет, как огонь и вода, как лето и зима... И он, Чернышов, все это знает лучше, чем многие и многие другие, он сам не раз в своих повестях писал об оскорбленном, униженном, поруганном и так далее чувстве и женщин и мужчин. Так чем же, чем так ошеломил его этот обыкновенный жизненный случай, рассказанный в песне? Сходством с жизненной историей Маши Дмитренко? Но ведь, собственно, то же самое произошло и с Анной Карениной («На что указывал Сеня Куприк»,— мелькнуло почему-то у Чернышова), и с пушкинской Татьяной, и... да мало ли еще с кем. Все это повторялось в жизни миллиарды и миллиарды раз, и неисчислимо будет повторяться в будущем. И столь же неисчислимое количество раз будет отражаться в литературе, искусстве, ибо эта человеческая драма действительно извечна. «Извечна!» — мысленно воскликнул Чернышов и быстро поднялся с кровати, взволнованный еще неизвестно чем.

Он подошел к окну, долго стоял и глядел, как сентябрьский ветер качал в палисаднике прутья кустов с какими-то мелкими и круглыми листьями, сильно тронутыми желтизной, похожими на медные копейки. Листочки беспомощно и обреченно трепетали на ветках, а когда ветер всхлестывал порезче, листья сыпались на землю горстями, и Чернышову казалось, что это в самом деле мелкие монеты и что, падая, они звенят, как медная мелочь. Он долго глядел через стекло на обсыпающийся под ветром кустарник и снова думал, что в песне рассказана извечная, знакомая каждому и потому привычная человеческая драма, но если расшифровать не только слова, но и мелодию, голос неведомой певицы — то захлебывающийся от счастья, то рвущийся от тоски и горя, то взлетающий в немыслимую и необъятную высь, то разбивающийся о жесткую и тесную землю,—а главное, если расшифровать все те чувства, которые испытывала сама певица и неисчислимое количество людей, слышавших песню, что же тогда будет?! А тогда и будет, что эта простая и бесхитростная народная песня вобрала в себя всю историю человечества...

Кто-то из знаменитых художников, кажется Маковский, сказал, что народ творит веками; веками, к примеру, создавались нехитрые русские узоры. Потому-то, думал Чернышов, всякий рисунок этих узоров совершенен, каждый завиток имеет смысл и вместе с другими создает художественно-эстетический шедевр, полную гармонию прекрасного. И вот эта песня — тоже как народный узор, в ней, казалось ему, нельзя изменить ни одного слова, ни одной нотки, иначе все рухнет, пропадет, произведения высокого искусства уже не будет.

Чернышов отошел от окна, сделал несколько шагов по комнате, остановился, сильно обтер ладонями лицо, будто желая стереть смертельную усталость. Потом опустился в затертое кресло, откинулся на спинку. Да, именно всю историю человечества вобрала в себя эта услышанная им песня. С теми чувствами, которые в ней выражены, люди живут, старятся, умирают... И так из века в век, из века в век. Ах, как это не просто — день и ночь, огонь и вода, добро и зло... Где-то посередине этих понятий, наверное, и находится самое разумное начало, способствующее горению жизни, оберегающее ее от угасания. «Как сумела полюбить, так сумей забыть...» Это ведь тоже спасительная середина. До чего же все-таки народ мудрый! Чернышов тысячи раз слышал — народная мудрость, народная мудрость, но никогда всерьез как-то не задумывался, а что это, собственно, значит, в чем она, эта мудрость? И вот сейчас впервые ощутил, что начинает понимать это не сознанием, не умом, а чутьем, что ли... И холодея при мысли, что его-то собственные сочинения о жизни, которые столь невысоко ценят Маша и Леонид Сапожниковы, наверное, и в самом деле жалки, беспомощны и никудышны. Тот же Маковский где-то писал, что из простых народных песен в несколько тактов расцвели кружевные симфонии Римского-Корсакова, изысканные, нежные романсы Чайковского. Увы, он, Чернышов, до сих пор этих песенных тактов не слышал, хотя они, конечно, постоянно звучали вокруг, поэтому... поэтому-то его творчество никак не расцвело, не волнует людей. Значит, его произведения никому не нужны, кроме Сени Куприка и его знакомых критиков. А впрочем, нужны ли они им? Нужны ли они даже им?!

10

Уезжал он из родного села тусклым и дождливым утром. Станционные строения были мокрыми, унылый кирпичный вокзальчик тоскливо смотрел черными окнами на блестевшие под дождем рельсовые пути, проложенные мимо него на запад и на восток.

Провожали Чернышова только Сапожниковы, никто из руководства района даже и не знал, что он уезжает, так захотел сам Валентин Михайлович. Они втроем молча стояли на мокром перроне под накрапывающим осенним дождиком. Беспрерывно похлестывал холодный ветер. До поезда было еще четверть часа, Сапожников предложил укрыться от дождя и ветра в зале ожидания вокзала. В ответ Чернышов сказал странную фразу:

— Если я войду туда... в это здание со слепыми окнами, я оттуда уже никогда не выйду.

Леонид Гаврилович и Мария Ивановна поглядели на него с удивлением и тревогой, но он усмехнулся, успокоил их:

— Вы не волнуйтесь, я не спятил пока. Просто такое у меня чувство... Это ничего, такое со мной бывает, я иногда боюсь каких-то мест на земле, зданий, каких-то людей...

Потом опять молча топтались на мокром асфальте, Сапожниковы чувствовали себя неловко, но о чем говорить — не знали. И лишь когда застучал на стыках рельсов приближающийся поезд, Сапожников проговорил:

— Ну что ж, Валентин... Когда тебя снова к нам ждать?

На это Чернышов промолчал, только почему-то вздохнул.

— А главное — будем с нетерпением ждать твои новые произведения,— сказал Сапожников.

Чернышов быстро вскинул на Леонида Гавриловича воспаленные от бессонницы глаза и тут же опустил их.

— Чего уж там ждать... Не много доставят они вам радости.

Молчавшая до сих пор Мария Ивановна произнесла:

— Доставят, Валя. Твой талант еще не раскрылся. У меня всегда... всегда возникает такое чувство, когда я читаю тебя. Но ты обязательно...

Он вскинул и на нее глаза точно так же, как перед этим на Сапожникова — торопливо и будто испуганно,— и она умолкла на полуслове. А он глухо промолвил:

— Когда уже теперь раскрываться ему? Поздно...

— Почему поздно? Не поздно!— возразила она горячо и торопливо, будто боясь, что он не даст ей договорить.— Ты в такой поре... В самой-самой творческой.

— Да?— спросил он, и голос его прозвучал не то печально, не то иронически по отношению к себе.

— Ты столько знаешь... Столько повидал

Окончание. См. «Огонек» №№ 32—34.

всего!— восторженно продолжала Маша.— Ты чуть не весь мир изъездил!

— Что ж из того?— опять глядя себе под ноги, произнес Чернышов.

— Да ведь... жизненный опыт писателя... вообще всякого художника состоит из наблюдений над жизнью и, конечно, из понимания этой жизни. И к тебе это понимание придет...

Леонид Гаврилович Сапожников неловко кашлянул, Мария Ивановна осеклась, Чернышов стал медленно и тяжело поднимать распухшие от бессонницы веки. И она, глядя в его глаза, наполненные обидой и болью, по инерции произнесла виновато и тихо:

— Ага, придет...

— Н-ну... спасибо,— оскорбленно сказал он.

— Ты прости меня... Прости,— встрепенулась она, но Чернышов повернулся к ней и Леониду Гавриловичу спиной и так стоял, сгорбившись, пока подошедший состав из зеленых вагонов не остановился. Так и не взглянув больше на Сапожниковых, он шагнул в открывшуюся дверь вагона и скрылся.

Почти весь день потом, до самого вечера, Чернышов недвижно просидел в своем двухместном купе, равнодушно глядя через грязные стекла вагонного окна на мелькающие телеграфные столбы, путевые постройки, на проплывающие назад поля, холмы, перелески, деревушки, деревни, города. Там, в этих строениях, полях, лесах, деревнях и городах, шла какая-то своя жизнь, она пролетала мимо, мимо. За дверью его купе раздавались голоса, вспыхивал порой смех, на остановках по проходу топали люди, слышно было, как они тащили чемоданы, отыскивали свои места, стучали вагонные двери. Но все это его не интересовало. Он не любил, чтобы в купе ехал кто-то еще, кроме него, заплатил за оба места и знал, что до самого конца, вплоть до Москвы, его никто не потревожит. Беспокоил его лишь стук вагонных колес, которые без конца выговаривали: «Так су-мей забыть... Так су-мей за-быть...»

Этот колесный говор все сильнее раздражал Чернышова, он слышал его и ночью, раз двадцать просыпался, яростный от бессилия унять перестук вагонных колес. Но к утру как-то успокоился и, глядя в вагонную темноту, стал думать, что обиделся он на Машу Сапожникову зря, ведь она сказала ему правду. Ту правду, которую, как ни крути, он знал, да старался не думать об этом, ибо боялся признаться в ней самому себе. Жизнь он, конечно, в какой-то мере понимал. Понимал, что она развивается по классовым законам, что в глубинах народных недр происходят сложнейшие социально-общественные процессы, постоянно вызревают нравственные конфликты, а в ходе их разрешения рождаются новые человеческие типы и характеры. Исследовать и отображать все это и призван в меру своих сил всякий художник, в том числе и он, Валентин Чернышов, но в его повестях, увы, такого не случается. И далеко не первой ему об этом сказала Мария Ивановна Сапожникова, бывшая Маша Дмитренко. Почему-то давненько писатель Валентин Чернышов не жалует читательских встреч, избегает их, ибо нет-нет да люди и намекнут ему об этом, а то и прямо скажут. До сих пор горько памятен для него случай на машиностроительном заводе. Лет пять или шесть минуло уже с того дня, а вихрастый парнишка в зеленой спецовке все стоит перед глазами. Литературная встреча была подготовлена Сеней Куприком, происходила она в обеденный перерыв в красном уголке одного из цехов и уже благополучно заканчивалась, когда встал этот паренек и, смущаясь, вежливо спросил: «А можно вас, Валентин Михайлович, покритиковать? А то все вот тут хвалили вас...» «Валяйте,— добродушно улыбнулся Чернышов.— А как вас звать, кем работаете?» «Да звать Петей,— почти по-детски сказал он,— токарь я по специальности». «Очень хорошо. Давай, Петя, критикуй»,— еще раз улыбнулся Чернышов, довольный даже таким поворотом, ибо разговор до этого шел какой-то унылый, холодный, очень уж казенный.

Но в благодушном состоянии Чернышов пробыл совсем немного, еще несколько секунд и опомнился уже за проходной завода, выскочив оттуда как ошпаренный. Этот Петя-токарь, вежливо попросивший разрешения покритиковать его, провел ладошкой по своим вихрам и заговорил, не выказывая теперь и капли смущения: «Вы знаете, Валентин Михайлович, я очень люблю творчество Алексея Николаевича Толстого. И вот как раз вчера я читал его статьи, публицистику. И натолкнулся на одну мысль, которая меня поразила. Зная, что у нас предстоит встреча с вами, я захватил с собой эту книжку Толстого». «Ну-ка, ну-ка, что там за мысль, которая так тебя поразила?»— в третий и последний раз улыбнулся Чернышов. «Да вот, я читаю.— И парнишка раскрыл книгу, отчетливо выговаривая слова, прочел:—«Как это ни странно, у нас есть литераторы, и даже известные, которые предпочитают писать без дерзости, без риска, серо, нивелированно скучновато, и главное — около жизни, не суя нос в этот кипяток, в жизнь».

Присутствующие в красном уголке замерли. Сеня Куприк, сидевший за столом рядом с ним, Чернышовым, завертел головой на короткой шее, будто ему жал воротник, а сам Чернышов, уже чувствуя, что невзрачный парнишка этими несколькими словами разверзнул перед ним пропасть, невольно произнес, сталкивая сам себя вниз: «Да, есть у нас, к сожалению, такие писатели». «Вы уж извините, Валентин Михайлович, но ведь вы — один из таких»,— совершенно оглушил его Петя-токарь.

В красном уголке стояла теперь такая мертвая тишина, что мертвее и не бывает. Она стояла, казалось Чернышову, долго-долго, ее надо было нарушить, но сделать это никому было не под силу. Эти силы нашел лишь он сам и, кашлянув, уронил: «Очень уж ты, Петя, безжалостен ко мне... И потом, надо же такое обвинение еще доказать». «Можно и доказать,— спокойно сказал паренек.— Вы не исследуете в ваших повестях истинную природу человеческих конфликтов, их причинность, их социальную суть. Я все повести ваши прочел, давайте разберем любую, и я вам докажу сейчас, что вы не понимаете нашей жизни. А не понимаете потому, что не любите ее...» Чернышов был взбешен такими словами, он полагал почему-то, что всему этому молодого токаря просто кто-то научил, сдерживая свой гнев, глухо сказал: «Что же, давайте разберем. И я постараюсь доказать, что не только нравственные, психологические, но и социально-исторические обоснования изображаемых мною характеров и событий в моих произведениях присутствуют...»

На этом бы надо тогда остановиться, приступить к конкретному разбору повестей, и, конечно, начитанного, видимо, но неопытного в литературных разговорах парнишку он скорее всего забил бы, но Чернышов имел неосторожность к сказанному выше добавить: «В этом, кстати, убеждена вся наша критика». Тут-то и взвился его неожиданный оппонент: «Критика убеждена?! И вы ей верите? Да, я читал в газетах и журналах, как вас хвалят; Чернышов, мол, своими образами выражает общечеловеческое, философское содержание жизни, судьбы героев постигаются автором как момент вечности... Ложь!» «Даже?!»— бросил Чернышов. «Да, ложь! Ваши герои никогда ведь не задумываются об истории, о прошлом, о будущем народа, они не анализируют настоящее, у них нет самоубеждений в правоте или неправоте содеянного. Ну вот кто-нибудь из ваших героев когда-нибудь спросил себя: кто я, зачем я на земле? Не спросил... А критики ваши говорят... Мно-ого вреда они вам приносят, эти ваши критики. Не верьте им, они говорят вам неправду. Не верьте!»— закончил паренек под такие аплодисменты, что возразить ему и вести дальше какой-то разговор было уже невозможно, и он, Чернышов, только через силу улыбнулся. Он старался, чтобы улыбка его была снисходительной, а на самом деле она была жалко-виноватой.

«Не переживайте, Валентин,— сказал Сеня Куприк по дороге домой.— Это же демагог. Из молодых, да ранний, как говорится. Вырастили мы разных...» Слова эти вызвали раздражение, Чернышов зло бросил: «А если это правда?!» Куприк Сеня быстро поднял на него испуганные глаза, но не возразил, ничего больше не сказал.

Этот случай на машиностроительном заводе Чернышов переживал очень болезненно, на несколько недель изолировал себя от всего мира, жене сказал, чтобы она на телефонные звонки всем, в том числе и Сене Куприку, отвечала, что его дома нет, уехал куда-то в свою Сибирь. В это время как раз была опубликована его очередная повесть под названием «Обманутые», посвященная жизни так называемых маленьких людей. Он вчитывался в собственные строчки, анализировал весь ряд художественных образов и приходил в ужас: ведь Петя-токарь прав, прав, написано без дерзости, без риска, по рецептам Сени Куприка. Героиня повести, телефонистка городского коммутатора, страдает от неразделенной любви и, беременная, уезжает от позора в глушь, в один из районов Нечерноземья, но ребенок рождается мертвый, а она дает через подругу знать бывшему возлюбленному, по профессии строителю, что у него родился сын, который растет помаленьку. У строителя возникают отцовские чувства, возвращается прежняя любовь, но когда он нежданно-негаданно появляется в районном городке, где живет его бывшая любовь, та устроила уже свою судьбу с другим. И тут-то для всех троих начинается драма: у нее возникает раскаяние в содеянном, да плюс обнаруживается старая любовь, но оба мужчины, обманутые в лучших своих душевных устремлениях, отворачиваются от нее. Чернышов, перечитывая свою вещь, уныло думал, что его герои действительно бескрылые, никто из них не задумывается, как говорится, о времени и о себе, у них нет никаких противоречивых оценок тех или иных событий. Все это происходило в начале семидесятых годов двадцатого века, но могло с таким же успехом произойти и в пятидесятых, и до войны, и даже до революции. Когда он, Чернышов, поделился с Куприком этим замыслом, тот аж подпрыгнул от восторга: «Валенька! Маленькие люди, а накал страстей, как у Шекспира! Только куда, куда твоя героиня уезжает? В Сибирь? Это ты брось. Пусть едет в Нечерноземье. Актуальная местность!» «Но... если бы я собирался поднять и исследовать в повести какие-то проблемы, связанные с Нечерноземьем... тогда бы можно говорить об актуальности»,— попробовал возразить Чернышов. «Ну, и так много грехов простится... А главное — драма-то какая в конце тобой придумана! Твоя героиня — маленький человек, а чувства у нее поглубже, чем у Анны Карениной! И назови вещь... «Обманутые». Кто, кем, как? То-то и оно, пусть читатель голову ломает, тут для него — крючочек!»

Так говорил Сеня Куприк, но вот повесть написана, опубликована, и Чернышов увидел всю ее убогость. Какая там драма, какая Анна Каренина — все мелко, примитивно, в лучшем случае банально. Прав, прав Петя-токарь...

Но однажды в квартиру ворвался возбужденный Сеня Куприк, бросил на стол ворох газет, буквально заорал: «Где он, наш с вами герой, Ниночка? Вы кому-нибудь скажите, что Чернышов в Сибири, а не Куприку. Я его запах по телефону слышал... Ну-с, вот, смотрите, Ниночка, как бушует критика по поводу очередного шедевра вашего мужа. А то Петя-токарь! Много ему дано понять! Пусть свои железки точит...»

Чернышов, небритый, в халате, вышел в гостиную, стал молча смотреть газеты. В статьях мелькали привычные формулировки: «поэма о смысле человеческой жизни», «волнующее исследование потаенных глубин человеческого духа», «беспредельная любовь писателя к людям, к Отчизне» и даже «значительный вклад в духовную жизнь народа» и т. д. и т. п. И, странное дело, он не очень-то вроде всем этим словам верил или не хотел верить, но они успокаивали, согревали, умиротворяли его, и где-то на краю сознания шевелилось, что, может быть, Сеня Куприк и прав, демагог тот Петя-токарь, даже скорее всего прав Сеня, да и сам он, Чернышов, верно определил тогда, что кто-то поднатаскал, подготовил этого токаря к выступлению, а истина-то о его произведениях — вот она, здесь, в оценках его труда квалифицированными людьми... И на смятом, угрюмом его лице сквозь многодневную щетину стало проявляться нечто вроде улыбки. «Ну вот, а вы, Валенька, в единоличничество впали»,— весело проговорил Сеня.

Хвалебные статьи по поводу последней повести совсем почти заглушили неприятные

воспоминания о злополучной читательской встрече на машиностроительном заводе, настроение Чернышова улучшилось.

Вагонное окно начало светлеть, за мутно-синим стеклом мелькали неясные еще очертания электрических и телеграфных опор, деревьев, иногда каких-то сооружений, и Чернышов ощутил, как поезд неудержимо мчится мимо перелесков и полей, городов и селений, он физически почувствовал, как сам он стремительно летит сквозь бесконечное пространство огромной страны, в которой живет. И вспомнилось вдруг почему-то лермонтовское:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Мысленное сравнение этой самой телеги с могучим поездом, упрямо подминающим пространство, невольно вызвало у Чернышова улыбку: как изменилась жизнь! Но улыбка эта, не успев полностью проявиться, тут же исчезла. Жизнь изменилась, но постоянны, вечны чувства человеческие, например, эта вот всепоглощающая любовь к Отчизне, к Родине, которую так пронзительно выразил поэт тогда... давно, давно, почти сто пятьдесят лет назад. И невероятно: слова употребил обычные, и прием использовал обыкновенный, взял да и прямо сказал, что любит, за что, и сам не знает, холодное молчание полей, безбрежное колыхание лесов, дымок спаленной жнивы, в степи ночующий обоз... А у читателя сердце щемит. А вот он, Валентин Чернышов, тоже любит жизнь, родную землю, старается выразить эту любовь в своих произведениях, но... Чернышов опять усмехнулся, теперь горько и печально. Знаменитый критик пишет о его «беспредельной любви к людям, к Отчизне», а Петя-токарь прямо в лицо бросает: «Вы не понимаете нашей жизни. А не понимаете потому, что не любите ее». И еще, как это там: «...не суя нос в этот кипяток, в жизнь». Ну да, вот он даже за второе место в купе заплатил, чтобы рядом никого не было... И жизнь, пролетающая за вагонным окном, его не волнует, не тревожит. И то, что великий Дон в верховьях катастрофически обмелел, что родная речка Белоярка пересохла, исчезла, его, говоря по совести, не очень взволновало, так, поговорил об этом с Сапожниковым, как говорится, для авторитета. Как для авторитета же писал статьи о неразумном хозяйствовании людей на земле. Ах, боже мой, да ведь если отбросить прочь самолюбие, если найти в себе силы заглянуть правде в глаза... правде в глаза...

А вагонные колеса все стучали и стучали беспрерывно: «Так су-мей за-быть... Так сумей за-быть...»

11

И еще одну ночь Чернышов провел почти без сна. К Москве он подъезжал похудевшим и опустошенным от своих дум. Ах, Сеня, с ним всегда было удобно и надежно, в любую минуту он готов был прийти на помощь, разрешить затруднения, устроить дела. Но теперь все, теперь он, Валентин Чернышов, будет жить своим умом. Сегодня вот Сеня Куприк будет встречать его на Ярославском вокзале. Чернышов не сообщал ему о приезде, но это ничего не значит, Сеня, конечно, сто раз уже звонил в Белоярку, вызнал и поезд и вагон и встретит его на перроне с цветами, а потом потащит в вокзальный ресторан, где, по обыкновению, и выложит кучу приятных известий— когда и что о нем, Чернышове, в его отсутствие писали и говорили, где намечаются новые издания его книг. Но на этот раз он ни в какой ресторан не пойдет. Более того, сразу же даст понять Сене Куприку, что он, Чернышов, уехал одним, а вернулся другим, что к старому образу жизни и образу мыслей возврата нет, что он понял... понял... А что понял? Что в своем творчестве он скользил только по поверхности, а в глубины народной жизни заглядывать боялся? Да, так, так. И в этом смысле он, Чернышов, к своему дарованию, к своему таланту отнесся несерьезно, безответственно. Только как вот, какими словами все это

Сене сказать? Да так, наверное, прямо надо и сказать. Более того... более того, раз уж начинать жизнь с обновления, надо прямо в лицо давнему другу своему заявить, что он, Чернышов, раз и навсегда решил освободиться от его опеки, стать самим собой...

«Стать са-мим со-бой... Стать са-мим со-бой»,— принялись выговаривать теперь вагонные колеса. Каждый звук пронзительной болью отдавался в голове, будто по ней ударяли чем-то тяжелым. Да, пришла пора стать самим собой. Жаль, что так поздно, но хорошо, что пришла. Кажется, Тургенев сказал, что в каждой человеческой жизни есть мгновения перелома; в эти мгновения прошедшее умирает и зарождается нечто новое. Для него такое мгновение наступило в тот момент, когда он лежал на копне соломы и слушал песню о несбывшейся человеческой любви. Собственно говоря, это песня и о нем... и о его несбывшейся любви. Как это сказал вихрастый Петя-токарь? «Вы не понимаете нашей жизни, а не понимаете потому, что не любите ее...» Вот оно! Вот оно... Да, надо убрать Сеню Куприка, добрейшего человека, со своего пути, чтобы он никогда больше перед ним не появлялся. Конечно, сделать это будет не так-то просто, надо найти в себе смелость, немалое мужество...

Подумав так, Чернышов усмехнулся: какое уж там особое мужество надо для этого! Русские литераторы никогда не боялись постоять за свободу выражения своих мыслей и чувств, не боялись дерзко бросить в лицо своим угнетателям стихи, облитые горечью и злостью. А тут всего-навсего Сеня Куприк.

Поезд меж тем подходил к Москве. Он заметно сбавил ход, за вагонным окном проплывали тихие, поредевшие сейчас подмосковные рощи, бесконечные дачные поселки.

Чернышов, давно собрав свой чемодан, стоял теперь в коридоре, смотрел на желтые деревья, на пламенеющие кусты рябины в дачных палисадниках и думал, что так-то оно так, мужества русским литераторам было не занимать, но ведь тут дело другое, Сеня Куприк — давний друг, с ним съеден не один пуд соли, он, что бы там ни говорить, первый оценил его... талант, первый протянул ему руку помощи и до сих пор, до сих пор... Нет, порвать с ним так резко, сразу — невозможно. Может быть, сделать так... Сделать вид, что ничего с ним, Чернышовым, не произошло, все как было, так и осталось, и в привокзальный ресторан с Сеней сходить, а потом все реже встречаться с ним, под различными предлогами от контактов с ним уклоняться и, наконец, совсем освободиться от его дружбы...

Когда вагонные колеса застучали на входных стрелках, в голове у Чернышова лихорадочно металось: ну, освобожусь, а что дальше? Сумею ли создать хоть одно из таких произведений, которых ждут те же Леонид и Маша Сапожниковы? В памяти всплывали слова Марии Ивановны: «Жизненный опыт художника состоит из наблюдений над жизнью... из понимания этой жизни. И к тебе это понимание придет». А если не придет? Да и нужно ли оно теперь ему, это понимание? Если даже он и сумеет писать такие книги, какие необходимы Леониду с Машей и тому вихрастому Пете-токарю, Сеня Куприк — Чернышов это не только чувствует, но и знает — останется к ним равнодушным и холодным. А это значит, это значит...

...Десять минут спустя Чернышов и Сеня Куприк сидели в гулком, как пустой сарай, неопрятном привокзальном ресторане. Столик, заблаговременно заказанный Куприком, ломился от обильных закусок.

— Ну, Сенечка... Как я скучал там, в Сибири, без тебя! Как я рад, что ты меня встретил! Первую рюмку, Сеня, давай, как всегда, поднимем за нашу с тобой давнюю и прекрасную дружбу, над которой не властны ни злые люди, ни безжалостное время, уничтожающее даже египетские пирамиды!

Так говорил Валентин Михайлович Чернышов, известнейший на всю страну писатель, давным-давно удостоенный всех возможных почетных званий, государственных наград и премий.

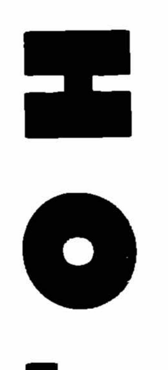
1982.

НЕ В КОНЯ БЕТОН

Нечерноземье сегодня — огромная стройка. Обновляются и растут новые населенные пункты, прокладываются дороги, сооружаются животноводческие комплексы, мелиоративные системы, предприятия перерабатывающей промышленности. Строить помогает город. Союзные республики вносят свою лепту в обновление края. Большой размах работ, естественно, порождает проблемы. О них ведет разговор журналист «Огонька», побывавший в нескольких областях российского Нечерноземья.

Максимум внимания должен быть уделен своевременному вводу в действие тех объектов агропромышленного комплекса, которые позволяют в короткий срок дать наибольший прирост продуктов питания. Порядка пока тут нет.

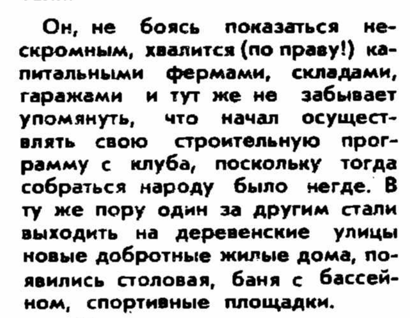
Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из доклада на майском Пленуме ЦК КПСС.

Александр ЩЕРБАКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Удивительный человек Сергей Иванович Бизунов! Скоро тридцать лет, как председательствует он в колхозе имени Ленина Починковского района. И с тех пор этот колхоз—один из самых крепких на смоленской земле. Нет тут сиротских угодий, козоподобных коров, нет машин-инвалидов, нет гниющего под дождями и снегом добра. Хорошо, уверенно живут люди. Сравнительно быстро доказал Бизунов, что настоящий хозяин может наладить дело даже там, где до процветания, кажется, очень далеко и возможности быстрого достижения его весьма и весьма ограничены.

Хозяин. Этим словом лучше всего начать, им же и кончить характеристику Героя Социалистического Труда Бизунова, непременно подчеркнув в ней его умение организовать исполнение задуманного и похвалив Сергея Ивановича за верность долгу, за крестьянскую рачительность и сметку. Едва ли не лучше всего эти его качества раскрываются в строительной, если можно так сказать, политике. Впрочем, почему «если можно»? Думается, просто необходимо говорить о строительной политике таких людей, как Бизунов. Необходимо потому, что в организации и ведении строительства слишком много изъянов, которые резко тормозят осуществление всей программы обновления Нечерноземного края.

Так вот, о политике председателя.

Он, не боясь показаться нескромным, хвалится (по праву!) капитальными фермами, складами, гаражами и тут же не забывает упомянуть, что начал осуществлять свою строительную программу с клуба, поскольку тогда собраться народу было негде. В ту же пору один за другим стали выходить на деревенские улицы новые добротные жилые дома, появились столовая, баня с бассейном, спортивные площадки.

— Политика вся определяется интересами земли, на которой стоим.— Сергей Иванович задержал шаг у длинного, по-своему красивого сооружения и кивнул на крышу:— Видите, студенты даже олимпийскую эмблему и знаменитого Мишку нам на память выложили, поскольку в олимпийском году гараж сдавали... Впрочем, я отвлекся. Суть же наших бед вот в чем: колхозу важно, чтобы нам построили то, что нужно хозяйству. А то навязывают придуманное теми, кто ни наших условий, ни наших планов не знает и вообще в деревню наведывается от случая к случаю. Вот гараж для колесных тракторов. Предлагали нам типовой проект. Но он нас ни размерами, ни планировкой не устраивал. Нарисовали сами: тут поставим все тридцать восемь машин, поставим просторно и удобно, тут расположим комнату отдыха для механизаторов, тут душевую, тут аккумуляторную, здесь наладчик со своим хозяйством поселится. Все до последней мелочи учли — гаражом-то нам пользоваться... Следующий интерес — чтоб быстро и хорошо построили. Студентам Смоленского медицинского института доверили, и они — не знаю, поверите ли!— за три месяца управились. Кстати, мы эту «фирму» давно признали, много лет с ней сотрудничаем. Они на нас тоже не в обиде. Знают, что мы и условия создадим и усердие, добросовестность оценим.

После гаража для тракторов Бизунов показал другой — для автомобилей, тоже вместительный, теплый, с мастерской; показал карто-

фелехранилище, сушилку для льна, строящийся восьмирядный телятник, зерносушилку, где идет монтаж оборудования, по ходу продолжал свои рассуждения:

— Предлагают проект картофелехранилища с отоплением... Зачем оно? — спрашиваю.— Вы видели где-нибудь крестьянский погреб с печкой?.. У нас ни лишних денег, ни лишних материалов нету... Пришлось опять самим рисовать. Картофелехранилище нас во всех отношениях устраивает — и машины разгружать-загружать удобно, и вентиляция есть, и температура в любую погоду во все времена года примерно одинаковая... Вот и вся политика.

Как ни странно, не всюду и не все Бизунова поддерживают. Некоторые считают, что чересчур самовольничает председатель, порой откровенно игнорирует систему типового планирования, зря ссорится то с банком, то с планирующими органами.

— Наша практика определяется реальностью,— объясняет Сергей Иванович.— Ведь я отвечаю за большое хозяйство перед людьми, перед государством, понимаю, что не имею права отрываться от почвы, без которой вся деятельность моя — морока и показная суета.

Прав Бизунов! В этом я убеждался тем больше, чем больше ездил по Нечерноземью. На другой день после встречи с Сергеем Ивановичем попалась мне в областной газете «Рабочий путь» корреспонденция о строительстве в колхозе «Красный доброволец». Прочел: «Дома, котельную, очистные сооружения, животноводческий комплекс в Суходоле возводят рабочие СПМК (специализированной передвижной механизированной колонны) треста «Мостоспецстрой». А вот склад для хранения 400 тонн сена сооружается хозяйственным способом. Таким же методом в Синькове ведется строительство типового зерносклада, реконструкция дома, прокладка теплотрассы.

Сочетание подряда с хозяйственным способом сулило колхозу немало выгод. Но подрядчик оказался неудачным. Животноводческий комплекс он строит уже вторую пятилетку, жилые дома—почти три года».

Откуда они берутся, эти неудачные подрядчики, от которых Сергей Иванович Бизунов предпочитает держаться подальше?

Одна из причин, их плодящих, лежит прямо на поверхности: несовпадение интересов тех, кому строят, тех, кто строит, и тех, кто проектирует, планирует фонды, дает кредиты, осуществляет контроль за этими процессами. И еще: разная мера ответственности. Бизунов отчитывается натурой — зерном, мясом, молоком, картофелем, льном; проектировщики — количеством реализованных проектов; строители — суммой освоенных средств и количеством сданных объектов; банковские работники — соблюдением инструкций. Как видим, нравственная основа ответственности далеко — увы! — не у всех такая же, как у смоленского председателя, разная мера, разная, если так можно выразиться, «товарность» ответственности порождает несовпадение интересов.

Иначе откуда бы взяться таким вот фактам.

В Архангельске, в областном правлении «Межколхозстрой», зашел разговор о положении этой существующей на паях колхозов организации. Иван Васильевич Вьюхин — председатель правления, будто сговорившись с Бизуновым, аргументированно подтвердил истину, что колхозам сотрудничать с ними же созданной строительной организацией при нынешнем ее положении резон далеко не всегда очевидный.

— Оснащены наши строительные подразделения, как правило, гораздо слабее государственных, хотя никто не докажет, что сельские стройки менее важны. Потом... Чем дальше в глубинку, тем нам невыгоднее брать подряды — мы не столько приобретаем, сколько теряем за счет перевозок материалов, людей, износа машин, расходов горючего, а ведь глубинка больше, чем другие места, нуждается в том, чтобы ее подпирала индустрия. И, наконец, совершенно нелогично, когда ресурсы, фонды «Межколхозстроя» распределяют чаще всего другие областные организации, там же осуществляют почти все планирование. И у колхозов теряется чувство хозяина «Межколхозстроя», они волей-неволей ищут возможности обойтись без него.

Бизунов позже выразился по этому поводу с дипломатичной откровенностью:

— Нет, стороной эту «всесильную» организацию я не обхожу. Стараюсь взять у нее то, что нужно колхозу. Например, технику — подъемный кран, экскаватор, бульдозер...

Конечно, «Межколхозстрой» не прокатная база. Но ведь и не председатель придумал такой характер сотрудничества. Ему бы, конечно, удобнее было, если бы «Межколхозстрой» взял на себя все, что связано со строительной программой колхоза, начиная с проектирования и до передачи ключей от готовых помещений. Взял бы деньги и сделал бы на совесть и в приемлемые для хозяйства сроки. Да вот не получается так.

Истоки неурядиц в нечетком, нередко оторванном от «низов» планировании. Особенно в тех случаях, когда в деле участвуют несколько организаций и очень важно обеспечить стыковку всех работ на всех этапах. Вот тому пример.

В совхозе «Лакинский» Владимирской области вступает в строй животноводческий комплекс по откорму бычков. Восемнадцать тысяч голов сможет он поселить одновременно в самых что ни на есть современных условиях. Кормовую проблему, по меньшей мере наполовину, имеется в виду разрешить за счет угодий, осваиваемых сейчас мелиораторами буквально под боком у животноводов.

— Разумно!— подтверждает директор комплекса Сергей Иванович Родионов. Но после некоторой заминки с досадой добавляет: — Первые шаги, и сразу оступаемся... Шесть тысяч бычков уже поставили. Скоро сможем заполнить весь комплекс. Да как прокормить такое стадо? Мелиораторы сдадут нам площади под кормовые культуры в лучшем случае через три года.

Вот тебе и полновесные рационы и обещанные технологией содержания килограммовые суточные привесы! Бизунов никогда не спланирует так, чтоб корма подоспели после поголовья.

— Как же иначе развивать хозяйство? — недоумевает он. И продолжает: — Я знаю, когда студенты приедут строить. Знаю, что к тому времени им все приготовить надо, чтоб у них ни часу зря не пропадало. Из кожи вон вылезу, а стройки обеспечу. Иначе ребята к нам дорогу забудут.

Но они не забывают. Любопытно, что есть и такие, кто приезжает и после окончания института. Отпуск возьмут — и в колхоз. Пускай кто-то дает им обидную кличку «шабашники». За что? За то, что они трудятся, а та работа, в которой участвуют, гарантирует в конечном счете пользу государственную, насущную?

А Иван Васильевич Вьюхин говорит об иной практике:

— Обращаемся в плановые органы, просим, чтоб учли своеобразное положение Архангельской области. У нас ведь как: есть районы, куда неделю-две в году попасть можно — пока большая вода. А потом только вертолетом. Вот мы и домогаемся, чтобы нам все годовые фонды на первый квартал спланировали и мы бы их в апреле—мае на объекты забросили. Нет — по кварталам, как всей стране. И бывает, месяцами лежат цемент, металл, кабель, ждут навигации.

Как крепко сидит шаблон там, где позволительно и удобно выполнять казенно служебные функции и не думать о конечном результате! И как болезненно ощущают это производственники!

...Телефон отрывал Л. П. Коваля все время. Звонили в основном издалека, из районов: оттуда, где «воюют» ПМК (так сокращенно называют передвижные механизированные колонны). Начальник «Архангельскмелиорации» кого-то убеждал, кому-то давал наставления, кого-то сердито отчитывал. Речь шла о том, чтоб «закрыть, как выражается Коваль, объекты августом» и таким образом расширить площади под озимый сев. Объекты носят романтические названия: «Пинежский луг», «Федоровский прислон», «Сметанинский остров»... И в том прозаическом, что делают мелиораторы, ощущается от таких названий бо́льшая романтика, поэтичность.

— Без мелиорации тут не развить земледелия.— Леонид Прокофьевич сразу загорается, тема ему близка, у него наболело.— Ведь еще в 1786 году при губернаторе Тутолмине здешние места пытались преобразовать. В девятнадцатом веке мелиорацией не без пользы занимались земельные общины. После Октябрьской революции вышел декрет Советской власти, предписывающий широко развертывать мелиорацию на севере, и крестьянские товарищества по осушению земель сумели расширить пашню, пастбища, луга. Но и сегодня работы непочатый край. Семьдесят семь процентов пахотных угодий в области избыточно переувлажнено, предстоит ввести в оборот сотни тысяч гектаров. Смысл очевиден. Колхоз «Красное знамя» Вельского района собрал в 1981 году по 25 центнеров ячменя с гектара. Подобных примеров все больше. За десятую пятилетку мелиораторы сдали 18 тысяч гектаров осушенных площадей, 3200 — орошаемых, на 63 тысячах гектаров проведены культуртехнические работы... Могли бы сделать значительно больше...

Леонид Прокофьевич поворачивается к карте:

— Видите, какие просторы, расстояния. Что такое мало-мальски приличные дороги, в большинстве районов не имеют понятия. Однако скидок нам никто не делает, да мы и не ждем их, ждем понимания нашей обстановки, условий... Есть у нас, например, два объекта на реке Пёза в Мезенском районе. Чтобы доставить туда технику из Архангельска, надо погрузить ее тут на морские суда, в порту назначения перегрузить на баржи, потом гнать своим ходом. А на пути то лед, то паводок... Сколько времени уходит, сколько горючего пережигаем.

...Люди нервы рвут — это уж пусть не в счет. А планируют всем одинаково все — что Архангельской области, что Горьковской, что Рязанской... Всем из расчета на миллион рублей вложений. Нам кранов, допустим, вдвое-втрое больше, чем другим, нужно для бесконечных перегрузок-перевалок. Не хотят еще понять, какой моральный ущерб от шаблонного, бездумного планирования. Рабочему предлагаешь взять повышенные социалистические обязательства, а он в ответ: «Хотите меня в неловкое положение поставить — зачем? Знаете же, что при нынешней организации план-то не выполняю...» Мы действительно не справляемся с планами. И во многом не по своей вине. Текучесть кадров остановить не можем. Уже в этом году только главных инженеров ПМК шестеро уволилось. Никак не удается хорошие условия создать, ресурсов не хватает, средств.

Строительством на селе в Нечерноземье занимаются союзные министерство сельского и министерство промышленного строительства, министерство мелиорации и водного хозяйства, министерство строительства и Росколхозстройобъединение. Большие силы! Избежать бы их разобщенности — куда солидней выглядел бы общий вклад!

Майский Пленум ЦК КПСС, на котором был рассмотрен вопрос о Продовольственной программе, отметил в своем постановлении важнейшую роль строительства на селе и для села. Стало быть, прежний подход, прежние темпы сегодня не годятся. Тем более для Нечерноземья.

Вячеслав КОСТЫРЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Свыше шестидесяти тысяч специалистов и квалифицированных рабочих для Социалистической Республики Вьетнам подготовлено в советских учебных заведениях.

За помощь в подготовке токарей, фрезеровщиков, сварщиков, электромонтеров, слесарей-инструментальщиков ташкентское среднее профессионально-техническое училище № 57 награждено вьетнамским орденом «Дружба». Около восьмисот вьетнамцев окончили это учебное заведение, а в нынешнем году состоится первый выпуск учащихся из Лаосской Народно-Демократической Республики.

...Пока разговор шел о делах учебных, второкурсник Ле Чыонг Занг, будущий слесарь-инструментальщик, хотя и с сильным акцентом, но вполне свободно говорил по-русски о своей влюбленности в избранную профессию, горячо благодарил преподавателей, мастеров производственного обучения. Русских слов стало не хватать, когда паренек начал рассказывать, как он, лейтенант Ле Чыонг Занг, возвращаясь из разведки вместе с двумя товарищами, наткнулся на засаду американских парашютистов. Убит один его товарищ, ранен другой. Ле Чыонг Занг дрался за троих, пока противник не отошел.

— У них кончились боеприпасы?..

Ле Чыонг Занг нервно рассмеялся:

— Это у нас оставалось совсем мало... У американцев их было навалом! — козырнул он жаргонным русским словечком.

— Почему же отступили?

— Потому что они за плату, за доллары воевали! А кому те доллары получать, если убьют?..

— Да вы философ, дорогой Ле Чыонг Занг!

— Нет, я, как и все в нашей семье, просто солдат... Отец — офицер, еще с французскими колонизаторами воевал, мать — санитарка, раненых с поля боя выносила, старший брат — тоже военный, и младший служит в армии.

— Значит, вы первый в семье представитель рабочего класса?

— Все равно солдат. Солдат революции... Своими руками буду строить Вьетнам крепким, из стали, как ваша страна. Спасибо советским людям за рабочую науку! Правильно говорю, товарищ Сулинхонг? — обратился он по-русски к смуглолицему, как и сам, пареньку, внимательно слушавшему наш разговор.— Это Пхайсан Сулинхонг из Лаоса, бывший партизанский пропагандист, а теперь выпускник-электрогазосварщик... Языки у нас разные, объясняемся по-русски.

— Наше сердечное спасибо советским людям за язык дружбы,— старательно выговорил Пхайсан.— Меня учила русскому языку узбечка Азада Насыровна Сабирова, моих товарищей — русская учительница Пашкова, азербайджанка Али-заде, татарка Иванцева... Они сами для нас пример! Всего через полгода-год учебы мы понимаем в классе все.

Директор училища Азады Саттарович Алиев говорил об удивительном прилежании вьетнамцев и лаосцев.

— Так мы в тридцатых годах впитывали знания — как раскаленный песок живительную влагу.

Среди выпускников ПТУ № 57 есть такие, которые уже получили, можно сказать, международную известность. О сварщике Фам Ван Зунге, участвующем ныне в строительстве самого большого в Юго-Восточной Азии гидроузла Хоабинь на вьетнамской реке Черной, писала газета «Правда». Перед отъездом на родину ребята оставляют адреса советским друзьям, которые стали по-настоящему родными, близкими людьми.

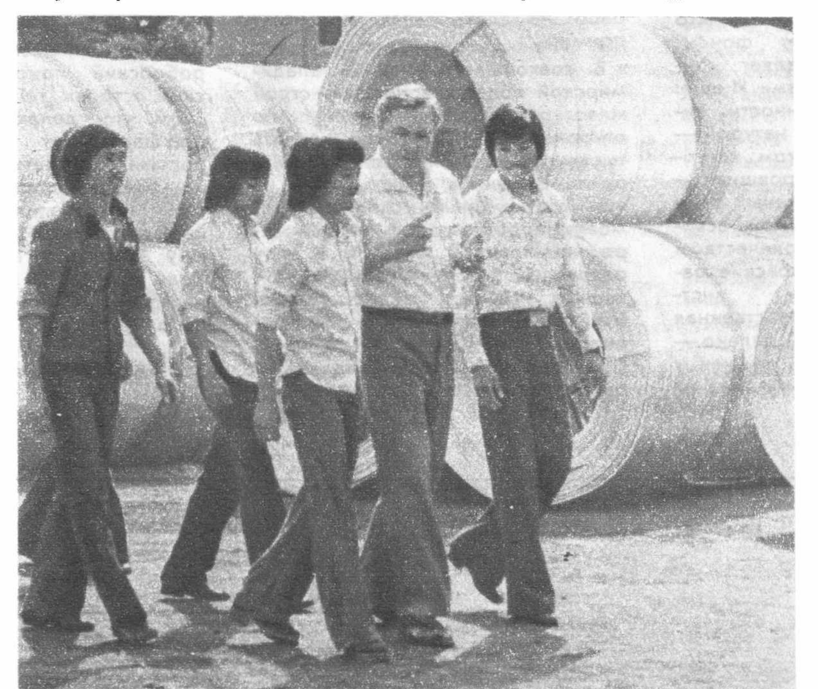
Вот строки из письма, которое получила преподавательница русского языка Александра Анатольевна Иванцева от Нгуен Тхан Биня из Вьетнама: «Уважаемая мама! Два года, как я вернулся домой с желанием много служить родине, которой пришлось долго воевать. Как трудно! Как бедно! Теперь я работаю на заводе «Дизельный», построенном с помощью СССР... Работаю и продолжаю учиться по русской пословице: «Век живи, век учись»... Ой, Ташкент! Город красивый, рабочий. Навсегда Ташкент — это песня о жизни...»

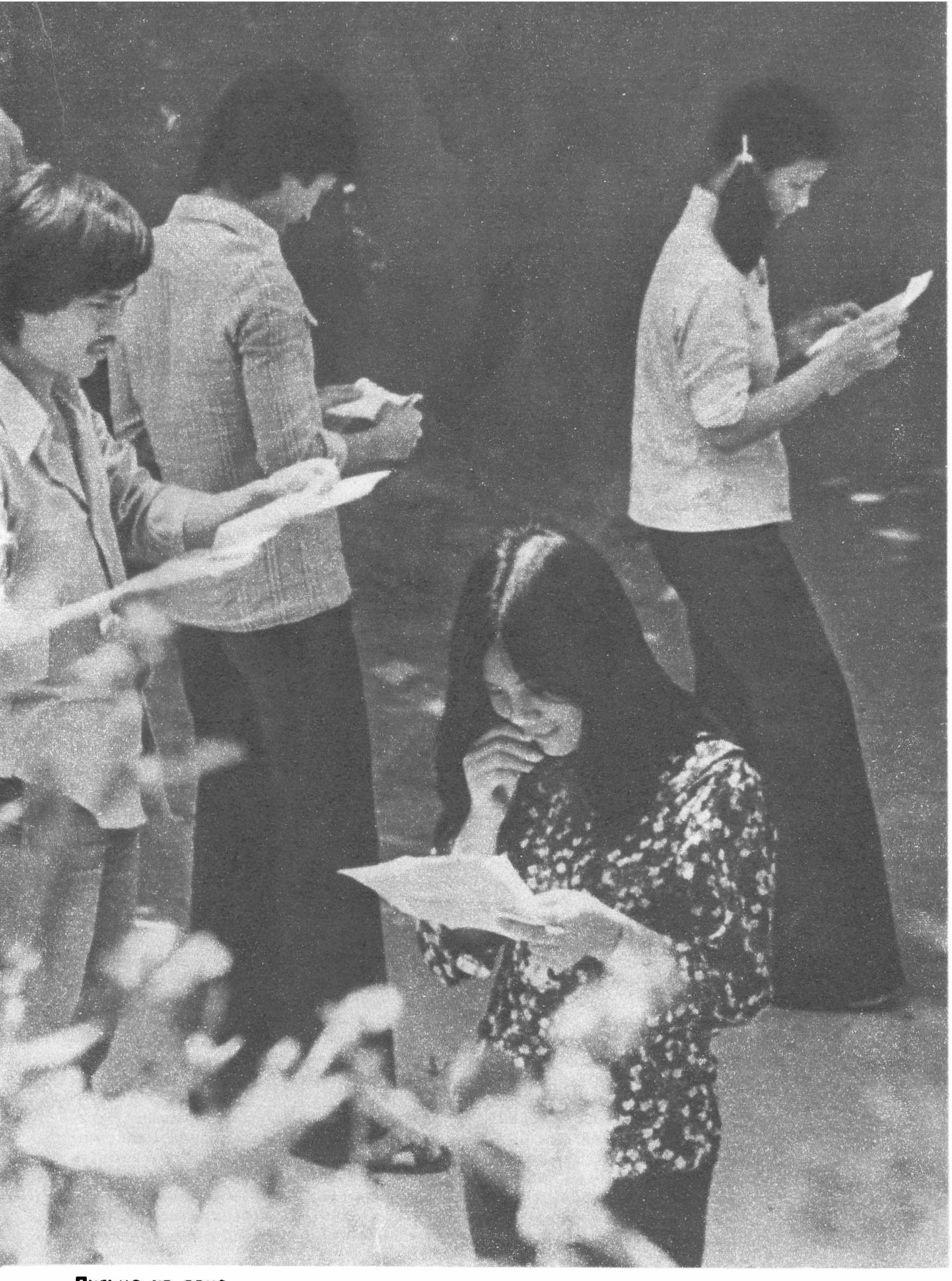
Сайнялат Вен будет токарем.

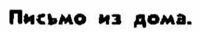
БЛАГОДАРИМ

На работу вместе с наставником Михаилом Борисовичем Евдокимовым.

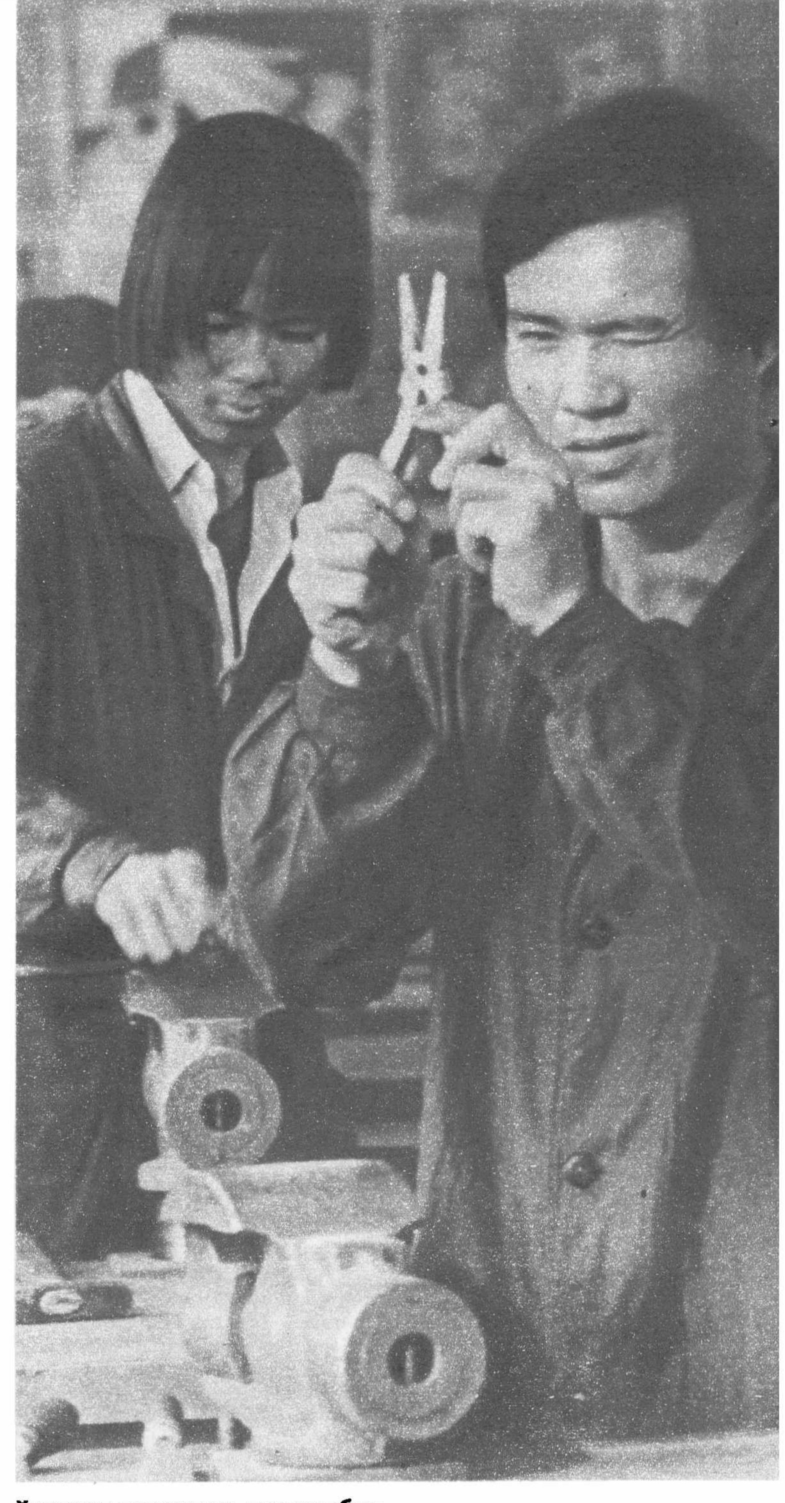

Письмо из дома.

Хорошие получились плоскогубцы.

ЗА РАБОЧУЮ НАУКУ!

А. С. Алиев, директор училища, и его выпускник Ле Минь Зан.

Электросварщики очень нужны на стройках Вьетнама и Лаоса.

Урок русского ведет Александра Анатольевна Иванцева. Отвечает Лыонг Тху Тхао.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Анатолий СОФРОНОВ

В эти черные, трагические дни, когда палестинский и ливанский народы ведут смертельные бои в столице Ливана — Бейруте, в дни, когда на наших глазах, на телеэкранах происходят страшные картины — уничтожение сотен и тысяч мирных жителей Бейрута, когда мы видим лежащих прямо на земле тяжело раненных детей, мертвых стариков и женщин, мы еще и еще раз содрогаемся только от одной мысли, что эта чудовищная бойня, ведущаяся Израилем на арабской земле Ливана, происходит при полной поддержке и полном покровительстве президента Рейгана и тех сил мракобесия, которые владычествуют сейчас в Соединенных Штатах Америки.

Надо хорошо знать Бейрут, чтобы представить себе варварство, с которым израильтяне не просто разрушают город, не просто сметают с лица земли его Западную часть, но систематически используют каждую возможность для того, чтобы вместе с каменными зданиями уничтожать и палестинцев и ливанцев.

Совсем недавно, в конце мая этого года, мы ходили по улицам Бейрута, по его набережной, смотрели на волны Средиземного моря. Нет, и в эти дни уже не было легко и свободно в Бейруте. Постоянно над городом висели израильские самолеты, взрывались здания посольств, служебные помещения; с юга Ливана тянулись вереницы беженцев. Все это мы видели. Все было перед нашими глазами. Но то, что сейчас происходит в Бейруте, такого человечество с мрачной поры гитлеризма еще не видело. Все это как страшное напоминание о том, что нет предела вандализму и изуверству, когда враги человечества хотят уничтожить тех, кто, как им кажется, мешает жить страшному, бесчеловечному государству, именуемому Израиль. Когда-то, очень давно, личный секретарь Ллойд Джорджа Филипп Керр сообщал своему премьер-министру о том, что Черчилль, составлявший в ту пору «план концентрированного наступления на Советскую Россию», «абсолютно логичен в своей политике: он провозглашает, что поскольку большевики являются врагами рода человеческого, они должны быть уничтожены».

Черчилля давно нет. Сам бывший премьер-министр Англии за время своей долгой жизни претерпел немало сложных превращений и даже силой обстоятельств вынужден был оказаться в одном антигитлеровском лагере вместе с Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Но тогда был Гитлер и вся его свора, все те, кто уничтожал десятки, сотни тысяч людей в печах, расстреливал, подвергал страшным пыткам...

Сейчас почти три месяца бушует пламя войны на земле Ливана. В нашей памяти еще свежи слова, которые произносились израильскими погромщиками, обещавшими жителям своей страны, что война продлится не более семи-восьми дней. Повторяю, уже почти три месяца! За спиной Израиля мощная опора — Соединенные Штаты Америки, государственные деятели которых, пытающиеся изобразить себя чуть ли не миротворцами, в действительности срывают попытки всех государств остановить смертоубийство в Ливане. И все же мы можем сейчас смело сказать: несмотря на подавляющее военное преимущество, несмотря на сверхмощную американскую помощь и оружие, Израиль терпит физическое и моральное поражение. И это поражение никогда не забудется! Никогда!

Воспользуемся свидетельствами прессы, которую никак не заподозришь в симпатиях к палестинцам.

Газета «Нью-Йорк таймс», публикуя статью «Кризис в Израиле углубляется», заканчивает ее следующими словами: «С помощью вторжения в Ливан Бегин надеялся разом решить все проблемы Израиля: идеологические, политические и экономические. Но история показывает, что такие шовинистические милитаристские решения ничего не дают. И Бегин не может с помощью бомб подчинить целый народ. Это может обернуться гибелью для самого Израиля».

Не могу не вспомнить ответы в интервью, данном бывшим президентом Всемирного еврейского конгресса Наумом Гольдманом французскому еженедельнику «Жён Африк»:

«**Вопрос.** Вы являетесь в известной мере отцом Израиля, поскольку вы один из его основателей. Какие чувства вы испытываете теперь? Нет ли у вас впечатления, что вы дали жизнь чудовищу?

Ответ. Ни я, ни один из лидеров сионизма, начиная с Теодора Герцля до Бен-Гуриона, не мог предположить, что в Израиле установится режим Бегина. Если эта политика будет продолжаться и впредь, я буду смотреть очень пессимистически на будущее Израиля...

Еще два вопроса и два ответа.

Вопрос. Но тем не менее Израиль, как представляется, удачно воспользовался раздорами в арабском мире?

Ответ. Да, он удачно этим пользуется, но это всего лишь кратковременные успехи. В конце концов арабы объединятся, научатся вести войну и использовать современное оружие. На это уйдет, возможно, какое-то время, но Израиль был создан не для одного, а для всех будущих поколений.

Вопрос. Можно ли считать, что вторжение в Ливан устраивало слишком многих?

Ответ. Арабы по-прежнему будут поддерживать ООП. Эта победа Израиля не приведет к ликвидации ООП. Просто у этой организации будет больше трудностей...»

Ну что же, «отец Израиля», конечно же, в какой-то степени понимает, что происходит в настоящее время на земле Ливана. Нет, не семь, не восемь дней и даже не две недели длится война, во время которой убиты и тяжело ранены не единицы, не десятки, а многие сотни и тысячи израильтян, которые, как известно, как и все люди, не любят умирать.

А что же происходит в самом Израиле?

Американский журнал «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает: «Некоторые солдаты задаются вопросом, стоила ли того война. Иехошуа Яшув, резервист-парашютист, только что вернувшийся из боев у ливанского порта Сайда, говорит: «Любой человек, видевший, как несколько фанатиков могут днями сдерживать армию, знает, что военными средствами палестинскую проблему решить нельзя и, уж конечно, не методами Шарона». Яшув и трое товарищей-резервистов призвали к отставке Шарона и разбили палатку напротив канцелярии Бегина в Иерусалиме.

«...Около 200 человек собрались, чтобы послушать письмо Иехошуа Замира, чей сын был убит в сражении за замок Бофор, палестинскую твердыню. Замир писал премьер-министру: «Вы не можете вернуть моего сына Ярона, но не увеличивайте скорбь, боль и разрушения в Ливане... Не используйте наши трупы, чтобы построить новый режим в Ливане». Движение израильских сторонников мира протестует против, как оно заявляет, «правительственной политики, которая привела к войне без национального согласия».

Эти свидетельства можно продолжить ссылкой на французский журнал «Экспресс», опубликовавший статью Жака Буоба: «Никогда еще раскол общества не приобретал в Израиле такого размаха. Вопрос стоит следующим образом: за или против войны. Политические деятели, интеллигенция, военные занимают определенную позицию и требуют отставки Шарона. В газетах полно статей в защиту этой войны или нападки на нее. Растет число петиций. Сотни военных обвиняют премьер-министра и министра обороны в использовании армии в чисто политических целях, которые не имеют ничего общего с обороной страны...»

«Шарон — убийца»,— выкрикивают семьи на похоронах своих сыновей, так же, как другие такие семьи кричали «Даян — убийца» после октябрьской войны».

«В прошлую субботу движение «Мир сегодня» организовало в Тель-Авиве митинг, в котором приняло участие около 80 тысяч человек, в числе которых было немало солдат, вернувшихся из Ливана. Офицеры-резервисты устроили демонстрацию перед канцелярией премьер-министра».

Эти примеры можно приводить бесконечно. Повторяю, никогда в мире, на всех материках земного шара, еще не было такой ненависти

●

«Из США для палестинцев» гласит циничная надпись на неразорвавшейся бомбе.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Защитники Бейрута * После очередного налета израильской авиации...

Фото В. КОВНАТА

From. U.S.A.
infront of
world
seeing
U.S.A

к фашистско-сионистскому Израилю, как именно в наши дни! Ненависть эта вызвана геноцидом, развязанным на арабской земле Ливана.

В «Огоньке» не один раз печатались снимки и статьи корреспондента Советского телевидения в Ливане Владимира Ковната. И на этот раз читатели имеют возможность увидеть самоотверженную работу этого журналиста. Обратите внимание на фотографию на первой полосе вкладки, в центре которой стоит американская авиабомба с начертанной на ней шестиконечной сионистской звездой. Думается, что в данном случае эта американская авиабомба и эта шестиконечная сионистская звезда могли бы стать государственным гербом Израиля. Это современный символ фашистско-сионистского Израиля.

Давние, добрые связи у нас, советских писателей, с палестинскими и ливанскими писателями, со всеми прогрессивными писателями арабских стран.

В мае этого года мы были в гостях у прекраснейшего, широко известного советским читателям палестинского поэта Моина Бсису. Уже после начала израильской агрессии я написал ему письмо и в ответ получил письмо, которое он счел необходимым опубликовать в газете «Ан-Нидо». Вот выдержки из этого письма:

«Баррикады вашей Отечественной войны против старого гитлеризма — это баррикады нашей войны против нового, сионистского гитлеризма.

...Мы с вами и останемся с вами. Ваши баррикады — это честь и совесть советских писателей и поэтов, всех честных писателей и поэтов нашей планеты. Если они вместе с нами на баррикадах палестинской революции и национально-патриотического движения Ливана в борьбе против израильско-американской военной машины, то победа обязательно будет за нами, и свет этой победы прольется на землю будущего палестинского государства и арабского демократического единого Ливана.

Я посетил сожженную советскую деревню Хатынь в Белоруссии — республике героев, павших в сражениях на полях Великой Отечественной войны против гитлеровских сил. Большой честью для меня было прочтение советскими товарищами и друзьями того, что я написал об этой республике белых берез, в годовщину гитлеровского нападения на Советский Союз. Это было 22 июня. В тот день и после него и до сих пор мы продолжаем вести борьбу с новыми фашистами — внуками Гитлера, которые повторили трагедию Хатыни на оккупированных землях — в городах и селениях Ливана, в лагерях палестинских беженцев.

Ты меня спрашиваешь о семье. Они все со мной. Малика, которую ты особенно любишь, а она любит тебя и которая мечтает стать балериной, сознает сейчас, как никогда, что она палестинка и что израильтяне пришли на ее землю, чтобы уничтожить ее, как они уже уничтожили тысячи ливанских и палестинских детей.

Вчера снаряд попал в беременную женщину, мы попытались спасти ребенка, но он умер! Ничего, дорогой мой Толя. Им не удастся убить Палестину, она ведь в центре мира.

Ты ведь хорошо знаешь фашистское отродье, которое пыталось потопить в крови Советский Союз, уничтожить огнем его народ. Но они сами сгорели и захлебнулись в советской крови. Эта кровь сейчас с нами на наших баррикадах. Мы знаем, что ведем сейчас самую жестокую и самую кровавую войну с врагом. Но израильский танк, на гусеницах которого кровь наших детей и женщин, творя свои чудовищные преступления, вступил на мировую автостраду, на которой стоит все прогрессивное человечество. Могу еще добавить, что десятки тысяч израильтян выступили против войны Рейгана, Бегина и Шарона в Тель-Авиве. Сотни израильских солдат и офицеров подали протесты против этой грязной войны сумасшедшего генерала Шарона».

Во всем мире и прежде всего в арабских странах произвели огромное впечатление ответы Леонида Ильича Брежнева на вопросы корреспондента «Правды». В ответах выражены мысли и чувства всех нас, рабочих, крестьян, советской интеллигенции,— всего нашего советского народа. Леонид Ильич Брежнев говорил: «Мы в Советском Союзе восхищаемся мужеством палестинцев, всех, кто оказывает упорное сопротивление израильской военщине. Как бы ни была сложна палестинская проблема, через какие бы трудности ни шел палестинский народ, одно ясно: палестинская проблема не гордиев узел, ее не разрубишь мечом. А стойкость, которую в столь трагических обстоятельствах проявляют палестинцы, доказывает с новой силой, что они защищают живое дело живого народа и их не сломить».

И дальше:

«Печальный опыт десятилетий, насыщенных актами агрессии и военными конфликтами, показал, что путь вооруженной конфронтации, как и путь сепаратных сделок, не принес и не может принести урегулирования проблем Ближнего Востока. Они поддаются решению только в результате коллективных усилий всех заинтересованных сторон, включая ООП как единственного законного представителя палестинского народа. Смотря вперед, именно в такой перспективе видим ценность выдвинутого нами предложения о созыве международной конференции».

Да, никакие временные трудности, даже трагического свойства, никогда не остановят палестинский народ в своей борьбе. Палестина живет! И всегда будет жить!

...Мы не можем сейчас быть спокойными. Все, что происходит на Ближнем Востоке, на многострадальной земле Ливана, все, что происходит с жизнями десятков и сотен тысяч палестинцев, ливанцев, других арабских народов, никогда не оставит равнодушными не только народы Советского Союза, но и все народы мира. В эти дни мы, еще и еще раз обращаясь к нашим арабским братьям, говорим: мы с вами! Мы верим в то, что будет, что должно крепнуть единство всех арабских народов. И это единство приведет к победе арабские народы над злейшим врагом всего прогрессивного человечества — сионизмом!

●

Остались без крова.

«Огонек» на Атоммаше

ДЕВЧАТА УКРАИНЦЕВОЙ

Приз «Огонька» у бригадира Екатерины Украинцевой.

Фото Л. Шерстенникова

Накануне того торжественного дня, когда комсомольско-молодежной бригаде штукатуров-маляров Екатерины Петровны Украинцевой был вручен кубок «Огонька», мы встретились почти случайно с Валентиной Андреевной Вербицкой, бригада которой была обладателем почетного приза в прошлом году. «Наверное, жаль расставаться с кубком?» — спросил я. «Еще как,— ответила Вербицкая,— но на то и соревнование... А бригада Украинцевой, как ни кинь, оказалась в нынешний день сильнее нас. Им по праву и высокая награда. В чем их сила? Думаю, в главном для нашего времени — высоком качестве работы. Девчата у Украинцевой подобрались ответственные».

Когда мы побывали на последнем объекте, который сдавал коллектив Украинцевой — в Доме быта, что на улице Ленина города Волгодонска,— то увидели: девушки отделали внутренние помещения многоэтажного Дома быта, словно, не побоюсь громкого сравнения, дворцовые палаты. На этом строительстве они применили новый вид штукатурки — терразитовый, когда в сырой алебастр подмешиваются кусочки оргстекла, которые при умелой подсветке сияют и переливаются не хуже смальты в мозаике. Чтобы работать с такой штукатуркой, действительно нужны заботливые и умелые руки.

Видели мы, какими могут быть ловкими и сноровистыми девушки-победительницы и непосредственно в деле. Точнее сказать, на отделочных работах в школе № 119, где работает сейчас эта бригада. Школа — объект особо ответственный: она должна быть сдана уже к 25 августа. Волгодонск строится быстро, но не всегда еще строители успевают за ростом населения, и поэтому не хватает еще школ, детских садов и яслей...

Но вот без излишней торопливости, четко и размеренно затирается штукатурка, красятся потолки и стены, укладывается плитка. Все делается спокойно и быстро.

— Первого сентября здесь прозвенит первый звонок. Так обязательно будет,— сказала, когда мы заговорили о сроках сдачи школы, одна из самых молодых в бригаде, депутат горсовета Людмила Бирюкова.— У нас хорошо понимают, как нужна эта стройка городу. Поэтому мы решили оставаться каждый день вечером еще на несколько часов здесь, в школе.

А вот что рассказала сама бригадир, Екатерина Петровна Украинцева: «В строительстве я уже двадцать лет. Нынешняя бригада у меня вторая. Я ее принимала в семьдесят седьмом, прямо с вокзала. Понаехали тогда девчата с разных концов страны, большинство мастерка в глаза не видели. Долго учили девчонок, помогали во всем как на работе, так и дома — с разными ведь судьбами люди бывают и неустроенными приезжают к нам. И это сплотило бригаду, дружба и взаимовыручка появились. Считаю это главным в характере коллектива. А отсюда и ответственность и взаимопонимание. Поэтому мы как-то не удивляемся, что средний разряд у нас четвертый, что все владеют несколькими профессиями».

И вот у нас пополнение: пять новеньких — бойцы Всесоюзного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ».

Под долгие аплодисменты на волгодонском стадионе «Строитель» лучшей бригаде штукатуров-маляров треста «Волгодонскэнергострой» Е. П. Украинцевой был торжественно вручен переходящий приз журнала «Огонек».

Кубок победителям вручила бригада «Огонька»: член редколлегии «Огонька» А. Панченко, корреспонденты А. Попов и Л. Шерстенников.

А. ПОПОВ

Леонид **ГОЛОВАНОВ**

«УДАЛОЙ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ»

Сто десять лет назад русский читатель получил книгу, гигантское содержание которой не сравнить ни с одним из научных трудов за всю историю человечества. Весть о книге, по выражению народника Н. Русанова, «пороховой дорожкой начала бежать среди русской интеллигенции из столиц в большие провинциальные центры, из центров по всем городам и весям». Называлась она «Капитал». То было первое издание ее на русском языке. Первый перевод ее вообще.

Получив весенним днем 1872 года прекрасно переплетенный экземпляр русского перевода своего труда, Карл Маркс выражал в письме Николаю Даниельсону свою признательность и отмечал, что работа выполнена мастерски. Он рад был бы сказать это переводчику лично, но, увы, не мог даже открыто назвать его в своем письме, именуя лишь «общим другом», тревожась за его судьбу и добавляя: «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его».

А «общий друг» томился в это время в Иркутском остроге, обдумывая план очередного побега. Звали его Герман Александрович Лопатин.

Родом из старинной дворянской семьи, он получил в детстве хорошее образование и воспитание; окончил с золотой медалью ставропольскую гимназию, поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Успешно завершил его. Блестяще защитил кандидатскую диссертацию «О самопроизвольном зарождении жизни».

Подающему большие надежды начинающему естествоиспытателю предложили остаться на кафедре. Его кандидатуру поддержал, в частности, Д. И. Менделеев.

Он предпочел иное.

Студентом Герман прошел не только естественнонаучный цикл, но и первый революционный практикум. Его привлекают к следствию — университетскому, но по настоянию Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии — в связи с участием в студенческих беспорядках. На четвертом курсе арестовывают по так называемому «каракозовскому делу». Нет, он не состоял в группе Дмитрия Каракозова, стрелявшего в апреле 1866 года в Александра II,— отказался от сделанных ею предложений о сотрудничестве, считая бессмысленным и даже вредным ее замысел. Однако, когда начались повальные репрессии, немедленно бросился на помощь товарищам, «чтобы,— по его словам,— налетевшая буря захватила поменьше жертв»: извещал оставшихся на свободе о новых арестах, прятал нелегальную литературу, уничтожал компрометирующую переписку, сносился с арестованными...

В Петропавловскую крепость он все же угодил. К счастью, ненадолго — на два месяца.

Выйдя из заключения и прочитав в «Петербургских ведомостях», что Джузеппе Гарибальди бежал с острова Капреры и идет с войском на Рим, Лопатин немедленно бросается в Италию. Но вступить в отряд героев-добровольцев не успел — во Флоренции узнает, что в битве под Ментоной знаменитый полководец потерпел поражение от объединенных французских и папских войск... Ничего иного не оставалось делать, как возвращаться домой. Завернул в Ниццу с целью познакомиться с А. И. Герценом. В придорожной корчме состоялась их встреча.

В ноябре 1867 года Лопатин снова в Петербурге. Его друг Николай Даниельсон предлагает ему службу в Обществе взаимного кредита, одним из учредителей которого был отец их общего товарища Николая Любавина.

Вскоре вокруг Германа Лопатина объединяется небольшая, но энергичная группа молодежи. Идеалы ее пока еще расплывчаты, политические установки декларативны и широковещательны, но главное, все они — юноши, жаждущие «уплатить долг народу» и увлеченные теориями (либо почерпнутыми из иностранных книжек, либо чисто отвлеченного свойства), фактически не знают народной жизни. Напрашивался вывод: взяться за основательное изучение экономики своей страны, ее быта, настроение масс. И Лопатин вместе со своим другом Феликсом Волховским предлагает создать с этой целью специальное общество, названное им «Рублевым» (по размеру ежемесячного членского взноса каждого участника) или «Обществом для распространения просвещения в народе».

Дело было широко задумано, но осуществить его не удалось — полиция «засекла» первые же сборы сторонников Лопатина и в начале 1868 года арестовала обоих руководителей.

Суровой расправы удалось все же избежать, представив общество сугубо просветительской организацией. После восьмимесячного расследования комиссия решила Лопатина «выслать из Петербурга... под непосредственный надзор и строгое наблюдение властей, предоставив ему, однако, право поступить на государственную службу».

Местом ссылки оказался Ставрополь — город, где некогда прошли его детские и гимназические годы. Лопатина причислили к канцелярии губернатора, назначив младшим чиновником особых поручений и одновременно письмоводителем при комитете общества попечения больных и раненых воинов.

Герман старался извлечь из своего нового положения «те поучения, которые оно только могло доставить и принесть», насколько это позволяли окружавшие его условия и его собственные силы. Поддерживает связи с «внешним миром», следит за событиями в России и Западной Европе, впервые всерьез обращается к учению Маркса.

Из Петербурга поступает секретное телеграфное сообщение о его намерении бежать. Арест. «На допросе он дал показания, долго циркулировавшие между молодежью как образчик прямоты и резкого тона, с которым должен держаться убежденный человек...» — вспоминал Петр Лавров, известный теоретик революционного народничества.

Знакомство их состоялось неожиданным образом. Лопатин все-таки бежал со ставропольской военной гауптвахты очень дерзким способом. С паспортом на имя отставного штабс-капитана Скирмунта явился в Петербург. Узнал, что друзья и родственники Лаврова ломают голову над тем, как бы помочь тому вырваться из ссылки в глухом городишке Вологодской губернии. Тотчас же отправляется туда и похищает Лаврова, а затем, предоставив ему свой фальшивый паспорт, помогает уехать за границу.

В марте 1870 года он и сам в Париже, почти без копейки денег в кармане. Поселяется в крошечной комнатке на одной из улиц Латинского квартала. Здесь Глеб Успенский застает его за чтением первого тома «Капитала». Живой, остроумный, неунывающий Лопатин расположил к себе с первого знакомства. «Изумительная натура»,— говорил о нем Глеб Успенский.

В Париже Лопатин посещает собрания рабочих, знакомится с лидерами французского и международного пролетарского движения, в частности с Полем Лафаргом, зятем Маркса, вступает в одну из секций I Интернационала.

А вокруг накаляется политическая атмосфера, обостряются массовые противоречия. Прогрессивные силы Франции выступают против диктаторского режима Наполеона III. В авангарде их — пролетариат, руководимый секциями Интернационала.

Думами Германа все больше завладевают страницы Марксова труда. Тут каждая строка полна огромного смысла и лютой ненависти к тем, кто силой или обманом стремится увековечить социальное неравенство, эксплуатацию человека человеком. Перед читателем во всеоружии выступала теория, представлявшая собой увенчание длительного развития науки об обществе, вершину всей исторической, экономической и философской мысли. Она давала новое — истинное! — понимание сути общественного прогресса, учила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитрых учений классовую борьбу.

Однако в книге встречалось и немало трудных для восприятия русского юноши мест...

Маркс в ту пору жил в Англии. Лопатин решает отправиться к нему.

Перед этим приехал на две недели в Женеву, познакомился на месте с политической эмиграцией, в том числе с Бакуниным и Нечаевым, проповедовавшими немедленный бунт в России и проводившими подрывную борьбу как против Маркса и Интернационала, так и против Русской секции последнего. Чувство досады вынес из знакомства с тамошними эмигрантскими группами, погрязшими в личных междоусобицах, интригах и сплетнях.

Вернулся в Париж и далее — в Англию, заручившись рекомендательным письмом Лафарга.

В субботу 2 июля 1870 года прибыл он в Лондон. Разыскал на Мейтленд-Парк-роуд двухэтажный дом под номером 41. Представился. Получил приглашение на следующий день к обеду.

В воскресенье они с Марксом проговорили с часу дня до двенадцати ночи.

При всем горячем, неукротимом характере хозяина обаятельность и человечность его просто покоряли. Он интересовался всем и, можно сказать, буквально экзаменовал своего гостя по самым разнообразным вопросам жизни, расспрашивал о перипетиях его личной судьбы, о политическом положении в России, о Чернышевском, к которому питал большую симпатию...

Спустя два дня Маркс писал о Лопатине Энгельсу: «Очень ясная, к р и т и ч е с к а я голова, веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем, что имеет».

А Лопатин делился в письме с Петром Лавровым: «Я не могу сказать, что я встретил у Маркса любезный прием, потому что это значило бы сказать слишком мало: обращение его под конец было скорее сердечное, чем любезное. А жена его объявила мне, что она сочтет себя обиженной, если, приехав в Лондон, я вздумаю остановиться в отеле...»

Пятнадцатилетняя дочь Маркса Элеонора со всей непосредственностью и пылкой напористостью подростка взялась учить его английскому языку.

Эта встреча положила начало тесной дружбе, которая затем только крепла, цементируемая совпадением идеалов, полным взаимопониманием, настоящим духовным сродством. Лопатину, как никому из русских, на про-

Г. Лопатин.

тяжении почти целого десятилетия 70-х годов довелось испытать на себе прямое личное воздействие великого учителя.

В августе того же лета он «с большим остервенением», по собственному признанию, засел за перевод «Капитала».

Это было не просто переложение текста с языка на язык: с помощью автора он фундаментально осваивал написанное. Нередко отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлиннику знакомился с тем или другим из авторов, на которых были ссылки в книге, а потом высказывал свои замечания по уточнению текста.

Маркс прислушивался к ним и делал соответствующие добавления. Иногда переводчик находил, что изложение может стать неясным читателю, и сам давал в этом месте перевода необходимый комментарий, о чем сообщал автору. Тот, согласившись с ним, потом вставлял эти сноски в последующие переиздания своего труда.

Большая заслуга Лопатина в том, что он разработал методику перевода «Капитала» и ввел в русский язык важнейшие теоретические понятия политэкономии марксизма.

Создание национальной терминологии в области любой науки — само по себе научное достижение. Уже одно только это позволяет назвать перевод «Капитала» поистине этапным явлением в истории русской экономической мысли.

По оценке самого Маркса, едва ли кто понимал так хорошо то, что он сделал и что намерен был выполнить в последующих томах своего труда, как это понимал Лопатин.

Занятый всю осень переводом «Капитала», отвлекаясь от него лишь на попутную литературную поденщину для поддержания своего существования, Герман Александрович не перестает следить за рабочим движением и по мере возможности участвовать в общественной жизни. 20 сентября его одновременно с Энгельсом единогласно избирают членом Генерального Совета Интернационала. Он входит в состав комиссии, которой поручено организовать демонстрации рабочих с целью заставить английское правительство признать недавно провозглашенную во Франции республику...

Трудно сказать, в какой именно момент возникло у Лопатина жгучее желание освободить Чернышевского, отбывавшего срок каторжных работ где-то в Сибири. Несомненно одно: разговоры о нем с Марксом только укрепили его намерение.

Покрыты тайной его сношения по этому вопросу с единомышленниками-соотечественниками. Не посвятил он в свой план и старшего друга, зная, что тот будет отговаривать от отчаянного предприятия. И вот, сказав, что едет в Соединенные Штаты, он пожал ему руку, тепло распрощался с его милой семьей, покинул туманный Альбион, захватив оригинал «Капитала» и свою рукопись с собой.

В Париже, в Женеве, в Кенигсберге Лопатин приобрел необходимые документы и деньги и под видом турецкого подданного Ракича отправился в Россию...

Нетрудно представить себе удивление Маркса, когда он, вскрыв конверт с петербургским почтовым штемпелем, узнал знакомый почерк: «...Я снова на дорогой родине. Характер моего дела вынуждает меня... отправиться в глубь страны, где я пробуду, по всей вероятности, три-четыре месяца, так что я не могу воспользоваться любезным приглашением г-жи Маркс на Ваш рождественский обед...»

Своей прелестной юной учительнице английского в знак благодарности за ее старания Лопатин послал партитуры опер Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

Неоконченный перевод был оставлен у доброго товарища — «друга всей жизни» — Николая Даниельсона с просьбой завершить его в случае неблагоприятного поворота событий.

Заснеженными трактами Лопатин спешил на перекладных во глубину Сибири. Выдавал себя за члена Географического общества и поручением ученой разведки объяснял свое путешествие. Это было удобно во всех отношениях... Однако своими расспросами привлек к себе внимание. Опережая его, побежал слух, что в Иркутск едет ревизор. А тем временем туда же шла депеша с сообщением из Женевы от местного шпиона... Лопатина арестовали в то самое время, когда он наконец узнал, что Николай Гаврилович находится под строгим надзором в Вилюйске.

Даниельсон, начав письменные переговоры с Марксом относительно окончания перевода «Капитала», сообщал: «... Наш друг» находится сейчас в очень тяжелом положении,— более худшем, чем когда уезжал отсюда. Впрочем, надежда его не покидает».

Около трех лет провел Лопатин в этом «положении». Трижды бежал. Один раз — вниз по бурной Ангаре в двухвесельной лодке, счастливо миновав все знаменитые пороги, затем по Енисею (всего около двух тысяч верст), далее — через таежный перевал (еще около 150 верст), добрался до Томска. Но там был опознан, схвачен, возвращен в Иркутск и посажен в одиночную камеру.

Усилиями его друзей — Даниельсона и Любавина — перевод первого тома «Капитала» был завершен и издан. Тиражом 3000 экземпляров (против 1000 первого немецкого издания). В русской печати появились первые отклики.

Прошел еще почти год... Тщательно продуман и подготовлен новый план побега. Содействовали местные жители, бывшие каторжане. Он вырвался среди бела дня прямо из окружного суда, куда был доставлен для очередного допроса.

Через месяц-полтора, переодевшись мужиком, добрался до Томска, а оттуда на пароходе и железной дорогой — в Петербург. Скрывался еще месяц, пока не перебрался за границу.

Тотчас же дал знать о себе Марксу.

Рассказывают, что, получив от него весть, Маркс выбежал из своего кабинета, схватил за руки дочь Элеонору и закружился с ней по комнате со словами, что скоро они будут иметь счастье видеть их «общего друга».

Живя за границей, зарабатывая переводами, Лопатин эмигрантом себя не считал, всеми своими мыслями и чувствами оставаясь в России. Переписывался с друзьями, посылал им налаженными путями политическую литературу, был в курсе всего, что делалось на родине, устанавливал связи с новыми, прибывшими оттуда революционерами и сам ежегодно, рискуя быть схваченным, нелегально наведывался туда. В одну из таких поездок проехал с приятелями верхом значительную часть Кавказа.

В 1878 году, проживая под чужим именем в Москве, защищал в коммерческом суде выдающегося изобретателя-электрика Петра Николаевича Яблочкова, объявленного было банкротом,— спас его от долговой тюрьмы.

— Его привлекала самая дерзость этих поездок в страну, где опасность окружала его, но где у него повсюду были и преданные друзья,— отмечал Лавров.

В 1879 году его все же арестовали. Предъявляли обвинения, угрожавшие смертной казнью. С трудом удалось отвести их. Приговор: ссылка в Восточную Сибирь. Усилиями близких ему людей удалось заменить ее на Ташкент. Позднее его переводят в Вологду. Оттуда он вновь бежит.

«...Наш смелый, до безумия смелый Лопатин благополучно вернулся на волю...,— писал Энгельс Лаврову.— Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России».

В каждом, кому выпадало счастье соприкоснуться с ним, он оставлял неизгладимый след. Его полюбил Тургенев и, угадывая в нем «блестящий литературный талант», уговаривал написать о своих приключениях. Глеб Успенский говорил о его жизни: «Это целая поэма»,— и сам по материалам ее задумал было написать повесть, названием ее желая подчеркнуть самую сущность характера героя: «Удалой добрый молодец».

Известие о смерти Маркса глубоко потрясло Лопатина. Он горестно признается в письме Элеоноре: «...Этого человека... я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца».

То, что Лопатин не примкнул ни к одной из политэмигрантских групп, ни к одному из кружков, поддерживая тем не менее со многими связи, помогая им советом или делом, представлялось некоторым «склонностью к партизанской деятельности», «капризом» вольнолюбивого характера. Причина, однако, была глубже — в несовпадении его идейных установок с воззрениями революционного народничества. Но он считал необходимым всемерно способствовать борьбе с самодержавием. Этим объясняется и его согласие взяться за воссоздание в России партии «Народная воля», жестоко разгромленной царизмом в начале 80-х годов.

Он советовался с Энгельсом и получил его одобрение.

Не разделяя взглядов народников и народовольческой программы, Лопатин энергично принялся восстанавливать некогда грозную партию. Тайно приехав в Россию, развернул необычайно кипучую деятельность — стал стремительно налаживать, укреплять и расширять на огромной территории страны сеть революционных кружков, стремясь объединить их во всенародную организацию. Подготовил десятый номер газеты «Народная воля». Изданная в Ростове-на-Дону и Дерпте (ныне город Тарту), она буквально ошеломила своим появлением правительственные круги. В ее передовице, написанной Лопатиным, нашли отражение основные идеи, обсуждавшиеся им с Энгельсом.

Ищейки петербургской охранки в начале октября 1884 года выследили его и схватили. Найденные при обыске бумаги и записные книжки повлекли цепную реакцию арестов.

Из письма Элеоноры Маркс Лаврову: «...Не могу передать Вам, с какой болью я узнала об аресте нашего дорогого друга Л. Он был со мной в вечер своего отъезда из Лондона. Мы долго разговаривали о нем, о его делах, и я рассталась с ним с очень тяжелым предчувствием. Уходя, он меня обнял и сказал: «На этот раз действительно прощай». Но я не хочу отчаиваться. Он уже не раз возвращался к нам — он вернется опять... Вы понимаете, с каким нетерпением я жду малейшей новости...»

Почти три года длилось следствие.

В конце мая — начале июня 1887 года в Петербургском военно-окружном суде состоялся знаменитый лопатинский процесс (или «процесс 21-го»). Согласно приговору, Герман Лопатин, Николай Стародворский, Василий Конашевич и ряд других народовольцев приговаривались к лишению всех прав состояния и казни через повешение.

Восемь дней жуткого ожидания, пока государь не проявил «великую монаршью милость» — заменил смерть на эшафоте пожизненным заключением в Шлиссельбургскую крепость.

«Адская могила» — так называл свою камеру узник, чье имя было заменено теперь на номер «27».

Двадцать один год он провел в заточении. Освобождение принесла волна революции 1905 года. Некогда несокрушимое здоровье было подорвано. От вечного холода и сырости болели суставы рук и ног. Ослабли слух и зрение.

Но дух не был сломлен.

Выйдя из крепости, Лопатин жадно интересуется всем, что происходит вокруг. Берется за перевод на русский язык писем Маркса и Энгельса Николаю Даниельсону, положив тем самым начало публикаций переписки основоположников научного коммунизма с русскими политическими деятелями.

Он дожил до свержения царизма. Восторженно радовался крушению ненавистного строя. Чутко внимал новым политическим событиям незабываемого 1917-го.

Великий Октябрь застал его в больнице на Петроградской стороне. Пораженный смертельным недугом, он прощался с этим миром в ясном сознании того, что его жизнь не зря сгорела на алтаре революционной борьбы.

Крайне подозрительная и настороженная царская цензура не усмотрела в свое время опасности самодержавию в переведенной им книге. Ознакомившись с нею, цензор Д. Скуратов докладывал в Петербургский цензурный комитет: «Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее...»

Однако именно в России, как ни в какой другой стране, это, по определению Ленина, «главное и основное сочинение, излагающее научный социализм», нашло не только понимание и сочувствие у социально наиболее активной части общества, в первую очередь в среде рабочего класса, но и мощное практическое применение в деле уничтожения старого и утверждения нового строя. Воплотилось в действительность теоретическое предвидение автором «Капитала» конца предыстории человечества и начало его подлинной истории.

Игорь ЯКИМЕНКО

Седая память

●

Когда среди полей
Вдруг встретятся кресты,
Что все стоят с военных лет
разверстых,
Остановись и поразмысли ты,
Что в мире все
И до сих пор не просто.

Седые обелиски у дорог....
Седых берез зеленое цветенье...
В коляске инвалид без ног...
Нет, это не подвержено забвенью.

И эти вновь, среди дорог, кресты,
Что все стоят, стоят с тех лет
разверстых...
Остановись
и поразмысли ты,
Зачем пришел на этот
перекресток.

ВСЕ МЕНЬШЕ НАС...

Все меньше нас,
Вернувшихся с войны,
Все гуще лес под Брянском
и под Вязьмой,
Все чаще ищем поколений связь
мы,—
Мы — бывшие солдатами страны.
Прошедшие дорогами войны,
Израненные,
Рано так седые,
Отвыкшие в боях от тишины,
Мы в думах, как и прежде,
молодые.

Все меньше нас,
Вернувшихся с войны,
Все гуще лес под Брянском
и под Вязьмой,
Все строже ищем поколений связь
мы,—
Мы — бывшие солдатами страны...

●

Ты юной была,
Но юность твоя
Отцвела.
Красивой была —
Тоска
Красоту унесла.
— Так что же осталось?
— Да самая малость:
Душевная светлость.
И мудрость осталась.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ВЕХИ ИСТОРИИ

В 29-м номере «Огонька» было опубликовано интервью с академиком Д. С. Лихачевым «Память истории священна». В нем затрагивались принципиальные вопросы охраны памятников истории и культуры и поднимались конкретные проблемы, нуждающиеся в деловом, безотлагательном решении компетентных организаций.

Редакция получила ответ первого заместителя председателя президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Н. Иванова. В ответе сообщается, что «основные вопросы, поставленные в интервью, были обсуждены и признаны правильными на заседании президиума Центрального совета Общества 23 июня 1982 года под председательством В. И. Кочемасова. В обсуждении приняли участие члены президиума: академики Л. М. Леонов, Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин, летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов, профессор Московского архитектурного института П. П. Ревякин, заместитель министра культуры РСФСР А. И. Шкурко и заместитель председателя Мособлисполкома Н. К. Корольков.

Президиум постановил:

1) Центральному совету Общества выделить наиболее существенные вопросы, изложенные в интервью, и подготовить их для совместного рассмотрения с Министерством культуры РСФСР.

2) В связи с выступлением академика Д. С. Лихачева, а также имея в виду и другие публикации центральной прессы по вопросам охраны исторического и культурного наследия, поручить комиссии в составе тт. Кочемасова В. И., Жилина П. А., Иванова В. Н., Калякина А. Н., Кудинина В. П., Петрянова И. В., Ревякина П. П., Севастьянова В. И., Шкурко А. И., Лихачева Д. С. разработать развернутую программу работы президиума Центрального совета, скоординировав ее с соответствующими заинтересованными организациями.

Редакция благодарит президиум Центрального совета Общества и надеется в ближайшее время познакомить читателей с конкретными решениями, которые будут приняты в результате указанного в письме совместного рассмотрения поднятых вопросов.

Жанна ОРЛОВА

Актовый зал рижского профессионально-технического училища № 6 заполнен до отказа. Негде не только сесть, но даже стоять. В ожидании предстоящего зрелища ребята, будущие автокрановщики, смеются, обмениваются мнениями. Слышны веселые возгласы:

— Цирк!

— Вот потеха!

— Юмор!

И вдруг суровое: «Встать! Суд идет».

Может быть, очередная шутка? Нет. Действительно суд. Выездной суд над одним из учащихся ПТУ, семнадцатилетним Вольдемаром Утинансом. В одиннадцать часов вечера вместе с двадцатичетырехлетним работником Рижского порта Александром Семыкиным Вольдемар совершил преступление. В городском парке они пристали к незнакомым мужчинам с единственной целью — затеять драку: рабочие Язеф Петрович Бутанс и Владимир Иосифович Каракулько показались юношам недостаточно вежливыми.

В результате «грубияны» получили основательные удары по лицу. Подоспевшие вовремя дружинники схватили и доставили нападавших в ближайшее отделение милиции. Тут выяснилось, что Утинанс и Семыкин едва знакомы друг с другом: знакомство состоялось за два часа до нападения. Случайно разговорившись на улице, они решили продолжить беседу в ближайшем кафе, где распили бутылку вина, а затем, будучи навеселе, совершили свой нелепый «подвиг».

Увы! Знакомая ситуация: правонарушение без определенных мотивов, просто по бездумью.

— Зачем вы остановили незнакомого подростка? Почему вдруг решили его угощать? — спрашивает Семыкина судья Антонина Владимировна Шалыгина.

— Вот так вопрос! Да разве я знаю, зачем угощаю? Захотелось — и весь сказ.

— А то, что живете в общежитии порта, в общей комнате и не должны беспокоить товарищей, появляясь среди ночи, в одиннадцать вечера быть дома,— это вы знаете?

— Мы как раз и собирались немного подышать воздухом и по-хорошему разойтись.

— Но в этом случае вы появились бы в общежитии только к часу ночи.

— Действительно... Я как-то не подумал...

— А что вы думаете о собственном поведении в парке?

— Если мне показалось, что кто-то неприветливо смотрит на меня и что-то бормочет,— имею право ударить.

— Почему в собутыльники выбрали несовершеннолетнего?

— Это предрассудок. Между Вольдемаром и мной нет никакой разницы.

— Вы уверены?

— Уверен.

Семыкин держится вызывающе, он обладатель сверхположительной характеристики, выданной ему по месту работы. Семыкин аттестуется как дисциплинированный, инициативный и к тому же хороший общественник. Хотя представить такого общественником неловко и грустно.

А несовершеннолетний Утинанс? Может быть, его проделки извинительны? Он наделен несомненным даром от природы, прекрасно рисует, отличается музыкальностью, обладает обаятельной внешностью, подчеркнуто опрятен. Но все это не мешает ему удивиться, когда судья просит предъявить паспорт.

— Какой такой паспорт? Мне же только семнадцать лет!

— Неужели вы не знаете,— в свою очередь, удивляется судья,— что паспорт получают в шестнадцать? Вам следовало получить паспорт полтора года назад.

Утинанс по-детски улыбается и пожимает плечами. В аудитории становится шумно: учащиеся спорят, обязаны ли шестнадцатилетние получать паспорт. Их реакция на происходящее — реакция детей, наблюдающих, как одного из них непонятно за что прорабатывают «чудики»-взрослые.

— За неимением паспорта предъявите удостоверение учащегося ПТУ,— требует судья.

— Удостоверения? — слышится с мест.— Разве мы получали?

— Получали,— то ли суду, то ли залу отвечает Вольдемар.— Но я свое куда-то забросил. Зачем оно?

— Почему нарушили режим общежития? Возвращаясь ночью, вы мешаете спать другим.

— Так мог бы и не возвращаться. Мне случалось ночевать в городе. Я и сегодня в городе ночевал.

— У кого же ночуете?

— У друзей.

— Кто они? Назовите их фамилии, профессии, возраст.

— Могу назвать только адреса и как зовут: одного Михаил, другого Ромка. Взрослые.

— Чем они занимаются?

— Понятия не имею. Познакомился на улице. Ну и дружим. Об их работе или учебе никогда разговор не заходил. Какое мне дело до этого?

И снова гул в зале:

— Да что он — милиционер? Род занятий выяснять!..

— А здесь, в ПТУ,— продолжает судья,— у вас товарищи есть?

— Конечно.

— По какому же признаку вы их выделяете?

Вольдемар снова улыбается своей обезоруживающей улыбкой.

— Кто охотнее деньги одалживает, тот и товарищ.

— А долги возвращаете пунктуально?

— Что вы? Зачем возвращать? Ведь одалживаешь всего несколько рублей. А у кого и сколько — разве запомнишь!

— Если хочется иметь деньги, почему отказались от дополнительной практики на заводе? Работая всего два раза в неделю, вы могли бы получать ежемесячно

пятьдесят рублей сверх обычной стипендии.

— Мог бы. Но стоит ли обременять себя ради такой суммы?

Что это — просто инфантильность? В чем же хотя бы ее причины? В первый момент напрашивается банальное: «перенянчили». Ребят не только бесплатно учат. Им бесплатно предоставляется комфортабельное общежитие в самом центре Риги, трехразовое питание, спецодежда и стипендия на карманные расходы. При этом некоторым помогают родственники. Но, с другой стороны, у многих из этих ребят непростое детство: многодетная семья, лишившаяся отца, иногда матери, а иногда и обоих родителей. В частности, Вольдемар Утинанс — сирота, с десяти лет воспитывался в интернате.

Поступить в ПТУ на автокрановщика опять же непросто. Специальность модная, конкурс — несколько человек на место. Однако все учащиеся нашли в себе силы преодолеть это препятствие. Среди них много развитых, даже талантливых. В чем же причина странной «легкости в мыслях»?

Вряд ли стали бы эти ребята серьезнее, если бы их подвергли чисто физическим лишениям, заставили бы работать за кусок хлеба, как иногда советуют представители старшего поколения, детство которых было связано с лишениями военных лет. Хорошо, что эти трудности позади. И не нужно их искусственно создавать. Не они делают человека человеком.

И в землянке за коркой хлеба и в современной комфортабельной квартире за уставленным деликатесами столом человек неизбежно задает себе вопросы нравственного порядка: во имя чего жить, как жить, каким стать? Не все, конечно же, занимаются подобным самоанализом сознательно, но подсознательно, стихийно, думается, все.

От того, как ответит человек на эти вопросы собственной совести, и зависит так называемый стиль его поведения: легкость в мыслях и поступках, неуважение к окружающим, а зачастую и к самому себе; или серьезный, вдумчивый подход к любому, пусть даже малому факту нашей действительности.

И тут слово «перенянчили» хочется заменить другим — «недонянчили». Учили и кормили бесплатно. Но в должной ли степени делились душевным теплом, без которого трудно воспитать человека, способного достойно отвечать за свое поведение сегодня и прогнозировать собственное будущее? Вот и выходит, что Вольдемара и многих ему подобных только учат и кормят, а воспитывать желающих не находится — слишком хлопотно.

Узнав о предстоящем суде, педагогический совет училища поспешил выделить общественного обвинителя — преподавательницу истории и обществоведения В. Я. Лаздан. Заявив, что она высказывается от лица всех воспитателей, В. Я. Лаздан просила суд немедленно убрать Вольдемара из ПТУ как «невоспитуемого».

В чем же при этом обвинялся подросток? В уже известных суду и охотно признаваемых самим Вольдемаром проступках. Учится ниже своих возможностей, а мог бы учиться на «отлично». Пропускал занятия, исчезал, ночевал неизвестно где. После неизвестно где проведенных бессонных ночей крепко спал на уроках, несмотря на попытки преподавателей будить его. Хотя при этом был совершенно трезв. На окрики не реагирует, когда его ругают, отвечает обезоруживающей улыбкой. Не знаешь, чего от него ждать. Поэтому, заключает общественный обвинитель, пребывание в училище нежелательно.

— А поведение Вольдемара хотя бы раз обсуждалось? С ним пытались говорить серьезно? Пытались проверить, с кем встречается? — спрашивает «обвинительницу» судья.

— Кому это нужно? Кто должен проверять? — раздражается В. Я. Лаздан.— А для того, чтобы обсуждать, опять же время надо. У нас других дел хватает, у нас учебный план. И учащихся восемьсот человек. Индивидуальный подход тут невозможен. К тем, кто держится в пределах, мы претензий не имеем. В души не лезем. Пожалуйста, пусть учатся. А вышел из рамок — скатертью дорога на все четыре стороны.

Слово предоставляется мастеру производственного обучения Г. П. Гадюшиной, вызванной в качестве законного представителя обвиняемого (вместо родителей!). Но ее речь и, главное, подход к своим обязанностям мало чем отличаются от сказанного В. Я. Лаздан.

— Я в училище человек новый, ребят, в частности Вольдемара, знаю мало. Всего полгода с ними работаю. В общежитии один только раз была. Сами понимаете, дела. Куда-нибудь выбраться — проблема. О Вольдемаре могу сказать одно: способный. Очень способный. Но ленивый. И мысли где-то далеко. Случалось ли говорить с ним по душам? Не случалось. Но я же всего полгода...

Ну, а воспитатели общежития? Ведь тут штатная должность так и именуется — «воспитатель». Знакомлюсь с единственным воспитателем общежития Григорием Васильевичем Павловым. Их тут должно быть два, но Григорий Васильевич «несет свой крест» один. Его рабочий день начинается в 7 часов утра и длится до позднего вечера. На просьбу рассказать о методах работы с особо «трудными» ребятами Павлов смущенно и грустно улыбается.

— О методах?.. Для этого общаться надо. Следить, как ребята проводят время, организовывать их вечерний досуг. Иногда и телевизор посмотреть с ними вместе, и новую книгу обсудить, и просто о жизни потолковать, а я по распоряжению дирекции занимаюсь электропроводкой, чиню поломанную мебель, мастерю скамейки и стулья для актового зала, полки для книг. В общем, работы хватает.

— Но ведь у вас в штате должен быть и электрик и столяр.

— Они вроде есть. А на практике я один. Вот и перед судом потрудился на славу.

— А что вы скажете о Вольдемаре?

— Паренек мыслящий, и человека из него сделать можно, если, конечно, сил и времени не жалеть. А мои силы и время на стулья ушли. Личный приказ директора. И Тамара Петровна Степанова (его заместитель по учебно-воспитательной работе) туда же... «Сделай ты нам,— говорят,— ко дню суда побольше стульев, чтобы не стыдно было людей посадить». Тут я и не выдержал: «Что вы,— говорю,— в самом деле! Я сюда не за тем поступал». Так они еще стыдить вздумали. «Узко ты,— говорят,— Васильевич, роль воспитателя понимаешь. Труд в воспитании — первейшее дело. Вот и потрудись, чтоб ребята одобрили. Личным примером воспитывай. Смотри не подкачай». Смешно, конечно, но и грустно. Ночами плотничал и столярничал.

Григорий Васильевич прав. Смешно и грустно. Однако в общежитии он с декабря. До него воспитателем несколько лет работала Галина Тихоновна Артемова, подзапустившая столярные дела и ничего не смыслившая в электричестве. Может быть, в таком случае она имела возможность выполнять свои прямые обязанности? Имела. Но не выполняла. Более того, воспитательница попросту издевалась над учащимися. Красный уголок, где ребята могут смотреть телевизор, был неизменно заперт, а ключи от него находились у любимцев Галины Тихоновны. Чтобы получить от нее ключи и согреть чай или проникнуть в душевую, нужно было долго унижаться. Для полноты портрета добавим: воспитательница, как правило, пересыпала свою речь нецензурной бранью, рассказывала несовершеннолетним гнусные анекдоты, распускала по общежитию грязные слухи, являвшиеся плодом ее больной фантазии.

Осенью минувшего года учащиеся, терпение которых истощилось, направили в дирекцию коллективное письмо, подписанное большинством живущих в общежитии. «Наша воспитательница,— жаловались они,— всех обзывает хулиганскими словами, создает между нами конфликты, распуская слухи клеветнического характера, заставляя малодушных врать друг на друга и пресмыкаться перед нею ради допуска к газовой плите. Просим избавить нас от ее присутствия. Пишем это в трех экземплярах. Из них один — вам, второй — в районо и третий — в «Учительскую газету». Но если быстро примете меры, остальные два экземпляра никуда не пойдут».

И директор Сергей Иванович Филимонов меры принял. Незамедлительно, но своеобразно. Он поспешил расстаться с Галиной Тихоновной полюбовно, дав ей возможность уволиться по собственному желанию и соответственно продолжить свою «воспитательскую» деятельность. А на ее место взял Григория Васильевича, решив сразу же занять его полезным делом, чтобы с ребятами не связывался и не мозолил понапрасну глаза.

Ну, а комсомольская организация училища? Может быть, она по мере сил пытается помочь ребятам сделать правильный нравственный выбор? Хотелось бы в это верить. Но и здесь не все благополучно. Секретарь комсомольской организации ПТУ Татьяна Алексеевна Миронова официально освобождена от другой работы. Но теория и тут расходится с практикой. Миронова преподает в училище географию. Так что и у нее свой учебный план и у нее «других дел» хватает. До воспитания ли при такой нагрузке? Характерно, что в день суда Татьяна Алексеевна вообще не появилась в училище. Она, как выяснилось, пополняла на дому свои познания в географии.

— Зачем ей быть на суде? — недоумевала заместитель директора по учебно-воспитательной работе.— Вольдемар не комсомолец. А комсомольцев в зале достаточно. Обойдутся и без нее.

Вечером в общежитии я попыталась уточнить у ребят-комсомольцев имя и фамилию их секретаря. К моему изумлению, ни один из двадцати опрошенных этого не знал. Зато они знали, что географию им преподает Татьяна Алексеевна Миронова — хорошо преподает, рассказывает много интересного о разных странах.

— Так, может, она и есть секретарь комсомольской организации? — позволила я себе провокационный вопрос.

— Татьяна Алексеевна? Не может быть! Вот разве ее муж. Нет, тоже вряд ли. Он тут как-то диски крутил... Может, все же он?

Комментарии, как говорится, излишни. Выходило: расти как знаешь, а дорастешь до совершеннолетия — мы с тебя спросим, где твоя нравственная и социальная зрелость, почему задумываться не привык.

...Окончился суд. Его решение разумно и справедливо. Утинанс осужден по статье 204 (часть 2) Уголовного кодекса ЛССР за хулиганское нападение без умысла ограбить. Но осужден с отсрочкой приговора. Лишь через год, в зависимости от того, как поведет себя Вольдемар в стенах училища, приговор будет или снят, или приведен в исполнение.

Казалось бы, все ясно. Сделать из происшедшего правильные выводы должен и сам Вольдемар и педагогический коллектив училища. Но не тут-то было.

— Как же, перевоспитателей нашли! — резюмировал директор ПТУ, едва смолкли последние слова судьи.— Зачем Утинансу профессия автокрановщика? И его и нас устроит, если мы выдадим ему диплом шофера. Выдадим — и до свидания. Пусть безобразничает в другом месте.

Что ж, С. И. Филимонов последователен. Его реакция закономерна и логична. Но может ли подобная логика устраивать общество, провозгласившее человека главной своей ценностью, убежденное, что за человека надо бороться до последней возможности?

О БЫЛО В ПТУ...

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ХЕМИНГУЭЯ

«...ОСТАВАТЬСЯ САМИМ

1953 год. Кения. Во время сафари.

Недавно издательство «Гранада» выпустило сборник «Эрнест Хемингуэй. Избранные письма. 1917—1961 гг.», подготовленный одним из исследователей жизни и творчества Хемингуэя, Карлосом Бейкером.

Предлагаемые читателям «Огонька» шесть из почти шестисот включенных в сборник писем относятся к последним годам жизни писателя. Из них мы узнаем о впечатлениях Хемингуэя о его втором сафари 1953—1954 гг., об авиационных катастрофах, последствия которых, возможно, послужили причиной недуга, заставившего Хемингуэя восемь лет спустя принять роковое решение, о реакции художника на присуждение ему Нобелевской премии по литературе и бесцеремонное вторжение газетчиков в его личную жизнь, об увлеченной работе над фильмом по повести «Старик и море». Последнее из писем было написано уже тяжело больным писателем.

По свидетельству Мэри Хемингуэй и Карлоса Бейкера, в феврале 1961 года Хемингуэя попросили сделать надпись для дарственного тома президенту Кеннеди. Хемингуэй работал целый день, исписал десятки страниц и все впустую. Но даже в таком состоянии, узнав о том, что девятилетний сын его лечащего врача Фредерик Сэвирс, страдавший заболеванием сердца, вновь госпитализирован, Хемингуэй нашел в себе силы написать мальчику несколько прекрасных, вселявших надежду строк. Это было 15 июня 1961 года.

2 июля 1961 года, менее чем через три недели после письма Фритцу, Эрнест Хемингуэй застрелился из охотничьего ружья.

2 июня 1950 г.
Артуру Майзенеру [1]
Финка Вихия

Дорогой г-н Майзенер,

моя сестра Ура (Урсула) училась в вашем колледже и сейчас живет в штате Гавайи — факт, не имеющий отношения к делу. Когда я вернулся домой после первой войны, она обычно ждала меня, заснув на ступеньках лестницы, ведущей в мою комнату на третьем этаже. Она непременно хотела проснуться, когда я приходил, потому что кто-то сказал ей, что мужчине очень плохо пить в одиночку. Она выпивала со мной что-нибудь легкое, пока я не укладывался спать, и она оставалась у меня, чтобы мне не было одиноко ночью. Мы всегда спали при свете. Иногда, увидев, что я заснул, она гасила свет, и сама не спала, а заметив, что я просыпаюсь, снова зажигала его. В то время я не мог спать в темноте [2], и теперь вам ясно, что знают об этом Уилсон и Гейсмар [3], и что за прекрасная девочка училась в вашем колледже.

Что за черт, не так-то это просто — любили вы или ненавидели свою мать. А что, если вы любили двух сестер, пять собак, почти двадцать кошек, четыре разных самолета, два больших и пять маленьких городов, три континента, один катер, океаны и бог знает сколько женщин. Во всем виновата ваша мать. Нет, это слишком просто, с какой стороны ни посмотри. Я также люблю своих детей, люблю писать, читать, любоваться картинами, охотиться, ловить рыбу, ходить на лыжах и еще люблю разных людей в Венеции. Кроме того, люблю свою жену Мэри. Люблю 4-ю пехотную дивизию и 22-й пехотный полк, ныне покойного Фэтса Уоллера и Гонконг и Новые территории. Двух девушек в Венеции и одну в Париже. Люблю их искренне и крепко.

Эдмунд Уилсон пичкает нас россказнями о скрытых душевных травмах. Прекрасно. У меня 22 легко различимых ранения (возможно, помимо скрытого), и я убил по крайней мере 122 человека, помимо тех, о ком я не могу знать наверняка. Последний, нет, не последний, а тот, чью смерть я перенес особенно скверно, был солдатом в немецкой форме и каске. Он ехал на велосипеде впереди отступающей части по дороге на Ахен, которую мы перерезали чуть повыше Сен-Кантена. Я не хотел, чтобы наши стреляли из крупнокалиберного пулемета и спугнули тех, что ехали следом за ним на бронетранспортерах, и сказал: «Оставьте его мне»,— и застрелил его из карабина. Потом мы подошли обыскать его и поправить ловушку, и он оказался совсем мальчишкой, ровесником моего сына Патрика, а я прострелил ему позвоночник, и пуля вышла через печень. Спасти его было нельзя, так что я положил его как можно удобнее и дал ему таблетки морфия, и тут подошел мальчик-француз и попросил велосипед, потому что его был украден немцами, и мы отдали ему велосипед и велели спрятаться к дьяволу в небольшом кафе на перекрестке, а сами поправили ловушку.

Нет. Я думаю, мы таковы, каков окружающий нас мир, и все эти психоаналитические версии или интерпретации никуда не годятся...

С наилучшими пожеланиями
Эрнест Хемингуэй

3 января 1954 г.
Харви Бриту [4]
Недалеко от Магади, Кения

Дорогой Харви,

как дела, малыш, и как твое житье-бытье? Мы стали лагерем на границе Кении и Танганьики. Я здесь уже около семи недель. Меня сделали почетным инспектором по охране дичи и в связи с чрезвычайными обстоятельствами (восстанием «Мау-Мау» [5]) еще и объездчиком. Первоклассная жизнь. Проблемы днем и ночью. Вот вчера стадо слонов (двадцать один) вытоптало shamba [6], принадлежащее семье моей «невесты» из племени уакамба [7]. Они паслись неподалеку, и девять слонов прошли через кукурузу, которая после дождя поднялась почти до пятнадцати футов... Мы преследовали их, пока они не ушли в район холмов, и потом оставили проводника Арап Маина и еще одного человека, чтобы они отпугнули слонов, если им вздумается вернуться на поле ночью. Проверили стадо буйволов (82) — и с ними все в порядке. Нашли львицу, у которой накануне рождества появились детеныши; она тоже в порядке. Львица задрала самца из небольшого стада антилоп (11 голов). Он был моим приятелем с сентября, но в стаде подрастает шесть молодых самцов и один из них станет вожаком. Все равно мне его жаль. Ложусь рано, встаю ночью и отправляюсь на прогулку с копьем. Изучаю звуки, разнообразные ночные голоса животных. Фонарем не пользуюсь и хожу один в мягких сапогах. Утром пьем чай — в 5.30 — и потом я и Мисс Мэри отправляемся охотиться с ее ружьеносцем Чаро (ему должно быть под восемьдесят, и он ниже ее ростом) и моим ружьеносцем Нгуи (он сын М'Кола, который был моим ружьеносцем еще тогда, когда я писал «Зеленые холмы Африки»). Нгуи крепкий орешек, он семь лет прослужил в Королевских африканских стрелках в Абиссинии, Бирме и т. д. В Абиссинии он немного выучился говорить по-итальянски. Нгуи и я влюблены в двух девушек из ближайшей деревни уакамба. Это очаровательная девушка на берегу ручья с плантацией кукурузы — акров пятнадцать, и немного зерновых, и наши девушки наследницы всего этого... только наши — черные и очень красивые. Каждый день они приносят нам подарки — сладкую кукурузу и пиво собственного изготовления (очень хорошее), и сегодня я подарил им фунт топленого свиного жира и заднюю часть туши кабана, подстреленного Мисс Мэри, а также немного соли и номер «Лайфа». Вчера познакомился с матерью, братом и двумя сестрами моей «невесты». Отец ее не очень знатного происхождения, но живет в достатке. Мать очень приятная женщина и недавно родила. Мисс Мэри ни во что не вмешивается, все понимает и вообще она молодец...

Я должен убивать зверей, нападающих на их скот или вытаптывающих посевы. Пока я с этим справляюсь, буду пользоваться у них некоторой популярностью.

Вешу 186 фунтов. Долгое время весил 190—192. Обрил голову, так моей «невесте» больше нравится. Ей нравится трогать все шрамы и рубцы у меня на голове. Я всегда думал, что их надо стыдиться. Но не здесь. Харви, африканские девушки, по крайней мере уакамба и масаи, действительно восхитительны, и вся эта чепуха о том, что они лишены чувства любви, сплошное вранье. Просто они намного жизнерадостнее наших девушек. Пожалуй хватит об этом, потому что я хочу написать о них по-настоящему. ...Это чудесная страна, Харви.

С огромной любовью и с Новым Годом!
Папа.

4 февраля 1954 г.
Харви Бриту
Шимони [8]

Дорогой Харви,

наконец наладил связь между правой рукой и головой, так что могу написать тебе собственноручно...

Для твоего сведения, падение второго самолета доставило мне некоторые неприятно-

[1] Артур Майзенер — американский критик, биограф С. Фицджеральда.

[2] После первой мировой войны Хемингуэя долгое время преследовали ночные кошмары, и он не мог спать в темноте.

[3] Американские литературоведы, которые, как и многие буржуазные критики, объясняли критическое мироощущение Хемингуэя психическими травмами, полученными им в детстве и на фронте первой мировой войны.

[4] Харви Брит — американский журналист, корреспондент «Нью-Йорк таймс», с которым Хемингуэй познакомился в 50-е годы и впоследствии часто переписывался.

[5] «Мау-Мау» — тайное религиозно-политическое движение, зародившееся в Кении в конце 40-х годов. Его основными целями были возврат земель, захваченных у африканцев колонизаторами, и установление самоуправления.

[6] Засеянное поле, плантация (суахили).

[7] Народность в Восточной Африке.

[8] Населенный пункт в Кении.

СОБОЙ...»

сти[9]. Принято говорить «Врешь, не возьмешь», но я повредил почки или, возможно, только одну из них, печень, селезенку (или что-то в этом роде), каждую ночь моя подушка намокала от просачивавшейся мозговой жидкости, кожа на макушке сожжена напрочь и т. д. Кроме того (видишь, что можно получить от одной хорошей взбучки) пришлось немного подышать в огне, а это еще никому не было на пользу, за исключением, конечно, Жанны д'Арк, перевоплотившейся (общепризнанный факт) в генерала де Голля. Ослеп на левый глаз (впрочем, он и раньше никуда не годился).

Харви, эта встряска была похуже, чем весть о присуждении Нобелевской премии Фолкнеру.

Мисс Мэри молодцом, правда, немного нервничает. Она была очень храброй и очаровательной...

Всегда твой. Папа Эрнест.

23 декабря 1954 г.
Генералу Е. Е. Дорману-О'Гоуен[10]
Финка Вихия

Дорогой Чинк,

мне очень совестно, что я не писал. Меня осаждали журналисты, фотографы и скучные и забавные психи. Работа над книгой была в самом разгаре, а это все равно, что тебя прервали в момент тайного свидания с любовницей...

Ты знаешь, я никогда не был мрачным субъектом, но этот шведский гонг[11] не доставил мне ни радости, ни веселья. Деньги неплохие, пригодятся для уплаты налогов, а так это только дает всем сомнительное право бесцеремонно вмешиваться в твою личную жизнь. Вчера разделывал и упаковывал для глубокой заморозки мясо черепахи и рыбу, пойманную во время морской прогулки, в которой мы спасались от телефона, и тут заявились представитель ныне покойного баскского правительства, а с ним португальский генеральный консул и его китайский коллега. Вода и электричество были отключены, так что я с удовольствием пожал им руки своей пропахшей черепашьим мясом ладонью и пожелал им «бог в помощь»...

Будь ты писателем, тебе бы это тоже не понравилось. Трусом меня не назовешь, и потому я всегда кажусь подозрительным. Все усматривают в этом либо браваду, либо бесчувственность. Можно подумать, что коль скоро ты не кричишь под пытками, то тебе уже все нипочем...

Всего тебе наилучшего, Чинк.
Хем.

4 сентября 1955 г.
Филипу Персивалю[12]
Финка Вихия

Старик, дорогой...

Мы снимаем настоящую рыбную ловлю для фильма «Старик и море». В первый же день поймали двух марлинов в 472 и 422 фунта и сделали несколько очень удачных кадров. Приходится вставать в четыре часа утра и рыбачить до темноты. Вчера семь часов подряд простоял у штурвала на мостике, а предыдущие дни стоял и по десять часов. Используем четыре взятые у местных рыбаков лодки, оснащенные парусом, как в повести, и еще два катера, и ходим стаей, чтобы камеры были рядом на случай, если попадется рыба. На катерах установлены стационарные камеры для съемок по системе «синемаскоп» и дополнительно одна оперативная камера. Ее легко держать в руках, и снимает она очень быстро и точно. Когда парусные лодки поворачивают домой, мы на катерах пробуем ловить на блесну, чтобы снять прыгающую рыбу. В полдень Мэри приносит горячие закуски для рыбаков и операторов. Мы кормим их хорошо: на выбор жареные омары, цыплята, бифштексы, на гарнир черная фасоль, рис, вкусный салат и плоды папайя или апельсины. Закуски мы заказываем в портовом ресторане в Кохимаре. Кроме того, я поставляю им лед, наживку, снасти, развлекаю этих субъектов, присматриваю за лодками до 14.30 или 16.00, а потом устраиваюсь на палубе и по дороге домой шестнадцать — восемнадцать миль ловлю на блесну. Мэри все нравится. По ее словам, это напоминает сафари, но только на океане, и она очень гордится тем, что у нее своя лодка, и счастлива, когда ей уделяют столько внимания. Моральный дух команды на высоте, особенно когда они видят, как эта девочка в любую погоду выходит в море с горячей закуской.

Съемочную группу составляют четырнадцать человек да еще восемь рыбаков на парусных лодках... Есть врач, который также является барменом. До сих пор нам удавалось поддерживать у всех хорошее настроение и рвение к работе, и дело подвигается. Все просто, когда единственная твоя работа — это говорить по-испански и оставаться самим собой. Но прошло только три дня, а впереди еще двенадцать. Течение очень сильное и хорошее, и рыба должна ловиться хорошо, особенно теперь, когда луна идет на убыль. Если здесь крупная рыба не попадется, пойдем к Перу, где тысячефунтовые рыбины обычное дело. Правда, это неповоротливые рыбы-переростки, разъевшиеся на кальмарах, а кальмары там весят по 40 фунтов, тогда как здешние всего около фунта. Если только нам удастся снять несколько хороших прыжков хотя бы одной огромной треклятой рыбины, то все остальное уже дело актеров...

Всегда с наилучшими.
Папа

15 июня 1961 г.
Фредерику Г. Сэвирсу
Рочестер

Дорогой Фритц,

ужасно огорчился, узнав сегодня утром из письма твоего отца, что ты еще несколько дней пробудешь в больнице в Денвере, и спешу написать тебе, чтобы ты знал, как мне хочется видеть тебя выздоровевшим.

В Рочестере было очень жарко и душно, но последние два дня стало прохладно и хорошо, и ночи просто созданы для сна. Места здесь прекрасные, и мне удалось повидать некоторые красивые места на Миссисипи, где в старые времена сплавляли лес и где сохранились тропы, по которым первые поселенцы пришли на север. На реке видел, как прыгают великолепные окуни. Раньше я ничего не знал о верховьях Миссисипи, а места тут и правда хороши, и осенью здесь полно фазанов и уток. Но все же меньше, чем в Айдахо, и я надеюсь, мы оба скоро туда вернемся и будем вместе посмеиваться над нашими болячками.

Прими, старина, наилучшие пожелания от своего верного друга, который очень скучает по тебе.

Мистер Папа.

Всего самого хорошего твоим родителям. Я чувствую себя превосходно и вообще настроен очень оптимистично и надеюсь всех вас скоро увидеть.

Публикация и перевод с английского Виктора ПОГОСТИНА.

[9] 23 января 1954 года самолет, на борту которого находились Мэри и Эрнест Хемингуэй, задел за обрывок телеграфного провода и потерпел аварию в северо-западной части Уганды. 24 января Хемингуэй с женой и пилот Рой Марш добрались на случайно проходившем мимо катере до местечка Бутнабу. В этот же день они вылетели на спасательном самолете в г. Энтеббе и при взлете вновь потерпели аварию. Самолет загорелся. Рой Марш и Мэри выбрались через выбитое окно. Дверь заклинило, но Хемингуэю удалось выбраться, вышибив дверь головой.

[10] Хемингуэй и Дорман-О'Гоуен познакомились в Италии во время первой мировой войны и с тех пор оставались друзьями всю жизнь. В переписке и мемуарах Хемингуэй в шутку называл своего друга Чинк — такой кличкой в США называют китайцев.

[11] 28 октября 1954 года Хемингуэю была присуждена Нобелевская премия по литературе.

[12] Филип Персиваль — охотник, друг Хемингуэя, помогавший ему в его первом (1933—1934 гг.) и втором (1953—1954 гг.) сафари.

ЧЕЛОВЕК С ГОР

Пожалуй, нет на нашей планете такого сравнительно небольшого района, где история собрала столько разных народностей, как Дагестан. Пути миграций народов и племен с востока на запад и с юга на север проходили через этот край. Переживал он и нашествия и походы завоевателей. В результате около тридцати отличных друг от друга, этнически самобытных «человеческих пород» обосновались в плодородных долинах и в недоступных, казалось бы, горных ущельях Дагестана. Они сохранили свои языки, культуру, законы неписаного права — адат. Они и враждовали между собой и мирно сосуществовали многие годы...

На основе классовой солидарности трудящихся малые и более крупные народности «страны гор» преодолели разобщенность, пришли к содружеству. Об этом и написал свою книгу — роман «Человек с гор» — Георгий Лезгинцев.

Революционная борьба дагестанцев показана в нем, естественно, через судьбы разных людей. Главный герой — юноша из лезгинского аула Штул Магомед. Однажды, возвращаясь в родной аул, он встретил в горах неизвестного, явно пришлого человека, не горца. Это был молодой, понравившийся сразу Магомеду русский, назвавшийся Мироном... Вскоре его выследили и схватили в пещере, где он скрывался, джигиты, посланные полицейским Ибрагим-беком, сыном самого богатого человека в ауле Курбана.

Встретил, возвращаясь домой, Магомед и еще одного пришлого человека — торговца, хорошо говорившего на его родном языке, Рамазана, татарина. Рамазан убедил Магомеда помочь ему спасти Мирона, и они устраивают побег революционеру из подвала-колодца, где его содержали в ауле до отправки в город Дербент. Так юный Магомед впервые приобщился к революционной борьбе.

Семья Магомеда вскоре вынуждена была покинуть аул из-за преследований Курбана. Магомед уходит в Дербент. Там он встречается с односельчанином Ягибеком, связанным с революционным подпольем, и через него снова с Рамазаном, профессиональным революционером. Классовую закалку Магомед проходит, работая на рыбных промыслах, потом среди рудокопов. Товарищи из подполья — большевики помогают ему окончательно освободиться от духовного религиозного рабства. Он вступает в ряды РСДРП, в партию, ленинская национальная политика которой ведет к осуществлению на деле истинной дружбы народов.

В романе Г. Лезгинцева хорошо показано, как именно в условиях разноплеменного мусульманского Дагестана еще в те глухие годы реакции после поражения революции 1905 года партия Ленина начинала это объединение народностей.

Судьба и вхождение в революционную борьбу юноши из аула Штул — основной, но не единственный план романа «Человек с гор». С большим знанием материала, обычаев и психологии дагестанцев писатель раскрывает широкую панораму жизни простых людей — горцев, рыбаков, шахтеров, а также «механизм» их притеснения со стороны богатеев, властей, бесчестных религиозных деятелей. Одним из рычагов этого «механизма» было разжигание национальной розни, религиозной нетерпимости, поддержка некоторых установлений адата — например, закона кровной мести. Обо всем этом рассказано в романе не декларативно, но вплетено в сюжетные ситуации, в судьбы персонажей.

Есть в книге и романтические линии, например, история сестры Магомеда, Мариам, насильно выданной за нелюбимого, бежавшей от мужа и тоже ставшей революционеркой.

Роман завершается рассказом о том, как арестованных за руководство забастовкой горняков Магомеда и Мирона обменивают на похищенного абреками Курбана и они по указанию партии нелегально едут в Петербург.

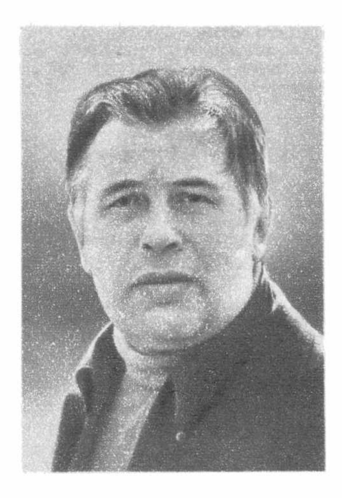
— А я смогу там, в столице, увидеть Ленина? — спрашивает Магомед Мирона, и тот отвечает: «Сможешь, когда он вернется в Россию из эмиграции...»

Интересно написанный роман Георгия Лезгинцева «Человек с гор» — хороший вклад в нашу историко-революционную литературу.

Виктор СЫТИН

Георгий Лезгинцев. Человек с гор. М., «Советский писатель», 1981.

Стихи разных лет

Валентин СИДОРОВ

ПРОШЕНИЕ

Была бумага рябоватой.
Свидетельство прошедших лет —
Скрепленное далекой датой
Прошенье в волостной Совет.

Молил и требовал Межуев —
Без объяснения причин:
«Прошу снять звание буржуя
И дать мне пролетарский чин».

Какою бурею и встряской
Вверх дном перевернуло век,
Чтобы просил не титул графский,
А пролетарский человек!

Решить вопрос не так-то просто,
Когда навечно и всерьез.
Средь неотложнейших вопросов
Рассмотрен был и тот вопрос.

Венчала, завершая дело,
Официальная печать.
И резолюция синела
Отчетливая: «Отказать!»

«Считать Межуева буржуем,—
Гласил решительный ответ,—
Поскольку гражданин Межуев
Кулак, дракон и мироед».

Я вчитывался в эти строки.
Звучал в наклоне этих строк
Стиль революции высокий,
Ее неповторимый слог.

Звучала в них непримиримость,
В них все дышало прямотой.
«Сим победиши!» — говорилось
Об убежденности такой.

ТИШИНА

В каком-то ненашем фильме
(К сожаленью, не помню
названья)
Бродил сумасшедший.
С глазами, от ужаса
неподвижными,
Он обращался к каждому:
— Продаю тишину!
— Продаю тишину! —
И он был прав.
Нам так ее не хватает,
Пахнущей снегом,
Свежестью сосен.

Но она с трудом уживается
С нашей цивилизацией.
Контуженная моторами,
Она уползла подальше,
В глухомань,
Чтобы, забившись в нору,
Как старый обиженный пес,
Ворчать и зализывать медленно
раны.

●

Когда стихия над землей грядет,
Мы ей с испугом и восторгом
внемлем.
Стремительно стальной
громоотвод
Соединяет небеса и землю.

И речь ее проста и непроста.
Порой — тиха. Порой —
неукротима.
И чтоб ее понять, необходима
Бетховенская глухота.

●

Отрину ложь и недомолвки,
Себя сомненьем изведу
И, презирая меч Дамоклов,
Накличу на себя беду.

Пускай в мой мир ворвется рокот
Необратимых перемен!..
Но только не тоскливость окон,
Не безнадежность этих стен!

●

Уже тридцать седьмое лето
Дарит мне хмурый небосклон.
Опасный возраст для поэта,
Когда не пишет прозу он.

Об этом с тайною угрозой
Ему его друзья твердят.
Берись за ум, садись за прозу,
Роман иль повесть, и — богат.

А он и в ус себе не дует.
Советам здравым вопреки
Он все рифмует да рифмует
Иль пишет белые стихи...

МАМЕ

Да будет Свет, да будет Свет,
Да будет море Света!
А смерти нет, а смерти нет —
Я точно знаю это.

Из века в век прядется нить,
Которой нет предела.
Мы после смерти будем жить,
А как — другое дело.

Нет перерыва, нет конца,
Слова о смерти лживы,
И наши души и сердца
Ничем не расторжимы.

Пускай идут-текут года,
Пусть мгла сменяет солнце,—
Твой светлый облик навсегда
Стихом моим спасется...

●

Ища потерянные строки,
Нельзя тот город не любить,
И он не может быть далеким,
Он может только близким быть.

Среди тревог больших и малых,
Возникли вдруг из темноты
Венецианские каналы,
Венецианские мосты.

И, ослепленный на мгновенье
Виденьем праздничных дворцов,
Я снова чую чьи-то тени,
Я снова слышу чей-то зов.

В душе легко и невесомо,
И ей, свободной от забот,
Здесь все заранее знакомо
И все известно наперед.

И с новой силой воскресает
Прозрачных звуков волшебство,
И время, время исчезает
Из пониманья моего.

И, над собой незримо поднят
И различая свет и мглу,
Я силюсь, силюсь что-то
вспомнить,
Но сразу вспомнить не могу.

●

Прости меня, мой внутренний
редактор!
Никто другой — я сам тому виной,
Что не сумел наладить я контакта
С таинственной творческой
волной.

Моим призывам не внимают
музы.
С особой силой чувствую сейчас,
Что порваны невидимые узы,
И свет, меня питающий, погас...

●

Да будет боль благословенна.
Пускай в ней черпает твой дух
Понятье жизни сокровенной,
Земной раздвинувшее круг.

В часы страданий и болезней
Сосредоточь свой взор и слух
На той непостижимой бездне,
О коей думать недосуг.

БЛОКОВСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Двенадцать лет назад в подмосковное Шахматово впервые пришел многолюдный праздник поэзии. С волнением вступали гости на лесную тропу, ведущую в усадьбу, которую не сохранило время. Здесь жил и творил Александр Блок, здесь истоки пленительного и зовущего блоковского образа России, Родины.

И вот в тринадцатый раз поэтический праздник собрал тысячи слушателей на земле Александра Блока. Возложены по традиции цветы и венки к памятнику поэту у школы, носящей его имя; осмотрен уютный школьный музей. Москвичи побывали на постоянной выставке при библиотеке имени Блока в селе Тараканове, где предстоит реставрировать прекрасный памятник отечественной архитектуры — церковь XVIII века, в которой венчались А. А. Блок и Л. Д. Менделеева, дочь великого русского ученого. В отдалении — могучий холм, где в деревне Боблово находилась усадьба Д. И. Менделеева, также ожидающая восстановления. Не хотелось покидать Тараканово: здесь бы, в центре блоковских мест, в окружении живописных пейзажей, и проводить поэтические встречи.

По современному шоссе гости вернулись в Солнечногорск, отстоящий на 17 километров от Тараканова. Тут, в городском парке, перед читателями выступили московские поэты, представители общественности района. Вел встречу критик и литературовед, известный исследователь и пропагандист русской советской поэзии, лауреат Государственной премии РСФСР Юрий Прокушев. И снова — в село Тараканово, чтобы отсюда пройти полевой и лесной дорогой в Шахматово. Ведь трудно себе представить, чтобы любители поэзии не пришли в такой день в «благоуханную глушь», столь дорогую Александру Блоку. И, конечно, за этот день здесь перебывали многие и многие паломники; Шахматово оглашалось звуками великой русской поэзии. Стихи читали и стар и млад...

Однако ничто в этих местах — ни в Солнечногорске, ни в Тараканове, ни в Шахматове — не свидетельствовало о начале создания Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника, который должен быть организован здесь согласно постановлению Совета Министров РСФСР, принятому в минувшем году. Между тем идет время, проходят намеченные правительством сроки. Праздник поэзии Александра Блока вновь напомнил: музею-заповеднику в Шахматове, Тараканове, Боблове — быть! Этого требует наша патриотическая память. «Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки, я знаю, старый дом глянет в сердце мое...»

С. ЛЕСНЕВСКИЙ

А. Дейнека. 1899—1969. БЕГ. 1932—1933.

Ю. Пименов. 1903—1977. АКТРИСА. 1935.

29 АВГУСТА — 38-я ГОДОВЩИНА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

ЯНОШИКОВЫ ОГНИ

В. ГРИНЮК

Несколько лет назад чехословацкий журналист Яромир Неугорт, работающий в Кошице, рассказал мне одну историю времен войны. Речь шла о советском бойце, действовавшем в составе партизанской группы в глубоком тылу противника. История эта не имела конца. Но десятилетия спустя она получила неожиданное продолжение...

В Кошице я ездил на «железарни» — так там называют металлургический комбинат, беседовал с рабочими. Иногда меня сопровождал Яромир, редактор комбинатской многотиражки. Мысль то и дело возвращалась к рассказанной им истории. Вскоре даже стало казаться, что об этом я уже когда-то слышал или где-то читал.

«Яношик!» — вдруг мелькнуло в сознании. Да, легендарный Яношик, вольный человек, благородный разбойник начала XVIII века!

Внезапная эта догадка вначале поразила меня. Ведь советского бойца, о котором шла речь, и Яношика разделяло более двухсот лет! И все же у этих двух людей было что-то общее, между ними была какая-то связь.

В ту пору Словакия входила в состав Венгерского королевства — одной из вотчин ненавистной народам империи Габсбургов. Под водительством Ференца Ракоци на землях королевства разгорелась антигабсбургская война. Сын словацкого крестьянина Юрай Яношик вступил в повстанческое войско. Победоносное в первые годы, народное движение, однако, было разгромлено. Яношик стал предводителем небольшой дружины «вольных людей». Вооруженные кремневыми пистолетами и валашками — легкими топориками на длинной рукоятке, они нападали на помещиков, отбирали добро и раздавали беднякам.

С помощью коварства и обмана королевским наемникам все же удалось схватить Яношика. Его предали лютой казни на площади в Липтовском Микулаше. Однако народ не захотел поверить в его гибель. Яношика и сегодня помнят в каждом словацком доме. Он живет в бесчисленных народных легендах и балладах, в песнях и творениях художников.

...В темные августовские ночи, когда особенно ярко пламенеют коксовые батареи на Кошицком металлургическом комбинате, в дальних горах появляются таинственные ответные огни. И хотя даже дети знают, что это пылают костры туристов, заночевавших на старых партизанских тропах, местный житель на вопрос любопытствующего гостя в тихой задумчивости ответит:

— Яношиковы огни...

* * *

Стояла поздняя осень 1944 года.

В селе Ольшове, что в предгорьях Карпат, уже гасли последние огни. Готовились ко сну и в избе Штефана Хованчика. Неожиданно раздался стук в окно. Хозяин осторожно открыл дверь. За углом он увидел прильнувшего к стене человека с автоматом.

— Немцы есть в селе? — простуженным голосом спросил незнакомец по-русски. На нем были солдатская шапка-ушанка, сапоги и теплая куртка словацкого жандарма.

— Нема, — ответил Штефан, смекая, кто перед ним. Накануне по селу прошел слух: партизаны разгромили жандармский участок в Генцовицах. «Не там ли добыта эта куртка?»

Штефан огляделся по сторонам и пригласил незнакомца в избу. Тот показал на свой автомат и гранаты на поясе. «Не хочет с оружием», — догадался Штефан. Оба знали, что за укрытие партизан, особенно с оружием, гитлеровцы расстреливали. Штефан отвел гостя в коровник, а сам пошел в избу. В глазах домочадцев был тревожный вопрос.

— Рус, — сказал Штефан. Так называли здесь всякого человека из Советской России. Это мог быть бежавший из плена боец или парашютист-десантник, которых по просьбе чехословацких друзей советское военное командование забрасывало в восставший край вместе с группами чешских и словацких патриотов.

Гость не был русским. Это поняли сразу, когда Штефан привел его в избу, — по восточному складу лица, по говору. Видимо, он был откуда-то с Кавказа.

Гость разделся, и тут все увидели на его плече бинт с запекшейся кровью. Жена Штефана осторожно обмыла рану, достала чистую простыню, разорвала ее и сделала новую повязку. Потом он умылся. Поливал ему из кружки маленький Штефка, сынишка хозяина.

Пришельца стали называть Русом. Ночью он спал в избе, а перед рассветом уходил в коровник, забирался в солому и ждал Штефана с вестями. Решили, что Рус отдохнет несколько дней, подлечит рану, а в субботу хозяйка напечет свежего хлеба, и они, захватив пилу и топоры, отправятся в лес, вроде бы за дровами. Там Штефан и укажет Русу дорогу к партизанам...

Вечером хозяйка замесила тесто. Решили лечь спать пораньше, чтобы еще затемно Штефан и Рус ушли в лес. Хозяйка молилась. Ее шепот был прерван ревом мотора с улицы. В дверь вломились шестеро гитлеровцев. Наставив автоматы на безоружных, они захохотали: легко далась добыча!

— Имя? Номер части? Отвечай!

— Этого знать вам не положено, — глухо ответил Рус.

Его ударили автоматом, сорвали одежду и привязали к скамейке. Двое сняли ремни. Унтер повторил вопросы. Рус молчал. Засвистели ремни. Били пряжками. Он молчал. Потом его выволокли на двор и затолкали в грузовик. Следом — хозяина избы. В суматохе забыли про Штефку. Забившись под кровать, он видел все, что произошло в доме.

* * *

...Мы с Яромиром вошли в конвертерный цех. У гудящих небольшими вулканами агрегатов работали рослые, как на подбор богатыри в спецовках и касках.

— Ян Руснак... Владимир Невицкий... Деметр Струк... — представлял их начальник цеха. — Штефан Хованчик...

И тут Яромир толкнул меня в бок.

«Неужели Штефка?! Тот самый?» Перед нами стоял и улыбался молодой рабочий могучего телосложения с открытым, усеянным росинками пота лицом. Из-под каски выбивались русые волосы. Весь его облик источал силу и душевную доброту. Работал Штефан сталеваром, был членом парткома комбината и партбюро сталеплавильного завода. Вечерами учился в металлургическом техникуме.

Он был старшим ребенком в семье, а значит, и прямым наследником отца. Унаследовал он и его «профессию» батрака. С большим трудом удалось окончить сельскую школу.

Жизнь в стране начала решительно меняться после победоносного февраля 1948 года, когда народ сорвал контрреволюционный заговор реакции и взял власть в свои руки. Какая-то новая сила, словно весеннее половодье, подхватывала людей, выносила к новым берегам. Подхватила она и сельского батрачонка Штефку Хованчика и вместе с сотнями сверстников понесла в другой конец республики, в Северную Моравию — край угля и железа. Под Остравой, на заводе в городе Тржинец, прошел Штефан начальную школу укрощения металла. Отслужил в армии и стал к мартену в Остраве. Женился, а при пуске первенца словацкой металлургии — Восточнословацкого комбината в Кошице — участвовал в почетной пусковой плавке.

Молод еще Штефан, а все же позади годы и годы. Заводы, плавки, люди, опыт. И еще Запорожье, Новолипецк, советская школа.

...Той ночью, когда увели Руса и отца, Штефан сразу повзрослел. Он отчетливо помнит, как гитлеровцы сгоняли людей рыть окопы, как советские войска об этом узнали и обошли укрепления. Фашистам пришлось беспорядочно бежать. И поныне пожилые люди в Ольшове и округе рассказывают внукам об отважном советском бойце.

— Что же с ним произошло дальше?

— Гитлеровцы, — рассказывает Штефан, — увезли Руса в Липаны. Там они занимали школу. Таскали на допросы, били. Но не расстреляли. Под дулом автомата заставляли носить дрова, убирать помещение. Улучив момент, он оглушил поленом охранника и, захватив его автомат, ушел в лес. Что с ним стало потом — никто не знает...

После освобождения от фашистов время летело быстро. Штефка рос, взрослел. Разные события то и дело напоминали о Русе. В Липанах, в том самом помещении, где находилась гитлеровская комендатура, снова открылась школа. Как-то, расчищая коровник, отец нашел заржавевший автомат Руса и две гранаты. Была там и его записная книжечка, но бумага так истлела, что ничего прочесть не смогли.

В одну из послевоенных весен по всей республике выявляли могилы павших бойцов. Их останки хоронили с почестями и ставили памятники. Кто-то в Ольшове высказал было печальную догадку, что и Рус, может, сложил свою голову. На него накинулись с досадой, заговорили, перебивая друг друга: «Такой человек не мог погибнуть!»

Штефан впитывал все это умом и сердцем. И понял, как ему повезло в жизни, что встретил такого человека. И, видимо, потому не раз чувствовал его незримое присутствие, его веселый, ободряющий взгляд, особенно в минуты, определявшие дорогу в жизни.

По пути из Новолипецка Штефан на сутки остановился в Москве. С утра пошел на Красную площадь, а оттуда намеревался завернуть в «Детский мир», купить подарки детям и племянникам.

Неожиданно путь его изменился. Словно детектив, шел он по пятам незнакомого человека, которого приметил еще у Мавзолея Ленина. Человек был нерусской национальности, уже немолодой, но легкий на ногу. На груди его пестрели планки боевых наград, а на лице серебрились тоненькие усики...

Так бывало уже не раз. Преодолевая мучительную неловкость, Штефан шел за незнакомыми людьми с надеждой узнать того, кого он ищет уже многие годы. Где твой след, Рус?

В Кривом Роге Штефан выступил на дружеской встрече с горняками. Поблагодарил их за отличную руду, из которой в Кошице получают сталь, а потом рассказал о Русе. Рассказал о примере боевой дружбы чехословацких и советских граждан, вместе сражавшихся против общего врага. Теперь эта дружба продолжается в совместных трудовых делах.

...Однажды вечером мне позвонил Яромир. Оказывается, он в Москве.

— Приезжай! Штефан тоже здесь...

В гостинице мы снова перебирали знакомую историю. Штефан торопился на липецкий поезд. Новолипецкие металлурги дружат с коллективом Кошицкого комбината, где налаживалась установка непрерывной разливки стали — такая же, как на Новолипецком.

Я поинтересовался успехами.

Штефан глянул так, будто я наступил ему на мозоль. Яромир из-за спины Штефана делал мне какие-то знаки. Я ничего не понимал. Наконец Штефан, в сердцах тыча себя пальцем в висок, заговорил:

— Видите? Седеть начал! В который раз едем в Новолипецк! Смотрим, учимся... Установка там работает, как часы, дает фантастические слитки! А у нас...

Помолчав, он снова уставился на меня:

— Вот вы напишете в газете. Прочтут ребята в Новолипецке и скажут: «Ездят, ездят, отнимают время, а сами копаются...»

На днях я позвонил в Кошице Яромиру.

— Как дела с установкой?

— Все в порядке, дает отличные слитки.

Кошице — Москва.

ОТЗВУКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Д. ИВАНОВ

ДВЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

ХОЗЯИН...

«О чем рассказ «Холюшино подворье»? Об одиноком семидесятилетнем старике, инвалиде с деревянной ногой. Была когда-то крепкая, добрая крестьянская семья: отец, мать, трое сыновей, дочь — всех размотало, разметало по белу свету. А кого и бог прибрал. Остался в родном гнезде один Холюша. По паспорту Варфоломей, но полным именем пользоваться приходилось так редко, что оно и забылось, затерялось.

Названием рассказа автор прямо указывает нам на то, что остановило его внимание, и потому мы с вами, читатель, заглянем для начала тоже на Холюшино подворье: что это такое, почему вдруг современного молодого автора заинтересовал крестьянский двор, который, по общему мнению, настолько видоизменился, что и со словом «крестьянский» не очень как-то вяжется...

Однако Холюшин двор особый, мимо него и в самом деле так просто не пройдешь.

«Приземистый круглый дом под жестью — когда-то лучший в Вихляевском — сейчас одряхлел и понемногу уходил в землю, топорщась рогатой телевизионной антенной. Спереди, от красного крыльца, и сзади, от чуланов, громоздились друг за дружкой базы, сараи, кухни и другие постройки. И, смыкаясь, ровным четырехугольником обступали они просторный двор. А на базах не ветер шумел, а жила и плодилась скотина: добрая корова-ведерница, от нее же телка-двухлетка, летошный бычок зимовал, нагуливая мясо; на козьем базу хрумтели сенцом десяток коз да козел Ерема, а с ним шесть овечек. Мирно похрюкивали подсвинки. Два десятка гусынь днями вперевалку бродили по двору или серыми валунами лежали на грязном снегу. Распускали жесткие хвосты и крылья, чуфырились два индюка, наливались кровью, а временами лениво бились перед добрым табунком сытых, подбористых индюшек. Здесь же галдели утки, греблись куры, которых стерегли два петуха, белый и рыжий. Меж собой петухи ладили — сударок хватало, чужих били в кровь... Ниже лежал огород, наверное, самый большой в хуторе. За ним, на обережье, старый сад с покосом. Уж ему-то равных не было во всей округе».

Такое вот оно, Холюшино подворье. Специалист легко бы подсчитал, сколько человек в состоянии прокормить со своего двора Холюша,— счет по нынешним временам ох какой нелишний! Думаю, что если бы и уступил Холюша американскому фермеру, то совсем немного.

Но дело тут не только в экономике. Не знаю, как читатель, но я вдруг поймал себя на том, что отношусь к Холюше иначе, чем относился бы к нему еще каких-нибудь десять — пятнадцать лет назад. Тогда, встретив такого Холюшу в жизни и в литературе, мы торопились объявить его «куркулем», «частником», «хозяйчиком».

...Так начал критик Б. Анашенков («Литературное обозрение» № 7, 1980) полемический разговор о рассказе Бориса Екимова «Холюшино подворье», напечатанном в журнале «Наш современник» (№ 3, 1979). А затем в этот разговор об одном (!) рассказе на страницах «Литературного обозрения» включились кандидат экономических наук Г. Лисичкин (№ 7, 1980), публицисты А. Стреляный (№ 1, 1981) и В. Пальман (№ 7, 1981), критики А. Обертынский (№ 7, 1981) и В. Сурганов (№ 9, 1981), который подводил итог разгоревшемуся спору.

В дискуссии этой были затронуты многие существенные вопросы недавнего и нынешнего положения дел в нашем сельском хозяйстве. От екимовского героя — действительно «частника», но привлекающего своим неизбывным трудолюбием,— от Холюшиного подворья, ярко демонстрирующего весомые результаты такого самоотверженного труда, разговор естественно переключался на гигантские преимущества социалистического коллективного хозяйствования и на причины, мешающие им до конца раскрыться. В связи с этим остро вставал вопрос и о нравственном облике тех, кто сегодня работает на земле, и тогда вновь взоры обращались к екимовскому персонажу.

Те, кто знаком с этими темпераментными и острыми выступлениями, знают, что все участники дискуссии выделяли в характере Холюши решающую и прекрасную черту: потребность созидательного, поэтического, самозабвенного труда,— в основе которой высокая, из века в век передававшаяся ответственность перед отчей землей и людьми, близкими и дальними. С другой стороны, все сходятся еще в одном: Борису Екимову удалось «убеждающе, живо» (даже «щемительно-правдиво», по выражению В. Пальмана) воплотить крестьянскую натуру своего героя, поэтому уверенно пишут о Холюше как о состоявшемся характере, полноценном художественном образе, живом человеке, душевно переживают его заботы, с сердечным участием принимают Холюшину судьбу.

Причем уверенность эта и сопереживания распространяются в равной мере как на «трудовую ипостась» екимовского персонажа, так и на те хозяйственные отношения, в которые Холюша вступает или вынужден вступать в силу своего положения не просто крестьянина-собственника, но, можно твердо сказать, е д и н о л и ч н и к а, каковым Холюша, по существу, оказался, будучи инвалидом, пенсионером и потому почти напрочь отторгнутым от колхозных дел, артельной заботы и подмоги.

Между тем две эти важнейшие, определяющие стороны Холюшиного существования нашли в рассказе далеко не равноценное воплощение.

В работе Холюша (да и другие у Екимова) представлен «весомо, грубо, зримо»: стоит вспомнить любовно выписанные итоги и «точки приложения» его нескончаемых трудов, с которых начинал свою статью Б. Анашенков. Но не знаю как кому, а мне лично явно недостает в рассказе иных красок — живых деталей, которые раскрывали бы другую ипостась Холюши — пусть не «куркуля», не «миллионщика», но настоящего, доподлинного хозяина и хошь — не хошь, но собственника, конечно. Раз сочетание, противоречивое двуединство труженика и собственника делает крестьянина крестьянином, то и Холюшу требуется мне видеть таким, истинно живым человеком, а не той односторонне идеализированной личностью, какой он выведен в рассказе. Потому что хотя положение х о з я и н а н а с в о е м п о д в о р ь е способствует поддержанию в Холюшиной душе перенятого от отцов и дедов н р а в с т в е н н о г о закона трудовой жизни, это же самое положение единоличного, независимого владельца куска земли обязывает, вынуждает его всячески, любыми средствами, в том числе и б е з н р а в с т в е н н ы м и, поддерживать, отстаивать, бороться за свое хозяйство: деньгами ли, уговорами или бутылками, заискиваниями и унижениями... В рассказе же я вижу во плоти, как он из последних сил трудится на своем подворье, какую радость и удовлетворение приносит ему эта работа, но к а к Холюша б ь е т с я за право оставаться хозяином, бьет себя и бьется с другими,— об этом у Екимова говорится всего раз, да и то как-то назывно.

И уже поэтому я далеко не до конца верю в Холюшу, не принимаю его образ как цельный и художественный.

Вместе с тем не хотелось бы принизить очевидное: екимовский Холюша сумел «убеждающе, живо» проявить в нашей реальности нечто весьма существенное.

Ведь чем всех привлек, а кого-то и поразил и всех переспорил друг с другом Холюша?

Не тем ведь просто, что он трудится так напряженно, непосильно даже, а тем, что т а к он трудится т о г д а, когда большинство вокруг работает куда хуже.

Именно в этом «своевременность», как пишет В. Сурганов, рассказа, как раз тут «затронул» он «очень важное и наболевшее», «коснулся» именно этой «серьезной назревшей проблемы». Проблемы, имеющей прямое отношение далеко не только к сельскому хозяйству и тем, кто работает на земле (иное дело, что в данной сфере проблема эта для любого ближе и доходчивее по убранству его каждодневного обеденного стола), но ко всему нашему обществу, к каждому человеку. Недаром свою речь на ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев закончил словами: «В заключение я хотел бы подчеркнуть простую мысль. Она относится ко всем, независимо от того, кто какой пост занимает, кто где трудится. Надо лучше работать... Это, товарищи, в конечном счете, основное, решающее».

В недавно опубликованном постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» говорится: «Для искусства социалистического реализма нет более важной задачи, чем утверждение советского образа жизни, норм коммунистической нравственности, красоты и величия наших моральных ценностей — таких, как честный труд на благо людей, интернационализм, вера в историческую правоту нашего дела». Очень значимо, что среди моральных ценностей нашего общества здесь прежде всего назван честный труд на благо людей.

Важнейшая эта задача имеет множество аспектов: политический, социальный, экономический, нравственный, научно-технический, эстетический... И все они так или иначе были задеты в жарком разговоре вокруг рассказа Б. Екимова, поскольку наиглавнейшим желанием всех было дать объяснение: почему же, с одной стороны, Холюша трудится лучше своих односельчан, а с другой — отчего у окружающих работа идет куда менее успешно.

Почему же, однако, именно рассказ Б. Екимова вызвал столь широкий резонанс? Почему не рождают таких споров бередящие сердце очерки Ивана Васильева, на которые все так дружно ссылались в дискуссии? Почему такая дискуссия не завязалась, когда несколько лет назад вышел заключительный роман пекашинской тетралогии Федора Абрамова «Дом»? Ведь там перекликающиеся и острейшие ситуации — неравное противостояние Михаила Пряслина, всей душой болеющего за общественное дело и не находящего отклика своим заботам. «По нынешним упорядоченным, спокойным временам,— комментирует В. Сурганов романную ситуацию,— его требования к людям, их труду столь высоки и бескомпромиссны, что рядом с ним не хочет работать никто».

Почему же... Ответ, конечно, известен. И Федор Абрамов и Иван Васильев писали и пишут про нашу колхозную и совхозную действительность, ставили и ставят вопросы, для решения которых необходимы с у щ е с т в е н н о н о в ы е у с л о в и я в масштабах сельского хозяйства всей страны, условия, какие своими собственными стараниями труженики села при всей заинтересованности в них создать сами не в силах. И поэтому, сколько тот же Пряслин и сам Федор Абрамов ни взывают к их ответственности и совести, не в них дело, и даже не в тех, «с кого спрос в первую очередь» — «конечно, с руководства,— с дирекции совхоза, с райкома партии — это азбучная истина»,— помните, так ведь начинал Федор Абрамов известное обращение в «Правде» к

своим землякам. Им-то, руководителям, в особенности нужны соответствующие условия... И вопросы эти под тем или иным углом зрения, с большей или меньшей остротой ставились неоднократно и многими, а воз тогда по множеству причин так и оставался на месте. Вот и получалось: стоило ли новые словесные заборы городить вокруг старых, хотя и незаживающих и все более зудящих проблем, когда тут живое дело требуется?

Сегодня, после принятия Продовольственной программы и комплекса мероприятий по ее реализации, эти новые условия получают реальные очертания и силу. И теперь можно надеяться, что станет вернее и вернее уходить в прошлое то, что подвергало, говоря словами В. Сурганова, «все большим испытаниям верность тружеников колхозной земли новообретенному нравственному закону»,— волевые, давно утратившие питавшую их необходимость методы руководства, отжившая, но такая живучая «борзовщина, а также результаты действия самой борзовщины во всех ее многочисленных, разнообразных, но неизменно мертвящих проявлениях, заглушавших инициативу народной деятельности, подавлявших хозяйское начало в труженике земли».

...Но Холюша-то здесь при чем, он-то почему развязал всем языки?

А при том, что пока одни вынуждены ждать, а другие ждут беззаботно, он, ничего ни от кого не требуя и ни к кому не взывая, работает, да так, что любо-дорого посмотреть. Значит...

Значит, можно хорошо работать и без условий — так, как работает Михаил Пряслин у Абрамова, как трудится один из героев Васильева, который говорит: «...Я люблю хорошо работать. Таким уж на свет произведен»; как екимовский Холюша, наконец...

Да, можно, поскольку у Холюши в душе царит нравственный закон, сказали Б. Анашенков, В. Пальман и А. Обертынский.

Нет, у него есть решающее условие: Холюша сам себе хозяин,— возразили Г. Лисичкин и А. Стреляный.

Просто Холюша — единоличник, подчеркнул В. Сурганов, и работает он исключительно на себя.

Но если Холюша единоличник, собственник, тащит «свой тяжеленный, не в подъем воз ради наживы», как первым же отмечал Б. Анашенков, а делами и заботами ближних своих никак не волнуем, тогда почему у всех, кроме А. Стреляного, он вызвал такую большую симпатию, что никто и в мыслях не посчитал его «куркулем»?

Дело в том, разъясняет Г. Лисичкин, что «Холюшу с его подворьем долгое время по ошибке считали наследником несоциалистических элементов». Но «оно не конкурент общественному хозяйству... Более того, при умном подходе к делу Холюшино подворье может превратиться в серьезного союзника в борьбе за увеличение сельскохозяйственных продуктов».

Таким образом, именно подворье, к которому в последние годы переменился общественный климат, так что стало возможным открыто говорить о его нерешенных проблемах, развязало, значит, языки, и оно же сделало Холюшу положительным героем.

И естественно, что одним из центральных моментов дискуссии было как раз нынешнее положение владельцев приусадебных хозяйств. Понятно, что не с американским фермером, как это имел неосторожность сделать Б. Анашенков, надо их равнять, но «прокормить со своего двора» они способны действительно многих и многих, так что нужно всемерно им помогать и создавать такие условия, чтобы укреплялся их союз с колхозами и совхозами, чтобы этот союз был максимально выгоден обществу.

...И ЕГО НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Правда, налицо явное противоречие между симпатиями к екимовскому герою со стороны участников дискуссии и ими же отмечаемой активной антипатией к Холюше его односельчан, которые, думается, должны бы лучше всех нас знать своего соседа. «Да, они признают в нем "хозяина из хозяев",— пишет В. Сурганов.— Однако хозяйские его труды и таланты приносят ему богатство, которое никто не считает праведным».

Как же так получается: Холюша наш союзник, труд его самый что ни на есть праведный, а богатство считают неправедным? Кто же здесь путается?

А никто не путается, скажут мне. «Колхознику или рабочему совхоза и поныне,— поясняет В. Сурганов,— приходится делить надвое свое время и труд, соотносить основной заработок с рыночными и прочими доходами, которые дают приусадебный участок и домашняя живность. При этом в условиях рынка он вообще оказывается в противоестественной, но неизбежной конкуренции с самим собой, выступая, с одной стороны, в качестве производителя более дешевой и массовой общественной продукции, включая и передаваемую в государственный фонд, с другой же, как частник, стремящийся выгодней, а значит, как можно дороже реализовать произведенный в личном хозяйстве товар».

Холюше «делить надвое» нет нужды, вот он и оказывается в более выгодном положении, вот ему и завидуют. Более того, в сегодняшних (а тем более во вчерашних) условиях вести приусадебное хозяйство, и до сих пор не пользующееся требуемой поддержкой, весьма затруднительно: тут не обойтись без неизбывного Холюшиного трудолюбия, равно как и многочисленных «исхищрений», на которые способен далеко не всякий. Наконец, многим хуторянам Холюша просто в укор, как заноза в глазу. Они не желают не только надрываться, как он, они вовсе предпочитают прохлаждаться, потому что имеют возможность и привыкли красть при малейшей необходимости...

И тем не менее путаница, и весьма значительная, остается. Остается потому, что в рассказе труженик полностью заслонил собственника в характере главного персонажа. У Б. Екимова напрочь отсутствует нравственное лицо Холюши как «частника», как накопителя. И «нажива», и «богатство», о которых уверенно говорилось в ходе дискуссии, и его «многие тысячи», о которых знают Холюшины соседи, остаются для читателя пустым звуком. Деньги, как известно, имеют свою малопривлекательную власть, но хоть каких-либо проявлений этой власти в рассказе нет, как нет и драмы бездумного накопительства, драмы скупого рыцаря, вкалывающего от зари до зари неизвестно во имя чего или кого. За его любовью к труду, к земле, к животине потерялось, что Холюшина душа наглухо отгородилась от людей, что они ему никакие не ближние, что в его сердце не нашлось места ни для одного человека. Писатель исключил все эти и любые другие подобные коллизии из рассмотрения, тем самым вольно или невольно скрыл правду характера своего героя, правду жизни... Недаром в рассказе так глухо и непонятно звучит мотив пресловутой гармошки, в которой Холюша то ли хранил свои «многие тысячи», то ли нет. А ведь наверняка должен был хранить, ведь их у него должно быть много больше, чем мог он решиться держать на книжке... И уж тем более странно читать, и даже не в одной статье, о «долге государственного кормильца», который Холюша будто бы считает лежащим на нем. Где уж ему думать о государстве и его заботах, когда у него не встречаешь ни единого сердечного движения возлюбить хотя бы ближнего своего? Между тем в конечном счете как раз для этого — для того, чтобы человек на земле стремился любить не только землю, но и ближнего своего — и начата была великая коллективная перестройка в деревне, во имя этого нового, но извечно притягательного нравственного закона...

...Таким образом, в реальности, живой, неидеализированный Холюша должен был вызывать весьма противоречивые чувства, хотя трудится он как настоящий праведник, являя всем окружающим кричащий пример и немой укор.

Однако подлинный нравственный облик екимовского героя редко и далеко не последовательно вставал перед глазами участников дискуссии. В результате единственным мерилом Холюши сделались его исключительное трудолюбие и совестливость, в результате извечный нравственный закон крестьянской жизни, который в рассказе воплощает Холюша, свелся лишь к этим весьма привлекательным ипостасям. В результате, когда Б. Анашенков, В. Пальман и А. Обертынский праведно и бескорыстно защищали крестьянский труд, труд на земле от умаления и возвеличивали его как изначально нравственный; когда они справедливо отстаивали огромную роль «вековых бесценных вкраплений трудового и нравственного народного опыта, которые передаются (должны передаваться!) только из рук в руки, теплыми, живыми, опоэтизированными», но при этом возводили в образец «Холюшин» дух, тогда обнаруживалось: или реальный и до крайности мучительно противоречивый «нравственный закон» крестьянской жизни приобретал на примере идеализированного Холюши исключительную благостность; или реальный Холюша должен утрачивать моральное право воплощать такой урезанный, идеализированный «закон».

И, конечно, А. Стреляный во многом прав, когда пишет: «Не надо именовать нравственным законом то, что к нему имеет лишь некоторое косвенное отношение...» Действительно, понятие нравственного закона предъявляет самые высокие требования отнюдь не только к «трудолюбию, совести и вдохновению крестьян». Вместе с тем эти самые трудолюбие, совестливость и вдохновение в работе, ставшие постоянной и беззаветной потребностью, обладают заметной самостоятельной творческой силой — и, наоборот, их отсутствие сказывается силой не менее, если не более действенной, но разрушительной.

Поэтому к следующим строкам А. Стреляного: «Не надо паниковать и пугать честной народ, не надо, говоря о потере им самоуважения, гордости за чисто скошенный луг и ухоженную животину, любви к земле и труду,— не надо видеть в этом причину, тогда как перед нами всего-навсего следствие»,— к этим словам следует отнестись критически.

Причина и следствие, как известно, имеют свойство меняться местами. И хотя все мы исповедуем вечное и непреложное правило: бытие определяет сознание,— помним и другое: идея, овладевшая человеком, становится материальной силой (равным же образом и антиидея).

Так что, отдавая нехватке хозяйственной самостоятельности трудовых коллективов пальму первенства как первопричине утраты трудолюбия и совестливости, как это делают Г. Лисичкин и А. Стреляный, нельзя, как они, односторонне считать нравственный закон лишь следствием хозяйственных условий. Взять хотя бы сверхнаглядный пример из рассказа Б. Екимова: в пределах своего подворья хозяйственной самостоятельностью, близкой к Холюшиной, обладают все на хуторе, однако Холюша среди них — исключение.

Да, говорит Г. Лисичкин, но он именно «исключение из правила, а правило предопределяют такие люди, как электрик Митька... Митька же оказывается опустошенным именно потому, что все те недостатки, которые я скороговоркой упомянул в связи с волевыми методами руководства нашим сельским хозяйством, лишили его возможности и необходимости быть хозяином».

Верно, нет хозяина — нет и нравственного закона в душе человека. Но, с другой стороны, нет закона — не станет человек хозяином... Это как две стороны одной медали.

...Так в том-то и дело, что не хватает условий для хозяйствования, говорят Г. Лисичкин и А. Стреляный. Создайте их — и возродится нравственное отношение к работе и жизни.

В общем, в принципе, конечно, так. Но в живой реальности процессы нравственного возрождения людей, получивших «возможность и необходимость быть хозяином», будут гораздо сложнее, противоречивее и мучительнее. И причиной тому как раз то, что Холюши и Пряслины все более становятся исключениями, а Митьки все более определяют правило. А количество, как известно, переходит в качество.

Правда, в дискуссии приводились яркие примеры быстрого роста трудолюбия, когда у людей появлялись материальная заинтересованность, выгода. Тем не менее в том, что говорит по этому поводу А. Стреляный, слишком много противоречивого:

«Трудолюбие... дело наживное, а наживается оно материальным интересом и экономическими условиями, в которые поставлен человек. Причем и наживается оно и теряется довольно быстро. Сделайте так, чтобы лодырь не шел к окошку кассы за получением пособия в виде зарплаты, а клал зубы на полку, и "нравственный закон" тут же заговорит в нем во весь голос, "восполнимость" будет полной».

Публицист неверно смешивает здесь «материальную заинтересованность» и «экономические условия», «трудолюбие» и «нравственный закон». Между тем трудолюбие есть лишь одна из составляющих нравственного закона, и для того, чтобы воспитать ее, человеку часто достаточно именно материального интереса, выгоды. Однако восполнить нравственный закон трудовой жизни в целом они не в состоянии. Для этого потребно не что-нибудь, а именно соответствующие экономические условия, хозяйственная самостоятельность коллектива или человека, которая, в свою очередь, недейст-

венна без нравственного закона, без совестливости и вдохновения в работе, сплачивающих людей воедино. А вот они-то, как подсказывает бесстрастный опыт, имеют неудобное свойство вырабатываться в несравненно большие сроки, буквально целыми поколениями.

С другой стороны, неприемлема и противоположная крайность, которую выразил А. Обертынский, написав: «А. Энгельгардт утверждал, что талантливых пахарей немного, и А. Стреляный с этим согласен: «В среде пашущих точно так же, как в среде пишущих: настоящих мастеров, поэтов мало». Все так, и тем не менее не будем забывать и подчеркнем с самого начала: судьбы земледелия (и литературы) мы связываем с ними, с поэтами своего дела!»

Напрасно, однако, подчеркивает А. Обертынский. Если судьбы литературы определяются действительно мастерами, а ремесленников могло бы и вовсе не быть (хотя и тут задумаешься о потребностях читательской массы), то судьбы земледелия решают именно массы земледельцев, а никак не отдельные мастера, и именно для того, чтобы масса могла решать эти судьбы, ей требуются, совершенно необходимы определенные «экономические условия» — те, о каких пекутся Г. Лисичкин и А. Стреляный.

Тут вообще сталкиваешься с такой необъяснимой странностью, что, всей душою болея за нравственный закон, и Б. Анашенков, и В. Пальман, и А. Обертынский никак не хотят обратить внимание на его роль и важность прежде всего в артельных, коллективных, общественных отношениях. Более того, не заботит, не волнует их как-то — на деле, а не на словах — судьба таких отношений.

Вот, например, реалистически, логически вроде бы возражает В. Пальман А. Стреляному: «Если того же Митьку прижать рублем, он зубы на полку не положит и строгой законности не испугается. Учен. И многажды. Потому и выход знает. Скатает ему супружница бельишко на первый случай, и уже завтра поутру Митька возникнет в отделе кадров какого-нибудь важного завода в городе, где его с радостью примут, а он не без удовольствия прокантуется несколько месяцев в общежитии, а потом получит ключ от новенькой городской квартиры. Только его и видели в деревне!»

В. Пальман ставит здесь не точку даже, а восклицательный знак. А вместо этого публицист мог бы сделать и естественный вывод о давно существующей необходимости «прижать рублем» везде, а еще лучше — создать надлежащие условия хозяйственной самостоятельности не только в деревне, но и повсюду — на производстве и в любой другой сфере труда.

Тогда бы всем Митькам некуда стало податься.

Тогда окончательно стали бы уходить в прошлое замшелые волевые методы управления, все еще продолжающие стопорить наш хозяйственный механизм и морально коверкать людей.

«Один безнравственный, но во всеоружии современного знания, опыта, техники человек способен в кратчайшие сроки нанести окружающей природе, обществу,— мрачно констатирует Б. Анашенков,— ущерб, который еще несколько десятилетий назад был бы не под силу и тысячам, а то и десяткам тысяч людей». Действительно способен, к огромному сожалению. Но более страшно то, что происходит и без участия НТР,— сошлюсь снова на И. Васильева: «Калининская область засевает льном 150 тысяч гектаров. За последние десять лет только четырежды выполнен государственный план продажи волокна. А план — чуть побольше пятидесяти тысяч тонн, то есть три центнера с гектара, когда повсеместный урожай «на корню» в два раза выше. Куда девается волокно? Уходит дымом в небо», то есть сжигается, немыслимо подумать, половина урожая!..

Но, могут сказать мне, дальше-то что пишет И. Васильев? «И какие бы объективные причины при этом ни выставлялись, главнейшей остается именно эта — успокоенная совесть человека».

Правильно — конечно, совесть. Но какая? Не просто «раскрестьяненная», но прежде всего «расхозяйствованная».

Ведь вот что пишет затем И. Васильев на той же странице: «Поиск новых путей и форм соединения личного заработка и конечного, произведенного работником продукта в сегодняшних условиях приобретает чрезвычайно важное значение. Имеющийся опыт позволяет сделать вывод, что наиболее результативной является форма «коллектив — хозяин поля» *.

Таким образом, как ни остро стоит вопрос с «нравственным законом» и «раскрестьяниванием», в первую очередь нужно избавиться от «расхозяйствования»: в деревне и в городе, на земле и на заводе — везде.

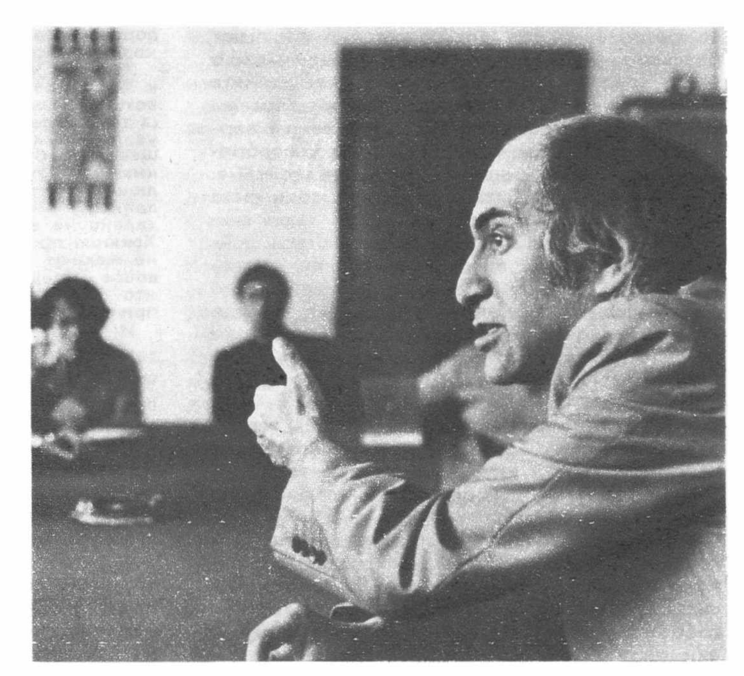
Тогда станем лучше работать — работать так, как надо, как должно человеку, чтобы осознавать и достойно чувствовать себя человеком.

---

* Иван Васильев. В краю истоков. М., «Современник», 1981, стр. 175.

ВАШ ХОД, МОЛ

Михаил Таль. Фото Г. Копосова

Время и шахматы неотделимы. Каждый ход под контролем секундной стрелки, и что такое цейтнот, знает каждый, кто участвовал в турнирах, пусть даже внекатегорных. На обдумывание сорока ходов шахматисту предоставляется два в половиной часа. Это в одной партии. А на подготовку к очередному туру борьбы за шахматную корону — три года. Сейчас этот лимит времени истек. Сорок два сильнейших шахматиста мира (рекордное число) получили право участвовать в трех межзональных турнирах, и один из них, в Лас-Пальмасе, уже закончился, другой, в Мексике, вышел на финишную прямую, а третий будет проведен в течение сентября в Москве.

Мы попросили одного из участников московского межзонального турнира, экс-чемпиона мира гроссмейстера Михаила ТАЛЯ, опубликовавшего на страницах «Огонька» документальную повесть «Когда оживают фигуры» (см. «Огонек» №№ 20—25 за 1981 год), поделиться своими мыслями о новом туре борьбы за шахматную корону.

Итак, время играть наступило, и, хоть мне предстоит сделать первый ход только седьмого сентября, я уже в августе почувствовал себя за доской. Разве мог меня оставить равнодушным первый межзональный турнир в Лас-Пальмасе? И особенно меня волновали успехи и неудачи четырех советских участников — экс-чемпионов мира Василия Смыслова и Тиграна Петросяна, молодого гроссмейстера двукратного чемпиона СССР Льва Псахиса и гроссмейстера Владимира Тукмакова.

Но прежде всего я с волнением следил за успехами Василия Васильевича Смыслова. Впервые мы встретились в турнире претендентов 1959 года, и уже тогда Василий Васильевич ассоциировался с чем-то очень взрослым. И вот сейчас, двадцать с лишним лет спустя, этот замечательный шахматист добился на межзональном турнире шести побед в тринадцати партиях и занял второе место, которое дает ему право принять участие в матчах претендентов. Только на самом финише его обошел венгерский гроссмейстер Золтан Рибли.

Итоги первого межзонального турнира для многих оказались неожиданными. Большинство знатоков и специалистов шахмат отдавали предпочтение другим действующим лицам: голландцу Яну Тимману, Льву Псахису, может быть, Тиграну Петросяну. Как мы знаем теперь, никто из этой тройки не сумел подтвердить прогнозов.

Для меня огорчительной была неудача Льва Псахиса. Этому одаренному шахматисту удалось на первенстве СССР с первого же захода разделить первое место с Александром Белявским, а затем, на следующем чемпионате страны, снова быть впереди, разделив первое место с Гарри Каспаровым, доказав, что его успехи не случайны. И вот такая неудача в Лас-Пальмасе.

Что же помешало Псахису? Поражение, которое он потерпел во втором туре? Слишком большая уверенность в своих силах? Слишком короткая, можно сказать, спринтерская дистанция турнира? Так или иначе, Льву Псахису придется подождать еще три года.

Итак, первый межзональный турнир сложился не совсем удачно для шахматной молодежи, чей представитель, притом один из самых ярких, не попал в следующий тур борьбы. И все же, несмотря на это, я считаю, что нынешний цикл в отличие от предыдущего пройдет под знаком большой активности шахматной молодежи. Ведь именно за эти три года появилась целая группа молодых шахматистов, подающих большие надежды, и прежде всего у нас.

Так уж получилось, что в течение многих лет лидеры шахматной молодежи прежнего времени — Леонид Штейн, Лев Полугаевский, Борис Спасский прочно сохраняли свои позиции, а появление новых сильных шахматистов задерживалось. Для того времени характерен такой эпизод. На чемпионате СССР 1964 года я занял четвертое место, и главный судья Владас Микенас сказал мне в утешение: «Не огорчайтесь, Миша, вы ведь самый молодой участ-

ОДЫЕ !

ник чемпионата». А самому молодому шел 28-й год, и он был уже экс-чемпионом мира. Затем на шахматной арене появлялись сильные шахматисты, такие, как Виталий Цешковский, Юрий Балашов, Олег Романишин, Александр Белявский, но им не удавалось затмить славу своих именитых предшественников.

И вот наконец мы увидели Анатолия Карпова, который, как говорится, с ходу завоевал в 1975 году титул чемпиона мира и сохраняет его до сих пор. Но перед нынешним циклом борьбы за шахматную корону у Анатолия Карпова появились новые, потенциально сильные соперники, зазвучали новые имена. Прежде всего я имею в виду группу молодых советских шахматистов — Гарри Каспарова, Артура Юсупова и Льва Псахиса. Именно эта тройка и еще Сергей Долматов, не многим им уступающий, не попавший на межзональный турнир, возглавляли молодежную сборную страны, которая в прошлом году встретилась с нашей первой и второй сборными, а также сборной ветеранов и заняла второе место. В первой сборной играли Анатолий Карпов, Борис Спасский, Лев Полугаевский и Тигран Петросян, и следует отметить, что две встречи Каспарова с Карповым закончились вничью. В этом трудном поединке молодая команда заняла второе место, и вот теперь Гарри Каспаров, имеющий второй в мире индивидуальный коэффициент после Анатолия Карпова и получивший право играть сразу в межзональном турнире, будет выступать в Москве, а другой член молодежной команды, Артур Юсупов, испытывает свои силы на межзональном турнире в мексиканском городе Толуке.

Давайте же познакомимся с нашими молодыми шахматистами поближе.

Начнем с Гарри Каспарова. С ним я впервые встретился лет шесть-семь назад на турнире команд Дворцов пионеров. Гарри выступал в команде бакинцев, я возглавлял команду рижан и, играя с ним в сеансе, обратил внимание на его выдающиеся данные. Партию с ним мне тогда удалось выиграть, а другие две встречи с Каспаровым прошли уже на равном уровне на чемпионатах страны. И вот во время разбора этих партий, закончившихся вничью, я был поражен его блестящими способностями. Сразу было видно, что из этого молодого шахматиста может получиться выдающийся мастер. В нынешнем году Каспаров с блеском играл на «турнире звезд» в югославском городе Бугойно и оторвался от своих преследователей на 1,5 очка — случай невероятный в практике турниров подобного ранга.

К этому надо добавить, что Гарри Каспаров на заре своей шахматной карьеры был учеником Михаила Моисеевича Ботвинника. Занимался в его шахматной школе (как жаль, что теперь об этой школе надо говорить в прошлом времени), и Ботвинник внес много ценного в стиль игры молодого шахматиста. И вот теперь бакинский студент вполне может стать фаворитом номер один на московском межзональном турнире.

На противоположном стилевом фланге видится мне Артур Юсупов. Этот спокойный, добродушный на вид юноша постепенно, не торопясь поднимался со ступеньки на ступеньку. Сперва он был рядовым кандидатом в мастера, затем стал мастером, потом хорошим мастером, и вот теперь перед нами один из выдающихся гроссмейстеров.

Интересно, что при спокойствии Артура он отнюдь не настроен мирно. Как-то, играя с Юсуповым, я пришел к выводу, что партия вошла в ничейное русло, и ждал, когда молодой соперник предложит ничью. Не дождавшись этого, я спросил его: «Вы что, хотите играть на выигрыш?» Каково же было мое изумление, когда услышал односложный ответ: «Да!» И аккуратно, невозмутимо, последовательно, может быть, не самым быстрым, но зато самым надежным образом Юсупов добился победы.

Быть может, сегодня он кажется слишком рассудочным, слишком солидным для своего возраста, но вот еще одна удивительная его черта. На последнем чемпионате страны он поразил всех полнейшей переменой стиля, продемонстрировав ряд рискованных, острых замыслов. Не говорит ли это о том, что Артур Юсупов вместе со своим очень интересно работающим тренером Марком Дворецким находится в стадии смелых творческих поисков?

Таков творческий облик двух молодых гроссмейстеров, которые участвуют в борьбе за мировую корону. Ну а третий, уже упомянутый выше Лев Псахис, занимает как бы промежуточную позицию.

Мне не приходилось встречаться с Псахисом на турнирах, и я могу судить о его силе, о его возможностях только по его спортивным результатам. Что касается партий Льва Псахиса, то они отличаются смелостью замыслов и точным чутьем позиции.

Очень многие знатоки пророчили Псахису успех на межзональном турнире, и поэтому понятно, как опасны в нашем деле прогнозы. Поэтому, размышляя о двух межзональных турнирах в Толуке и в Москве, я не собираюсь предсказывать их исход, а просто поделюсь своими мыслями вслух.

Итак, межзональный турнир в Мексике. Мне кажется, что это состязание «тяжеловесов», шахматистов, если можно так сказать, канонического стиля, и борьба там идет тяжелая.

В мексиканском межзональном турнире главную борьбу за две путевки ведут экс-чемпион мира Борис Спасский, один из сильнейших наших гроссмейстеров, участник предыдущего цикла Лев Полугаевский, Юрий Балашов, один из самых эрудированных знатоков теории, неизменный секундант Анатолия Карпова, знакомый уже нам Артур Юсупов, венгерские гроссмейстеры — не раз добивавшиеся крупных побед, Лайош Портиш и представитель молодого поколения Андраш Адорьян, один из самых молодых гроссмейстеров, наследник Роберта Фишера американец Ясер Сейраван и молодой англичанин Джон Нанн.

В тот момент, когда я вношу последние коррективы в эту беседу «за круглым столом», мексиканский турнир прошел более половины дистанции — и вот еще один сюрприз. Если лидерство маститого, многоопытного Портиша можно было предвидеть, то успех молодого филиппинца Эугенио Торре, идущего после девяти туров вторым, предсказать было, конечно, невозможно.

Ну, а каким я вижу московский турнир? Мне он представляется как антипод мексиканского, потому что в нем соберется наибольшее число «забияк», таких, как Гарри Каспаров, как Александр Белявский, который на недавнем международном турнире в Югославии, выиграв десять партий и пять закончив вничью, был не удовлетворен своим результатом, потому что считал, что должен был победить в одиннадцати партиях; таких, как неувядаемый ветеран Ефим Геллер, как югославский шахматный гусар Брашко Велимирович, который может выиграть у любого самого сильного, как венгр Дьюла Сакс, один из лучших представителей венгерской школы, привлекающей к себе такое пристальное внимание в последнее время, как ровесник Карпова, играющий с каждым днем все лучше, шведский гроссмейстер Ульф Андерссон.

Хотелось бы остановиться более подробно на Андерссоне. Это «забияка» особого рода. Он играет очень солидно, невозмутимо и славится большим мастерством в эндшпиле. Аргентинский шахматист Рауль Сангинетти, партия с которым продолжалась сто тридцать ходов и закончилась его поражением, назвал Андерссона «северным кошмаром».

Как известно, только после матчей претендентов, в которых к шести победителям межзональных соревнований присоединятся Корчной и Роберт Хюбнер из ФРГ, и определится партнер Карпова. Конечно, многих интересует вопрос, не встретится ли Карпов в четвертый раз с тем же соперником. Лично я считаю это маловероятным. В истории борьбы за шахматную корону чемпиону не приходилось встречаться с одним и тем же претендентом четыре раза. И тут дело не только в исторических экскурсах, но и в том, что после меранского разгрома у Корчного вряд ли хватит физических и душевных сил для того, чтобы снова единоборствовать с Анатолием Карповым.

Так кто же будет этим счастливцем?— спросите вы. Кто удостоится этой чести? Опытнейший турнирный боец, такой, как Василий Смыслов, или какой-нибудь молодой «забияка»? Лично я предпочитаю ответить на этот вопрос через полтора года.

Записал В. ВИКТОРОВ.

АКТЕР — ПРОФЕССИЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ

Крупнейшее артистическое дарование Ивана Федоровича Переверзева с уважением и любовью мы вспоминаем и сегодня. Но вот откуда он пришел в кино, как возник и сложился творческий облик одного из плеяды первых прославленных создателей советского кинематографа — об этом, к сожалению, сегодня мало кто знает. И хорошо, что новая книга Ф. Андреева «Иван Переверзев» так увлеченно повествует о мастере, на счету которого за сорок лет работы числится — легко сказать — семьдесят фильмов... Началась эта работа в 1933 году съемкой в небольшом проходном эпизоде у режиссера И. Пырьева. Последний же раз мы все — миллионы телезрителей — видели Переверзева — Марея в многосерийном фильме И. Хамраева «Соль земли» по одноименному роману Г. Маркова.

Семьдесят фильмов... Целая эпоха вместилась в них со всеми своими свершениями, выразив горести и радости народа, строившего страну, защищавшего ее от врага, воссоздававшего после разрухи...

В самом деле, приехавший из деревушки Кузьминки, что на Орловщине, в Москву, к тетке-уборщице, Ваня Переверзев, «здоровенный деревенский детина», как он о себе сам говорил, питомец ремесленного училища при заводе «Шарикоподшипник», что называется с ходу, при первой же, почти случайной попытке был принят в студию Театра Революции.

Естественностью и благородством привлекли первые же герои Ивана Переверзева, своей открытостью, честностью, достоверностью. Иван Переверзев не «играл», не «выдумывал» и не «изображал» душу, сердце, взгляды, убеждения тех героев, кого приводил на экран. Он был, а не казался настоящим человеком.

В фильме «Моя любовь» (сценарий И. Прута, режиссер В. Корш-Саблин) молодой герой Переверзева — Гриша, как и его друзья, хоть и спорят между собой, но в то же время достаточно отчетливо выражают отношение к окружающим людям и к своему делу, а главное — к своему обществу и его главной насущной задаче: воспитанию принципов социалистического общежития.

Очень искренний, человечный талант молодого Переверзева сразу определил незаурядные его возможности как актера на первые, ведущие роли. И тут возникла и начала расти его слава, пришла известность; появились такие крупные свершения, как заглавные образы в кинолenте «Иван Никулин — русский матрос» (сценарий Л. Соловьева, режиссер И. Савченко), «Первая перчатка» (сценарий А. Филимонова, режиссер А. Фролов), «Повесть о «Неистовом» (сценарий П. Фурманского, режиссер Б. Бабочкин)...

Русская и советская классика, инсценировки произведений М. Горького, В. Короленко, Б. Лавренева, А. Грина, В. Тендрякова, Ю. Германа, Н. Вирты, В. Кожевникова, Ю. Бондарева, С. Цвигуна... Но остановимся. Невозможно перечислить все в кратной рецензии.

В книге Ф. Андреева читатель найдет емкий и точный анализ ролей артиста, вместивших в себя накопленный уже зрелым мастером творческий опыт, а главное — глубочайшее драматическое понимание внутреннего их содержания.

Годы приносят актеру драгоценное и все более прочное для него ощущение моральной значимости избранной им на всю жизнь актерской профессии: он все более остро видит ее гражданственную суть, ее общественное назначение. Играя заглавную роль в фильме по роману Вадима Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев!», Переверзев наделяет своего героя отнюдь не внешними приметами «производственной темы»; его герой — опять-таки настоящий человек, а не «показушный» руководитель; он гуманист и созидатель. И он спокойно, убежденно говорит своему противнику: «Мне выгодно быть добрым. Я тебе еще больше скажу: мы хотим всю жизнь сделать такой, чтобы всем выгодно было быть добрыми».

И это не пустые слова! Не пустые ни для Балуева, ни для Переверзева.

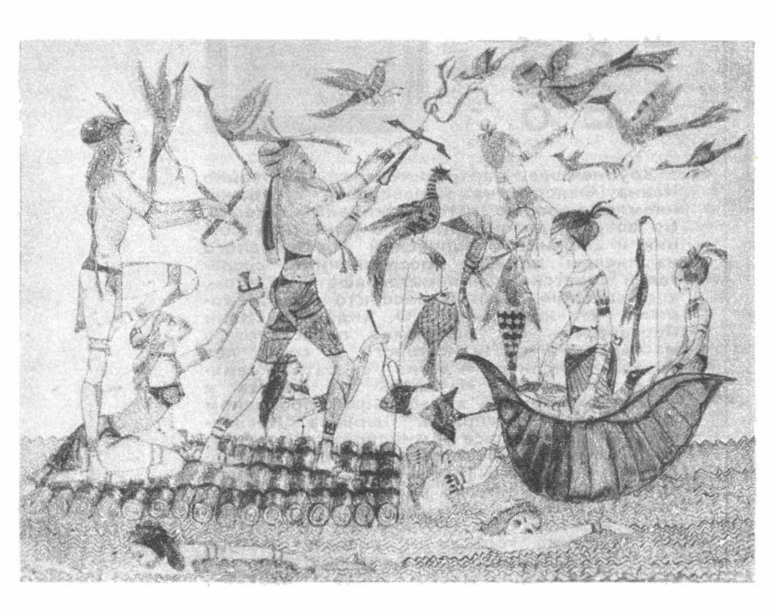
Фильмы, созданные с участием Ивана Федоровича Переверзева — этого замечательного, незабываемого актера,— сегодня звучат, быть может, даже убедительнее, чем вчера.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Ф. Андреев. Иван Переверзев. М., «Искусство», 1982. 176 с.

О ЧЕМ ДУМАЕТ ДЕВОЧКА

В октябре нынешнего года во Франции состоятся дни Советского Союза. В этот раз нашу страну будет представлять Грузинская ССР. Прибывшие в Тбилиси для отбора и согласования программы представители Общества Франция — СССР заявили, что в числе других мероприятий в Париже, в центре имени Жоржа Помпиду, будет организована выставка произведений Русуданы Петвиашвили. Они познакомились с работами этой художницы в Тбилиси, и у них нет сомнений: надо показать их парижанам.

Русудане едва исполнилось 14 лет. Она учится в 7-м классе. Но в Детской картинной галерее в Тбилиси, где несколько месяцев были выставлены ее рисунки, не редели толпы посетителей.

Русудане было четыре года, когда она впервые взялась за карандаш. Но с кем из нас этого не случалось? Три года родители присматривались, пока, наконец, не решили отнести рисунки дочери в Детскую галерею.

— К нам приходили и приходят очень интересные ребята, — говорит директор галереи Автандил Кухианидзе, — но у этой семилетней девчушки поразили масштабное мышление, многофигурные и очень динамичные рисунки: взрослые, дети — все куда-то мчатся, что-то делают... Сразу же поручили Русудану опытным педагогам, устроили ее персональную выставку. Идут годы, она растет, зреет, становится все интереснее. Мир ее воображения полнится фантазией, вырабатывается своя символика, философия.

А техника? От карандаша — к пастели, потом перо, игла с тушью и теперь кисть — тончайшая детская кисточка, которой она работает с предельным терпением и изяществом.

Живет Русудана в большой, общительной семье, где пятеро детей. Шум, гам. Двери не закрываются от потока друзей. Ей все это нравится, но она человек в себе и все, о чем думает, воспринимая окружающее, выражает не словами, а своим умным сердцем и тонкой кистью.

Ия МЕСХИ

На снимке: рисунок Русуданы Петвиашвили.

ВОЛЕЙБОЛЬНОЕ ЛЕТО

Самые трудные последние очки.

Фото автора

Подмосковье хорошо в любую погоду. Только что над старинной Вереей пронесся ливень, и могучий вековой ельник, отряхивая капли, облегченно переводит дух. А на площадках спортивного лагеря «Спутник» жизнь уже идет полным ходом: ребята швабрами гонят воду с волейбольных полей, разминаются в сторонке, и не успеваем мы отойти, как уже по густому лесу раздаются тугие удары по мячу и детские голоса.

Биография лагеря «Спутник» началась в 1974 году, когда сюда приехала группа тренеров и спортсменов коллектива физкультуры «Конструктор». Корчевали пни, строили палаточный городок, волейбольные площадки, столовую. А жить в палатках и питаться в открытой столовой, оказывается, гораздо интересней, особенно если знаешь, что все это сделано твоими руками и руками твоих товарищей.

— Наш «Спутник» стал очень популярным,— говорит начальник лагеря Анатолий Яковлевич Клочков.— Большинство ребят проводит здесь подряд три смены. Да и родители всегда рады отправить в наш лагерь ребенка. Здесь он не просто набирается здоровья, но и учится самостоятельности, взрослеет.

В «Спутнике» за лето проходит ряд турниров, и соревнования по накалу не уступают иным «взрослым».

Около площадки, где шел волейбольный поединок, мы увидели пожилого человека. Вся молодежь относилась к нему с явным уважением, незаметно поглядывала на него после удачной комбинации, ожидая похвалы. Это главный тренер «Конструктора» Владимир Иванович Щагин. Многие любители волейбола помнят капитана сборной СССР, выступавшего за главную команду страны более двухсот раз на самых ответственных соревнованиях, чемпиона мира и Европы, помнят неудержимую щагинскую подачу. Ребятам грезятся лавры учеников Щагина — Ревы, Смолянинова и многих других. И уж, конечно, юные волейболисты мечтают о победе в розыгрыше приза В. И. Щагина.

...А между тем игра накалялась. Напряжение было так велико, что даже ребята, работавшие на кухне, побросали невымытые миски и ложки и стали поддерживать свою команду. И вот — конец. Побежденные хмуро поздравляют победителей, и тут же начинается разбор игры.

— Те, кто побывал в нашем лагере, навсегда остаются верны волейболу,— говорит А. Я. Клочков.— Играют в заводских и институтских командах. Наши старшие питомцы часто приходят на тренировки начинающих, помогают им овладеть азами этой интересной игры.

Нет отбоя от желающих поехать в лагерь и на зимнюю смену. При любой погоде выходят ребята на утоптанный снег волейбольной площадки.

«Спутник» ждет вас, спортсмены!

В. МИХЕЕВ

Юмор

ЖЕРТВА АНОНИМКИ

Сурен МУРАДЯН

Как работник он был невидимка,
Только вдруг на него анонимка:
Дескать, пьет и в быту скандалист...
Хоть приятного в этом и мало,
Отмахнуться нельзя от сигнала.
Но проверили: в принципе чист.
Подтверждалась лишь мелочь, детали,
А во всем остальном клеветали
(Анонимщики — скверный народ).
И невинному, жертве навета,
Повышение вышло за это:
Как-никак не скандалит, не пьет...
По причине события вскоре
Состоялось застолье мужское —
Усидели бутылочек пять.
И кричал наш герой, как мальчишка:
— А удачно пришла мне мыслишка —
На себя анонимку послать!..

Перевел с армянского Борис ГАЙКОВИЧ.

Ереван.

ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ

Александр ТЕРЕНТЬЕВ

Оно стоит на огороде.
На нем уродливый пиджак.
— Что, чучело, оделось так?
— А как же? По последней моде —
Во все, что завезли
В сельмаг!

Саранск.

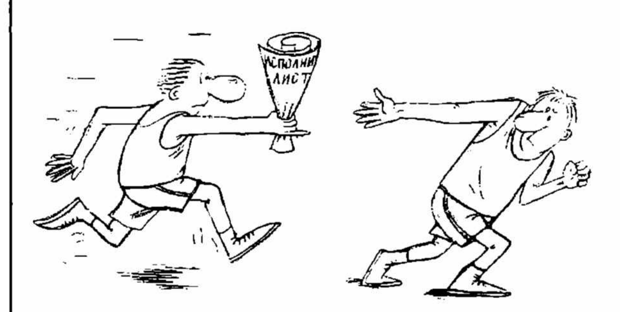

Рис. Е. Милутки

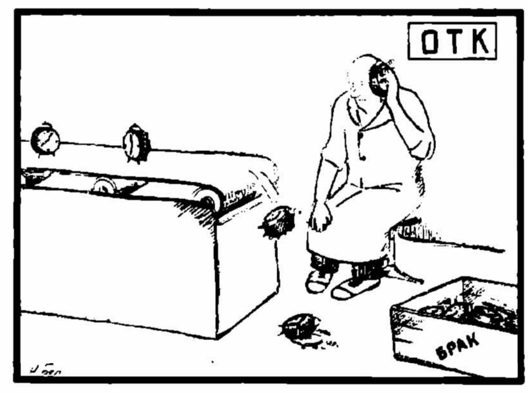

Рис. Н. Белявцева (Белград)

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ

Вл. ЛЕБЕДЕВ

Младшего научного сотрудника Петькина назвали бесперспективным. Сначала он не обратил на это внимания: мало ли как его называли. Но потом до него дошло. Бесперспективный — значит, ни на что не способный. Значит, что ни делай, все впустую, без пользы.

— Как же это? — всерьез разволновался Петькин. — Разве я не стараюсь? Разве не торчу целый день перед кульманом, как перед иконой? Разве не выворачиваюсь наизнанку, втискиваясь по утрам в переполненный автобус? А по субботам разве не борюсь я за чистоту на вверенной нам территории, прочесывая вместе со всеми газоны близлежащего сквера? Разве не участвую я в составе коллектива в его активном отдыхе? Уклоняюсь от уплаты членских взносов? Чем я, спрашивается, хуже других? В курилку хожу, как все, начальство уважаю, недостатки признаю, на собраниях не сплю.

Терзался, терзался Петькин, не вытерпел и прямо к шефу направился. Выслушал его шеф.

— Эх, Петькин, Петькин! — говорит. — Вам что, больше всех надо? Думаете, вы один такой? И ты, и Сергей Сергеич, и Василий Степаныч, и Павел Петрович — все как на подбор. Такой уж наш отдел бесперспективный. Вот нам вчера и сказали: весь ваш НИИ бесперспективный. Так что не бузите, а идите и спокойно работайте.

Горький.

●

ДУРА ЭЛЕКТРОННАЯ

Савелий ЦЫПИН

Начальнику районного СМУ Колбасину однажды подумалось: почему бы не организовать собственный вычислительный центр? Чем центр должен заниматься конкретно, он вообще-то не представлял, но невдалеке маячила пенсия, и ему мечталось оставить после себя след. Чтобы потом управленческие потомки вспоминали: а ВЦ-то у нас создал Колбасин — передовой был руководитель!

Задумано — сделано. Помещение отгрохали сравнительно быстро — все же для себя. Выбили несколько быстродействующих ЭВМ нового поколения. А возглавлять все это хозяйство заманили из областного центра свежезащитившегося по фамилии Мохнацкий.

Мохнацкий, как всякий оперившийся молодой ученый, был рад заиметь собственное дело и с жаром за него взялся. Он лично объездил стройки, разбросанные по периферии, взял план монтажно-строительных работ по объектам и ввел их в оперативную память машины. Впрочем, новизны задача не представляла — решалась с помощью стандартных программ.

И вот настал знаменательный день — ЭВМ впервые выдала график. По сему случаю в центр прибыл сам шеф. Он, как ребенок на павлина, с минуту глазел на экран дисплея, где непрерывно выскакивали какие-то цифры, потом взял расчет.

— Так-с, значит, с утра машина выдает завоз арматуры на шестой участок. А ты подумал, Мохнацкий. — Колбасин всех подчиненных моложе себя называл на «ты». — Ты подумал, что это понедельник?

— Какая разница?

— А такая, что сварщик Горбонос после выходных раньше среды на работу не выходит. Кто ж будет арматуру ставить? То-то!.. Так-с, глядим дальше. Цемент твоя Эвеме посчитала везти на второй участок. Вот дура-то электронная! Ведь я бригаду оттуда бросил в совхоз — там рухнула ферма, что мы сдали в первом квартале. И бульдозер туда кинул... Вот против кирпича на школу не возражаю.

Зазвонил телефон. Мохнацкий подошел:

— Да, он здесь. Сейчас... Вас! — Он передал трубку Колбасину.

— Владислав Никитович? Как же, я на своем вычислительном — так сказать, на мозговом центре. Руковожу строго согласно науке... Угу... Угу... Понял. Сделаю.

Колбасин положил трубку.

— Так, изменение. Кирпич, который на школу, переадресовать в Глобовку.

— Но ведь там у нас нет участка!

— У нас нет, а у других есть. Дачный. — Начальник ручкой выправил эвээмовский график и положил на стол. — Вот так теперь и действуй. Строго по науке!..

Он снова поглазел на дисплей и уехал в управление.

Мохнацкий сел и под шелест бобин задумался, что жизнь во всем ее многообразии ни в какую электронную машину не втиснуть. Человека ей не понять, нет, не понять...

Харьков.

●

СПАСИБО СТРОИТЕЛЯМ!

А. АЛЕКСЕЙЧИК

Последнее время принято ругать строителей. Что за архитектура, что за качество!

Недавно я был на новоселье у брата. Можете представить, закуски на столе не держатся, падают. Оказывается, угол наклона дома на пять градусов больше угла наклона знаменитой Пизанской башни.

Утерли нос итальянцам! Но ведь в доме-то моему родному брату жить.

А взять стены в его квартире! Слышимость, как в лучших концертных залах.

Кухня, ванная, туалет — все одного размера. Нет, кажется, ванная больше. Говорят. Точно неизвестно, так как дверь в ванную не открывается. Сказали, там спрятался прораб. По-моему, это он зря. Надо устранять недоделки, а не прятаться.

И все же я скажу, нельзя огулом всех строителей хаять. Есть среди них, конечно, и бракоделы, но как исключение.

Возьмем, к примеру, наш дом. До сих пор нарадоваться не могу. Потолки высокие, паркет дубовый. Как-то сосед сверху забыл кран закрыть. Так его обувь и мелкие вещи через форточку на улицу стали выливаться, а ко мне через потолок хотя бы капля!

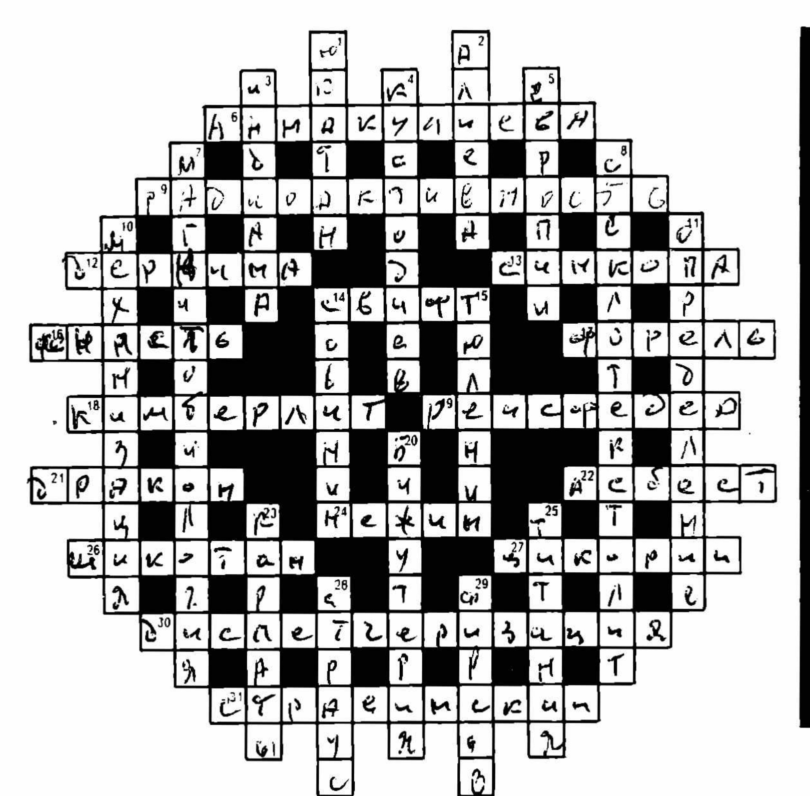
В кухне у нас папа по утрам от инфаркта бегает. В ванной дедушка с друзьями в преферанс режется. В чулане родная тетя живет со всеми удобствами.

В общем, квартира чудесная. Умеют строить, ничего не скажешь. Жаль только, не знаю, кто дом наш строил, кого благодарить. И дедушка мой (он тоже в этом доме родился) не помнит, кто строил.

Но все равно спасибо строителям. Молодцы!

Минск.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Туркменская певица, народная артистка СССР. 9. Самопроизвольное превращение атомных ядер в ядра других элементов. 12. Верхний слой почвы. 13. Смещение музыкального ударения с сильной доли такта на слабую. 14. Автор романа «Путешествие Гулливера». 16. Канат, веревка для управления парусами. 17. Лососевая рыба, обитающая в горных реках. 18. Алмазоносная горная порода. 19. Чертежный инструмент. 21. Северное созвездие. 22. Волокнистый минерал. 24. Город в Черниговской области. 26. Остров в Малой Курильской гряде. 27. Травянистое растение семейства сложноцветных. 30. Централизация оперативного контроля и управления производственными процессами. 31. Русский композитор и дирижер.

По вертикали: 1. Полуостров в Центральной Америке. 2. Народная поэтесса Дагестана. 3. Роман Ж. Санд. 4. Советский живописец, театральный художник. 5. Химический элемент, металл. 7. Раздел науки, изучающей физико-химические явления в живых организмах. 8. Разновидность слоистого пластика. 10. Одно из главных направлений научно-технического прогресса, замена ручного труда. 11. Второстепенный член предложения. 14. Действующее лицо в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». 15. Один из героев романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 20. Женские украшения. 23. Горная система в Европе. 25. Спутник планеты Уран. 28. Крупная птица, обитающая в Африке. 29. Советский хоккеист, неоднократный олимпийский чемпион.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 1. Артишок. 4. Соколов. 7. Куплет. 8. Расин. 10. Такси. 12. Касаткин. 17. Драва. 18. Гагра. 19. Тана. 20. Литавра. 21. Говоров. 22. Куна. 23. Гроза. 24. Онега. 26. Росомаха. 29. Точка. 31. Лоток. 32. Диплом. 33. Кальман. 34. Ахромат.

По вертикали: 1. Анероид. 2. Шпон. 3. «Кукла». 4. Сутки. 5. Корт. 6. Визитка. 9. Серафимович. 11. Конгломерат. 13. Синтаксис. 14. Караганда. 15. Сарафан. 16. Агроном. 23. Гротеск. 25. «Анекдот». 27. Орден. 28. Хамса. 30. Атом. 31. Литр.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. Чеверева, В. Арлашин. МИР ПЛАНЕТЕ. 1982 г. (Центральная часть триптиха).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Утро в Пушкинском заповеднике.

Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.08.82. Подписано к печати 24.08.82. А 00397. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2075. Заказ № 2825.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Н. АЛЕКСЕЕВА **Фото Э. ЭТТИНГЕРА**

«Осторожно дети!»

ЛЮДИ

Они встретились в Москве, в Гнесинском училище, на отделении артистов театра кукол. Эти двенадцать ребят во главе с их руководителем Леонидом Хаитом сошлись, подружились за время учебы. С первого курса начали выступать, ездить с шефскими концертами, придумывать номера, изобретать кукол и учиться их делать. И, как всегда бывает в подобных случаях, расставаться не хотелось. Ну, а если приходится?.. Вот и здесь наступил было критический момент: шестерым выпускникам предложили работать в театре Образцова. Заманчивое предложение!

Но ребята отказались, проявив тем самым необычайную настойчивость в желании сохранить свой коллектив, свой маленький театр. Ведь он уже был, уже сложился, их театр, в который они поверили, без которого не мыслили дальнейшего существования. И потому без колебаний приняли предложение работать всем вместе в Кемеровской филармонии (молодые артисты гастролировали в Кузбассе с дипломными спектаклями). В Москву полетела короткая телеграмма художественному руководителю: «Приезжайте!»

Вот так они оказались в Кемерове, и москвичи, и кукольники из Ленинграда, Ростова, Волгограда...

Кемеровский ансамбль «Люди и куклы» существует четыре года. Все с той же завидной настойчивостью и упорством преодолевают артисты трудности кочевой, гастрольной жизни. Вместе под руководством талантливого художника Виктора Платонова делают куклы, шьют им костюмы; вместе отказываются от отпуска, если не хватает репетиционного периода для сдачи спектакля. Ансамбль не ищет легкого пути: ведь они могли бы, как любая концертная бригада, с каким-то одним номером годами разъезжать по стране. Однако коллектив постоянно работает над новыми спектаклями, а на гастроли неутомимо вывозит все программы, все куклы и всю «одежду» сцены: кулисы, декорации — словом, две тонны груза...

Зато и праздничная, щедрая реакция зрительного зала всегда бывает на спектаклях кемеровского ансамбля, насыщенных тонким юмором и едкой сатирой, песнями и танцами, привлекающих жанровым многообразием, стремлением к театру синтетическому, в котором на равных правах существуют человек и кукла.

Известно, что присутствие людей и кукол на сцене одновременно — прием не новый (вспомним того же Петрушку и шарманщика). Но неповторимость ансамбля «Люди и куклы» заключается в том, что куклы не просто оживают в руках людей, а взаимодействуют с ними. На сцене героем может быть как кукла, так и человек. Например, в спектакле «Три грации», поставленном по рассказу В. Шукшина, куклы как бы материализуют худшие человеческие качества, в их характерах сконцентрированы мещанские злоба и зависть ко всему миру, душевная пустота, ограниченность. Люди же в этой постановке исполняют роли положительные. Люди пытаются здесь противостоять «грациям», которые при всем удивительном человекоподобии, внешней похожести на человека, соответствии ему и ростом и жестами, даже мимикой,— тем не менее бесчеловечны по сути своей. Подлежат безоговорочному выселению из царства людей...

А в новой постановке, «Остановите музыку!», осуществленной ее автором и руководителем ансамбля Л. Хаитом, люди и куклы как бы меняются местами. Спектакль направлен против «массовой культуры», конкретнее — против «тиражирования» музыки, засилья шлягеров и нездорового ажиотажа вокруг них. Шлягер завладевает миром, предостерегает спектакль. Все куклы здесь — эстрадные кумиры, а люди — слепые идолопоклонники, в конце концов напоминающие марионеток, дергающихся под победоносные звуки голоса очередной «звезды», невесть откуда взявшейся... Для артистов этот спектакль на сегодняшний день самый трудный: они должны тут много петь, в том числе и народные песни «а капелла», изучить и показать на сцене танцы народов мира, к тому же постановка идет в очень быстром темпе... Ну и, конечно, надо помнить о главном — о куклах.

Я была на репетиции ансамбля. Она показалась бесконечной. Я увидела, какой ценой дается здесь каждое — со стороны очень непринужденное — движение куклы, тем более, что творится оно полностью на глазах у зрителя: один артист работает с ногами, другой — с головой... Кукла должна двигаться ритмично и естественно, но этого мало: артисты, ведущие куклу, тоже должны двигаться изящно, четко, но вроде бы и незаметно, не бросаясь в глаза. В то же время не «забывать» играть как актеры драматические. Без этого невозможна жизнь куклы, сколь бы лихо она ни двигалась. Между прочим, художник ансамбля старается даже наделять куклу некоторыми черточками, внешне напоминающими того артиста, который будет давать ей свой голос, вкладывать свою душу.

Сейчас в театрах кукол стало довольно модным выводить актера из-за ширмы на первый план. Но — увы! — нередко актер бывает не подготовлен для такой встречи со зрителем. Причина заключена в том, что в специальных учебных заведениях (а их очень и очень мало) артиста учат в основном чистой технологии вождения куклы. В результате это рождает театр имитационный, пытающийся повторить человека. Но ведь просто сам по себе оживший предмет доставляет радость лишь ребенку. Театр, который стремится говорить со зрителем о серьезных, «взрослых» проблемах насущной жизни, которому прежде всего важна и д е я (а к таковому принадлежат «Люди и куклы»), должен освоить все формы выразительности, всю жанровую специфику театра.

Леонид Хаит точно знает, что может на сцене тот или иной актер ансамбля, что получается у него лучше, что дается труднее.

— У нас есть очень способные ребята,— рассказывает он.— Наташа Андреева, например... Хорошо поет, музыкальна, темпераментна. В первый год обучения кукла была ей помехой, Наташа мечтала стать актрисой. Но все-таки сумела дать кукле жизнь! А Сережа Григорьев лучше всех танцует и помогает в этом остальным. Валерий Гаркалин силен в драматическом искусстве, а горьковчанин Леня Столыпин — очень хороший кукловод...

Наталья Виноградова, Владимир Агеев, Георгий Подопригоров... Их сейчас четырнадцать человек. Они по-прежнему дружны, заботливы по отношению друг к другу. Влюблены в свою работу. Видно, напрасно кое-кто предрекал, что больше года в филармонии не выдержат.

— Огромное счастье — воспитать артистов и прожить с ними творческую жизнь, сколь бы сложна она ни была,— заключает нашу беседу Леонид Абрамович.

А я думаю о том, что многие сложности ансамбля «Люди и куклы» были бы преодолены, когда бы ансамбль официально назвали театром. Разумеется, дело тут не в одном названии. Театру нужна самостоятельность, нужно свое здание, где могли бы спокойно разместиться и люди и куклы. Своей работой в филармонии артисты доказали, что расставаться тогда им было нельзя,— и теперь тоже. В этом убеждены и зрители (притом не только театральные, но уже и кино- и телезрители).

Уверена, что любой город, в том числе даже избалованная театрами столица, был бы рад иметь вот такой театр кукол. Задорный и динамичный, импровизационный, злободневный... Полный интересных замыслов и способный их осуществить.

Художественный руководитель ансамбля Л. Хаит.

Сцена из спектакля «Три грации».

И КУКЛЫ

«Спортивная фантазия».

Художник В. Платонов придумывает новую куклу.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663